

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№3
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Становление института посредничества и его роль в урегулировании ценностных конфликтов на примере Республики Косово.

- Потапова Е.Б., Бондарь Е.Д.* 3
- Подходы России и ЕС к медиации в урегулировании курдского вопроса на турецко-сирийской границе. *Буланакова М.А., Вертий Н.А.* 8
- Анализ особенностей участия Латвии, Литвы и Эстонии в миротворческой деятельности ЕС. *Пронякина Е.Д., Деревянкина Н.А.* 13
- Смена парадигмы влияния на международные процессы в эпоху формирующегося многополярного мира: фактор «мягкой силы». *Баранов Н.А., Коломойченко М.К.* 20
- Опыт ОДКБ в области миротворчества на примере обеспечения безопасности Центральной Азии. *Лабенский Я.В.* 26
- Особые аспекты политики ЕС в контексте конфликта в восточной части Украины. *Маркушина Н.Ю., Линева Е.В.* 32
- «Дипломатия принуждения»: вызов традиционным формам политического урегулирования конфликтов на примере КНДР. *Шевчук Н.В., Орлова Т.А.* 38
- Евразийская идея как стратегический курс в имиджевой политике России. *Василенко И.А.* 43

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Влияние научно-технического прогресса в области ИКТ на развитие социального протестного движения в эпоху цифровизации.

- Шумаков А.А.* 48
- Отношения Русской Православной Церкви и Советского государства в период с 1917-1945 гг. *Северилов П.В.* 53
- Особенности сохранения исторического наследия в контексте современного глобализационного процесса и условиях информационного общества. *Никулин Ю.А.* 56
- Фальсификация итогов Второй мировой войны как инструмент идеологической борьбы стран Запада против России. *Мармазова Т.И.* 59

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Основные проблемы защиты прав на товарный знак. *Крысанов А.М.* 63
- Интеллектуальная собственность в Российской Федерации: сущность, проблемы реализации и перспективы развития. *Курков Д.А.* 66
- Основные подходы к охране программных продуктов в Израиле. *Тарасов А.В.* 69
- Вопросы регулирования института промышленной собственности в законодательстве Испании. *Коновалов Н.Н., Кондратюк А.Ю.* 72
- Правовые проблемы семей, имеющих детей с ограниченными возможностями. *Евсеева И.Г., Семенова В.Р.* 77

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Вопросы правового регулирования права граждан на обжалование неправомερных решений должностных лиц органов публичной власти. *Калинина С.В., Бобылева М.Н.* 80
- Проблема разрешения корпоративных конфликтов: досудебное урегулирование в контексте основных тенденций взаимодействия бизнеса и права. *Гребенкина И.А., Тимофеева А.А.* 83
- Коренные изменения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов. *Минасян Г.М., Петухов С.В.* 86

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-63082 выдано 18.09.2015

ISSN 2499-9660 Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. профессор В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Баранов Николай Алексеевич**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Буренко Владимир Иванович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
- Гончаров Петр Константинович**, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)
- Гущин Василий Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции
- Коньшев Валерий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
- Корконосенко Сергей Григорьевич**, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет
- Косов Геннадий Владимирович**, д-р полит. наук, проф., заведующий кафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет
- Ковшин Андрей Петрович**, д-р полит. наук, проф., заведующий кафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
- Нурьшев Геннадий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции
- Мартынов Борис Федорович**, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Нисевич Юлий Анатольевич**, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
- Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Шагьева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Сардарян Генри Тигранович**, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Скитович Виктор Викторович**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
- Смоленский Михаил Борисович**, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения
- Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 04.10.2020

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Formation of the institution of mediation and its role in the settlement of value conflicts on the example of the Republic of Kosovo. *Potapova E.B., Bondar E.D.* 3
- Approaches of Russia and the EU to mediation in the settlement of the Kurdish issue on the Turkish-Syrian border. *Bulanakova M.A., Vertiy N.A.* 8
- Analysis of the peculiarities of the participation of Latvia, Lithuania and Estonia in the EU peacekeeping activities. *Pronyakina E. D., Dereviankina N. A.* 13
- Changing the paradigm of influence on international processes in the era of the emerging multipolar world: the factor of "soft power". *Baranov N.A., Kolomoichenko M.K.* 20
- CSTO experience in the field of peacekeeping on the example of ensuring the security of Central Asia. *Labensky Ya.V.* 26
- Special aspects of EU policy in the context of the conflict in the eastern part of Ukraine. *Markushina N.Yu., Lineva E.V.* 32
- "Coercive Diplomacy": Challenge to Traditional Forms of Political Conflict Resolution on the Example of the DPRK. *Shevchuk N.V., Orlova T.A.* 38
- Eurasian idea as a strategic course in the image policy of Russia. *Vasilenko I.A.* 43

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- The impact of scientific and technological progress in the field of ICT on the development of the social protest movement in the era of digitalization. *Shumakov A. A.* 48

- Relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet state in the period from 1917-1945. *Severilov P.V.* 53
- Features of the preservation of the historical heritage in the context of the modern globalization process and the conditions of the information society. *Nikulin Yu.A.* 56
- Falsification of the results of World War II as an instrument of the ideological struggle of Western countries against Russia. *Marmazova T.I.* 59

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- The main problems of protecting trademark rights. *Krysanov A.M.* 63
- Intellectual property in the Russian Federation: essence, implementation problems and development prospects. *Kurkov D.A.* 66
- The main approaches to the protection of software products in Israel. *Tarasov A.V.* 69
- Questions of regulation of the institution of industrial property in Spanish legislation. *Kononov N.N., Kondratyuk A. Yu.* 72
- Legal problems of families with children with disabilities. *Evseeva I.G., Semenova V.R.* 77

CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS

- Issues of legal regulation of the right of citizens to appeal against unlawful decisions of officials of public authorities. *Kalinina S.V., Bobyleva M.N.* 80
- The problem of resolving corporate conflicts: pre-trial settlement in the context of the main trends in the interaction of business and law. *Grebenkina I.A., Timofeeva A.A.* 83
- Fundamental changes in the competence of courts of general jurisdiction and arbitration courts. *Minasyan G.M., Petukhov S.V.* 86

Становление института посредничества и его роль в урегулировании ценностных конфликтов на примере Республики Косово

Потапова Екатерина Борисовна,

кандидат политических наук, ст. преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Бондарь Елизавета Денисовна

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, СЗИУ РАНХиГС

В статье рассматривается становление института посредничества и его роль в урегулировании ценностных конфликтов. Главным объектом исследования является конфликт, возникший на фоне получения независимости Республикой Косово. В работах зарубежных и отечественных ученых обозначенный конфликт классифицируется как этнический. В данной работе основное внимание уделяется влиянию столкновения ценностных ориентаций албанского и сербского населения. Именно оно определяется как один из ключевых факторов возникновения конфликтной ситуации.

Особое внимание уделяется роли контактной группы, созданной в 1992 г. для помощи в урегулировании данного конфликта, а также взаимодействию стран — членов ЕС и России. В рамках ранее упомянутого сотрудничества исследуется проблема несовпадения геополитических интересов непосредственных участников контактной группы и трудности в процессе в урегулирования ситуации вокруг Республики Косово, последовавшие за этим. Главная роль в рамках взаимодействия стран — членов ЕС и России отводится детальному рассмотрению плана Черномырдина — Ахтисаари, как одному из самых ярких примеров плодотворной деятельности представителей вышеупомянутых субъектов контактной группы. Данный план является одним из наиболее значимых документов, способствующих урегулированию заявленного в работе конфликта. Процесс осуществления посредничества рассматривается поэтапно. Также обозначены этапы сотрудничества и конфронтации между странами — членами ЕС и Россией в рамках работы контактной группы.

Опираясь на анализ имеющихся исследований, автор пришел к выводу, что урегулирование конфликта вокруг Республики Косово напрямую зависело от геополитических интересов России и стран — членов ЕС.

Ключевые слова: конфликт, посредничество, Косово, ЕС, Россия.

Свое начало понятие «ценность» в этическом плане берет в трудах античных ученых. Изучением ценностного сознания занимались такие философы, как Сократ, Платон и Аристотель. В своих трудах они вели поиски специфических гносеологических, этических и эстетических особенностей понятий, сохраняя их изначальную ценностную связь. Так, Сократ при характеристике прекрасного показывает его связь с полезным как разумную целесообразность. В свою очередь, Платон ассоциировал данное понятие с сущностью красоты, при этом он не отделял прекрасное от доброго, благого и истинного [3, с. 2].

Впервые понятие «ценность» как характеристика нематериального объекта была упомянута в работах И. Канта. Он писал о том, что ценности имеют двойственную природу — метафизическую и экзистенциальную. Их метафизическая природа состоит в том, что абсолютные (моральные) ценности имеют своим основанием разум и волю человека. Их экзистенциальная природа состоит в том, что в основании относительных (вещественных и невещественных) ценностей лежат объективные потребности человека, его желания и стремления [3, с. 84].

Ценности — то, что для каждого человека, в частности, является преимущественным в окружающей нас действительности. Мы искренне верим, что именно наши ценности являются неотчуждаемыми и исключительно верными по отношению к ценностям других людей. При этом к ценностям относятся различные категории, такие как мировоззрение, верования, традиции и т.п.

Для рассмотрения данной темы стоит также обратиться к трактовке самого понятия «ценностный конфликт». Оно определяется как многоуровневый, сложный механизм, который может протекать как между индивидами, так и между масштабными группами (классами, нациями, цивилизациями) на почве несовпадения интересов в области исторически сложившейся культуры вышеупомянутых участников конфликта [4, с. 24—25]. Иными словами, ценностный конфликт зачастую носит опосредованный характер.

В рамках современных реалий возникновение ценностного конфликта становится закономерностью общественного развития. Большое количество такого рода столкновений в международной среде, которые остаются нерешенными и в наши дни, связаны с распадом Советского Союза, по-

влекшим за собой крах биполярной системы. В результате данных процессов многие территории, находящиеся ранее под единой идеологией, получили независимость. На смену коммунистической идеологии пришли либеральные демократические ценности. Возникла проблема несовпадения ценностной ориентации правящих групп и обычного населения внутри государств Восточной Европы, что впоследствии привело к стремлению малых этнических групп новых независимых государств воспользоваться правом на равноправие и самоопределение народов, которое закреплено в декларации ООН от 1970 г.¹ В результате возник целый ряд новых государств, которые на данный момент являются непризнанными или частично признанными.

Для урегулирования внутренней ситуации и, соответственно, ценностного конфликта на той или иной территории активнее всего применяется метод посредничества.

Институт посредничества в публично-правовых отношениях был закреплен и регламентирован в двух Гаагских конвенциях «О мирном разрешении международных столкновений», которые были приняты в результате проведения двух мирных конференций в Гааге в 1899 и 1907 гг. [5, с. 1].

Гаагская конвенция 1899 г. учреждает институт международных следственных комиссий, которые могут создаваться сторонами для выяснения спорных вопросов посредством беспристрастного и добросовестного их расследования. В Гаагской конвенции закреплено: «На следственной комиссии лежит обязанность облегчать разрешение споров. Таким образом, институт следственных комиссий призван оказывать помощь и содействие сторонам в разрешении возникшего конфликта»².

В дальнейшем институт посредничества получил развитие в Акте о мирном разрешении международных споров 1985 г. В нем закреплялась возможность создания согласительных комиссий. Они отличались от следственных более широким спектром полномочий. Так, согласительные комиссии не ограничиваются выяснением только фактических обстоятельств, но и имеют возможность предложить варианты мирного урегулирования конфликта.

Однако посредничество в современном политическом контексте понимается как возможность третьей независимой стороны принимать активное участие в процессе примирения между сторонами конфликта. Посредник может предлагать способы разрешения споров, однако эти предложения не имеют императивной силы для сторон [1, с. 53].

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. — URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

² О мирном разрешении международных столкновений: I Гаагская конвенция. 1899 г. // Конвенции и декларации, подписанные в Гааге 17/29 июля 1899 г. — Санкт-Петербург, 1901.

Такова краткая история возникновения института посредничества и различных его форм, которые не потеряли актуальность и в наши дни. Однако стоит заметить, что при подписании Гаагских мирных конвенций 1899 и 1907 гг. под посредником понималось в первую очередь третье государство, не задействованное в конфликте.

В современных реалиях посредником в урегулировании международного конфликта чаще всего выступают международные организации или институт. Такой тип посредничества называется институциональный.

С точки зрения автора, распространение институционального посредничества после распада биполярной системы субъективно обосновывается тем, что участники конфликта видят в международной организации беспристрастную сторону, не имеющую собственных интересов и представляющую мнение относительно большого количества государств, преследующую лишь цель установления мира в международном пространстве. Объективным обоснованием является то, что международная организация имеет более широкий инструментарий, а также больше механизмов осуществления посредничества и ресурсов для выполнения посреднической миссии. Ключевым субъектом институционального посредничества выступает ООН, однако оно также может осуществляться в рамках миссий ЕС.

Кроме того, на примере урегулирования ценностных конфликтов на постсоветском пространстве мы можем наблюдать слияние институционального посредничества и посредничества, исходящего от третьего государства. Одним из распространенных вариантов является взаимодействие ЕС и России с целью мирного урегулирования.

Стоит отметить, что ЕС, как и Россия, признает в своих основополагающих документах, что региональные конфликты являются одним из главных вызовов европейской и международной безопасности. Они создают условия для разрастания экстремизма и терроризма, формирования организованной преступности, распространения оружия массового поражения. Для России, как и для ЕС, особую важность носит урегулирование конфликтов на европейском континенте и в сопредельных регионах: на постсоветском пространстве, Западных Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке [2, с. 19].

К внутренним конфликтам, возникающим на ценностной почве, можно отнести ситуацию с самоопределением Республики Косово, которая входит в проблематику Западных Балкан.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров взаимодействия ЕС и России в урегулировании региональных ценностных конфликтов, важно заметить, что сотрудничество данных субъектов имеет существенную преграду в несовпадении векторов внешней политики в целом. Так, Россия видит СНГ как зону своего непосредственного влияния и стремится занимать лидирующую позицию внутри региона. Кроме того, она опасается усиления геополитического присутствия США

на европейском континенте за счет развития системы безопасности на основе НАТО и ЕС. В свою очередь, ЕС опасается усиления влияния России на пространстве СНГ, которое может произойти за счет участия Российской Федерации в урегулировании региональных конфликтов. Таким образом, несовпадение интересов в постсоветском пространстве и модель противоборства «Запад — Россия» ведет к усложнению урегулирования региональных конфликтов [2, с. 20], что можно наблюдать на примере посреднической деятельности ЕС и России в Республике Косово.

Исторически конфликт начал приобретать свои очертания со времен окончания Второй мировой войны. Именно в тот момент Иосип Броз Тито разрешил албанцам, оказавшимся в ходе войны на территории Югославии, остаться в Косово.

В дальнейшем Косово впервые было выделено в автономную область в составе Сербии, в рамках Федеративной Республики Югославии. В 1974 году был издан новый основной закон Югославии, который предоставлял краям Сербии фактический статус республик, единственное, чего они были лишены, — права на отделение. Однако к концу 1980-х гг. начался масштабный политический кризис, который привел к росту преступности и массовым беспорядкам, результатом стало лишение автономного статуса Косово. В 1990 году была издана новая конституция, которая предусматривала верховенство законов республики над краевыми.

Албанское население не устроило такого рода данность. В результате параллельно с государственными законными органами власти в Косово создавались зеркальные, но легитимные лишь для албанского населения. А в 1991 г. был произведен нелегальный референдум, итогом которого стало создание независимой Республики Косово.

Резюмируя историю возникновения данного регионального конфликта, важно заметить, что столкновение албанского и сербского населения ценностно ориентировано. Косово является историческим религиозным центром Сербии, во многом именно поэтому сербское правительство считает недопустимым его отделение от Сербского государства под властью албанского населения, которое преимущественно является мусульманами.

В рамках посредничества в данном конфликте основную роль играет ООН. Под ее патронатом в 1992 г. была создана контактная группа, в число членов которой вошли представители ЕС и Российской Федерации.

Важно заметить, что конфликт в Косово происходил на фоне распада Социалистической Федеративной Республики Югославия. Для его урегулирования в 1992 г. была создана Контактная группа посредников в составе России, США, Великобритании, Германии, Франции и Италии [6, с. 72].

В рамках 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1997 г. состоялось ее заседание, на котором впервые было принято отдельное заявление по Косово. Участники контактной группы

пришли к выводу, что Косовская проблема является внутренней для Югославии, однако выразили свое беспокойство и надежду на мирное урегулирование конфликта.

В течение следующих двух лет встречи контактной группы проходили без представительства конфликтующих сторон, что затрудняло дальнейшее разрешение ситуации. Российская сторона воспользовалась «челночной дипломатией» и развернула свою посредническую миссию. В результате ее работы Российская Федерация и Югославия заключили между собой соглашение, позволившее развернуть миссию дипломатических наблюдателей в Косово, в состав которой вошли Россия, ЕС и США.

Дальнейший виток сотрудничества ЕС и России по Косовскому вопросу был инициирован агрессивными действиями со стороны НАТО. Для урегулирования ситуации в 1999 г. состоялась встреча контактной группы в Хельсинки. На ней сформировалась новая международная тройка посредничества — «Черномырдин — Тэлботт — Ахтисаари».

В результате тесного взаимодействия представителя Российской стороны и представителя ЕС был выработан план Черномырдина — Ахтисаари по урегулированию конфликта в Косово, на основе которого Советом Безопасности ООН 10 июня 1999 г. была утверждена резолюция 1244. Согласно данной резолюции Косово перешло под временное управление ООН. Она также постановила развернуть в Косово под эгидой ООН международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности. Обязанности международного присутствия по безопасности при существенном участии НАТО включали обеспечение соблюдения прекращения огня [6, с. 76].

Следующий этап взаимодействия России и представителей ЕС стал более конфронтационным. В частности, в 2007 г. по итогу нескольких раундов переговоров под эгидой ООН М. Ахтисаари, который на тот момент являлся Специальным посланником ООН, пришел к выводу, что стороны конфликта не готовы к компромиссу. Исходя из этого, он заявил: «Единственным жизнеспособным вариантом для Косово является независимость под надзором — в течение первоначального периода — международного сообщества»³. Данная позиция получила одобрение представителями ЕС и США, однако Россия высказалась категорически против и отказалась утверждать в Совете Безопасности ООН план Ахтисаари.

Таким образом, усилия контактной группы по урегулированию конфликта были продолжены, однако удалось достичь лишь некоторых взаимных уступок, но вопрос Косово продолжал оставаться нерешенным. В результате произошло одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г.

³ Доклад Специального посланника Генерального секретаря ООН по определению будущего статуса Косово // Док. ООН S/2007/168, 26.03.2007.

В июле 2010 г. Международный Суд (ICJ) выпустил консультативное заключение по запросу Генеральной Ассамблеи ООН относительно одностороннего провозглашения независимости Косово в 2008 г. Международный Суд пришел к выводу, что провозглашение независимости Косово «не нарушило никакие применимые нормы международного права»⁴.

В соответствии с консультативным заключением Международного Суда Белград объявил, что будет стремиться заручиться поддержкой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей к возобновлению переговоров о статусе Косово [7, с. 247].

Подводя итог, важно отметить несколько деталей: несмотря на то что ЕС и Россия принимали непосредственное участие в деятельности контактной группы, зачастую они занимали диаметрально противоположные позиции, даже при условии наличия общей цели — мирного урегулирования и завершения конфликта. Так, если Россия пыталась предложить решение конфликта, не исключая Косово из состава Сербии, то ЕС, а также США еще на начальном этапе работы контактной группы высказывались в поддержку предоставления Косово независимости. Впоследствии данная тенденция подтвердилась после создания плана Ахтисаари. Кроме того, на начальном этапе конфликта Европейская сторона видела непосредственную выгоду: за самоопределением Косово мог последовать окончательный распад социалистической Югославии при существенном ослаблении Сербии. Такая ситуация полностью удовлетворяла бы интересы как ЕС, так и США на Западных Балканах [6, с. 72].

Однако не стоит забывать о плодотворной работе, проделанной представителями ЕС и Российской Федерации. План Черномырдина — Ахтисаари позволил создать и закрепить возможные меры и нормы, применяемые для урегулирования конфликта в Косово на всем его протяжении.

Важно заметить, что конфликт по мере его развития и участия в нем посреднической миссии стал еще более ценностно ориентирован. Помимо внутренних ценностных противоречий, которые были заявлены в истории конфликта, образовались противоречия ценностных геополитических интересов. Так, сербское правительство активно полагалось на позицию России, о чем свидетельствовали договоры, заключаемые непосредственно с Российской Федерацией в течение конфликта. Такое поведение Белграда объясняется тем, что он видел в России союзника, который действительно выступал за сохранение на начальном этапе целостности Югославии, а затем и Сербии. Кроме того, на начальных этапах конфликта большую роль сыграла приверженность Югославии и, соответственно, Сербии социалистической идеологии, что позволяло с большим доверием относиться к России как члену контактной группы.

В свою очередь албанская оппозиция была ценностно ориентирована на Запад и была готова активно пользоваться его поддержкой.

Подводя итог данной работы, важно отметить, что институт посредничества в урегулировании региональных конфликтов весьма сложен и неоднозначен. Главным отягчающим обстоятельством являются национальные интересы государств-посредников или региональных организаций. Как мы убедились на примере, каждый из посредников начинает «тянуть одеяло на себя» и пытается извлечь максимальную выгоду для своей стороны, иногда забывая о том, что внутри государства происходит столкновение военных группировок, которое угрожает здоровью и жизни гражданского населения. Нередки случаи, когда посредники могут прибегать и к намеренной эскалации конфликта, как это происходило в Югославии, при помощи бомбардировок, которые провели в 1999 г. НАТО.

В то же время нельзя говорить об абсолютной неэффективности посреднических миссий. Например, несмотря на то что контактная группа не смогла довести переговоры между Приштиной и Белградом до компромисса, деятельность после 1999 г. позволила минимизировать жертвы со стороны гражданского населения и создать юридическую базу для дальнейших переговоров в мирном ключе.

Так или иначе, институт посредничества по-прежнему остается одним из самых часто применяемых для урегулирования как региональных, так и ценностных конфликтов, и представить другую, такую же существенную альтернативу, при условии взаимного неприятия и неготовности вести переговоры сторон, на данный момент практически невозможно.

Литература

1. Бирюков, П. Н. Международное право : учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юристъ, 2006. — 685 с.
2. Европейский союз и региональные конфликты / отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. — Москва : ИМЭМО РАН, 2011. — 143 с.
3. Невмержицкая, Е. Н. Эстетическая философия ценности. История возникновения. Эпоха античности // Инновации в науке. — 2014. — № 38. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskaya-filosofiya-tsennosti-istoriya-vozniknoveniya-epoha-antichnosti>
4. Пантич, Д. Конфликты ценностей в странах транзита // Социологические исследования. — 1997. — № 6. — С. 24—36. — URL : [http://ecsocman.hse.ru/data/674/169/1217/003.PANTI CH.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/674/169/1217/003.PANTI%20CH.pdf)
5. Сенченко, Т. А. Правовое регулирование посредничества (медиации): международный и национальный уровень // Наука и современность. — 2013. — № 22. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-posrednichestva-mediatsii-mezhdunarodnyy-i-natsionalnyy-uroven>

⁴ Report of the International Court of Justice 1 August 2009-31 July 2010. — URL : <https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/2009-2010-en.pdf>

6. Семкина, Ю. Н. Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 4. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-posrednichestvo-v-uregulirovanii-konflikta-v-kosovo>

7. Bergmann, J. Same table, different menus? A comparison of un and EU mediation practice in the kosovo-serbia conflict // International Negotiation. — 2018. — 23(2). — P. 238—257. DOI: 10.1163/15718069-23021156.

Formation of the institution of mediation and its role in the settlement of value conflicts on the example of the Republic of Kosovo

Potapova E.B., Bondar E. D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The paper considers the formation of the institution of mediation and its role in the settlement of value conflicts. The main object of the study is the conflict that arose against the background of independence of the Republic of Kosovo. In the works of foreign and domestic scientists, the designated conflict is classified as ethnic. This paper focuses on the impact of the clash of value orientations of the Albanian and Serbian populations. It is defined as one of the key factors in the emergence of a conflict situation.

Special attention is paid to the role of the contact group established in 1992 to help resolve this conflict, as well as to the interaction of EU member States and Russia. In the previously mentioned framework of cooperation the problem of mismatch between the geopolitical interests of direct participants of the contact group and the ensuing difficulties in the process of resolving the situation around the Republic of Kosovo are analyzed. The main role in the framework of interaction between the EU member States and Russia is assigned to a detailed consideration of the Chernomyrdin-Ahtisaari plan, as one of the most striking examples of fruitful activities of representatives of the above-mentioned contact group entities. This plan is one of the most significant documents that contribute to the settlement of the conflict declared in the work of the conflict. The mediation process is considered in stages. The stages of cooperation and confrontation between the EU member States and Russia within the framework of the contact group are also outlined.

Based on the analysis of available research, the author came to the conclusion that the settlement of the conflict around the Republic of Kosovo directly depended on the geopolitical interests of Russia and the EU member States.

Keywords: conflict, mediation, Kosovo, EU, Russia.

References

1. Biryukov, PN International law: textbook. - 3rd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurist, 2006 .-- 685 p.
2. European Union and regional conflicts / otv. ed. N. K. Arbatova, A. M. Kokeev. - Moscow: IMEMO RAN, 2011 .-- 143 p.
3. Nevmerzhietskaya, EN Aesthetic philosophy of value. History of origin. The era of antiquity // Innovations in science. - 2014. - No. 38. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskaya-filosofiya-tsennosti-istoriya-vozniknoveniya-epoha-antichnosti>
4. Pantich, D. Conflicts of values in countries of transition // Sociological research. - 1997. - No. 6. - P. 24-36. - URL: http://ecsocman.hse.ru/data/674/169/1217/003.PANTICH_H.pdf
5. Senchenko, TA Legal regulation of mediation (mediation): international and national level // Science and modernity. - 2013. - No. 22. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-posrednichestva-mediatsii-mezhdunarodnyy-i-natsionalnyy-uroven>
6. Semkina, Yu. N. International mediation in resolving the conflict in Kosovo // Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences. - 2008. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-posrednichestvo-v-uregulirovanii-konflikta-v-kosovo>
7. Bergmann, J. Same table, different menus? A comparison of un and EU mediation practice in the kosovo-serbia conflict // International Negotiation. - 2018 .-- 23 (2). - P. 238-257. DOI: 10.1163 / 15718069-23021156.

Подходы России и ЕС к медиации в урегулировании курдского вопроса на турецко-сирийской границе

Буланакова Мария Александровна,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вертий Наталья Андреевна

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, СЗИУ РАНХиГС

В статье рассматриваются инструменты урегулирования Курдского вопроса на Турецко-Сирийской границе, используемые Россией и Европейский союзом. Наиболее частым проявлением акторности внешних игроков по вопросам урегулирования курдской проблемы по сей день остается непосредственное военное вмешательство, в то время как дипломатическая медиация в данном вопросе отходит на второй план. Возобновившееся осенью 2019 г. наступление Турции на курдские формирования в провинции Идлиб было признано Европейским союзом нарушением международного права. Конфликт между Турцией и Сирией не разрешен до сих пор, он оказывает колоссальное влияние как на региональные процессы на Ближнем Востоке, так и на всю международную ситуацию в целом. Одними из главных препятствий для продуктивной работы медиаторов по урегулированию конфликта между Анкарой и Дамаском является официальная политика Эрдогана по отношению к курдскому населению и отсутствие представителей курдов за столом переговоров. Москва придерживается позиции медиатора межгосударственного конфликта, стараясь сохранить стабильные отношения и с Турцией, и с Сирией, в то время как Европейский союз отказывается сотрудничать с Б. Асадом, а также требует прямого участия курдов в процессе деэскалации напряженности. Автор статьи сравнивает российское и европейское видение Курдского вопроса и подходов к его разрешению, а также анализирует степень продуктивности дипломатической медиации в качестве инструмента урегулирования конфликта на Турецко-Сирийской границе.

Ключевые слова: курды, Европейский союз, Россия, дипломатическая медиация, Идлиб.

Основной угрозой как региональной, так и международной безопасности, а также одной из важных причин отставания развивающихся государств Азии, Африки, Ближнего Востока являются региональные конфликты. Урегулирование таких конфликтов — это первоочередная задача международного сообщества в целом и отдельных государств в том числе. Одним из важнейших инструментов разрешения региональных и международных споров выступает политико-дипломатическая медиация. Играя роль медиатора в процессе взаимодействия конфликтующих сторон, государство или группа государств дают всем сторонам конфликта возможность обсудить ключевые вопросы, официально предъявить свои требования и прийти к мирному соглашению. Зачастую государства-медиаторы выступают гарантами исполнения обязательств со стороны участников конфликта.

Одним из наиболее турбулентных регионов с множеством неурегулированных конфликтов является Ближний Восток. Начиная с фундаментального арабо-израильского противостояния и заканчивая внутривосточными трениями и гражданскими войнами в некоторых государствах, этот регион был и остается одним из главных объектов международного посредничества, а также миротворческой и гуманитарной деятельности государств и международных организаций. Данная статья посвящена одному из наиболее сложных конфликтных противостояний на Ближнем Востоке, а именно ситуации, связанной с разрешением курдского вопроса в рамках эскалации напряженности на турецко-сирийской границе.

В наиболее простом звучании курдский вопрос — это вопрос о существовании одной из самых больших этнических групп в мире, не имеющей своего политического центра, своего государства. Курды проживают на территории четырех граничащих друг с другом ближневосточных стран: Турции, Сирии, Ирака и Ирана. А вопрос об объединении курдов и формировании ими своей государственности является камнем преткновения в урегулировании межгосударственных отношений вышеупомянутых государств и вопросах формирования их внешней политики.

Урегулирование курдского вопроса представляется сложнейшей задачей как для ближневосточных игроков, так и для внерегиональных акторов, таких как США, Россия, ЕС. По сей день наиболее ярким проявлением акторности внерегиональных игроков по вопросам урегулирования курдской проблемы остаются непосредственное военное вмешательство, а также участие в анти-террористических и других операциях на стороне

курдов или против курдских формирований. Однако использование военных операций в качестве главного инструмента подавления эскалации в приграничных территориях Турции, Сирии, Ирана и Ирака не является эффективным методом и чаще всего только поддерживает напряженность в регионе. Сценарий, при котором главы государств сядут за стол переговоров с представителями курдских территорий и придут к взаимно выгодным соглашениям, соблюдая их в будущем, очень маловероятен. Для государственной власти курды — это угроза территориальной целостности и подрывание суверенитета, поэтому любые волнения на приграничных территориях могут спровоцировать жесткие меры со стороны государств, которые не всегда могут быть оправданы. В то же время существование курдского вопроса подрывает права этого народа, не дает им возможности обрести свою государственность или автономию в рамках существующих границ. Для разрешения данного вопроса необходимо политико-дипломатическое содействие сильных государств, способных выступить в роли медиаторов конфликта и гарантов постконфликтного урегулирования. Именно политико-дипломатическая медиация призвана перенести курдский вопрос из военного в правовое поле и способствовать его урегулированию на высшем уровне.

Самым острым на сегодняшний день аспектом курдского вопроса является эскалация конфликта в районе сирийско-турецкой границы [2]. В прочтении Турции, само существование курдских партий, движений и военных формирований курдов — это угроза целостности страны и ее суверенитету. Во время борьбы с Исламским Государством Турция неоднократно осуществляла налеты и бомбардировки курдских территорий под предлогом анти-террористических операций в Ираке. В 2015—2016 годах в результате участия курдских формирований в коалиционных с НАТО операциях против боевиков ИГ правительство Турции приостановило «мирный процесс» с Рабочей партией Курдистана (РПК). Также был нарушен объявленный режим прекращения огня и перечеркнуты все проводимые ранее переговоры с курдскими лидерами. Затем Анкара начала активные боевые действия против курдских отрядов на юго-востоке Анатолии и в приграничных иракских и сирийских районах.

В 2018 году Турция развернула открытую военную кампанию против курдских формирований на севере Сирии, обвиняя Демократический союз (PYD) и отряды народной самообороны (YPG) в террористической деятельности на границах с Турцией. Целью операции «Оливковая ветвь» была ликвидация курдов в районе Африна. Осенью 2019 г. Анкара снова обострила отношения с Сирийским Курдистаном. «Для Анкары сирийские курды и их организации — курдские отряды самообороны (YPG) и партия Демократический союз (PYD) — являются террористическими, поскольку их костяк, по убеждению турок, состоит из боевиков признанной в Турции террористической Рабочей партии Курдистана (РПК)» [4]. Анкара в попыт-

ках закрепить международное признание своих действий нередко обращалась и к США, и к России с предложением о проведении совместных военных операций против курдских формирований.

В октябре 2019 г. Россия выступила посредником в переговорном процессе между курдскими группировками и Дамаском, которые пришли к договоренности о размещении сирийских правительственных войск на турецко-сирийской границе, чтобы помочь курдам отразить наступление турецкой стороны. Переговоры между официальным Дамаском и представителями курдов были проведены на базе размещения российской авиации. В результате заключенных договоренностей наступление турецких военных в Сирии было остановлено. Также «22 октября 2019 г. в Сочи состоялась русско-турецкая сделка. Путин и Эрдоган договорились: 1) о прекращении наступления ВСТ; 2) выводе YPG из 30-км зоны вдоль всей сирийско-турецкой границы; 3) совместном патрулировании военных России и Турции в полосе шириной в 10 км; 4) передаче охраны границ сирийским пограничникам» [1].

Москва действовала в своих интересах: для России важно было оставаться главной поддержкой для Сирийского правительства, в то же время не допуская напряжения в своих отношениях с Турцией. Позиция России в данном конфликте — это позиция медиатора межгосударственного конфликта, при урегулировании которого основной задачей является заключение договоренностей с государственными лидерами [3]. Такой риторики российская дипломатия придерживается и на сегодняшний момент, содействуя разрешению курдского вопроса в рамках межгосударственных переговоров, поддерживая правительство Асада и пытаясь прийти к консенсусу с Эрдоганом.

Говоря об участии ЕС в урегулировании курдского вопроса, важно отметить маловероятность сотрудничества европейских государств с Российской Федерацией в решении данной проблемы, в наибольшей степени из-за различия в подходах. На протяжении долгих лет позиции Москвы и ЕС относительно сирийского кризиса, а в дальнейшем и непосредственно конфликта на приграничных с Турцией территориях Сирийского Курдистана оставались противоположными. «Обе стороны придерживаются противоположных позиций по сирийскому конфликту. Россия хочет, чтобы европейские правительства начали общаться с Дамаском с целью оказания влияния на его поведение в условиях перехода на послевоенное положение дел. Европейцы отказываются общаться с Дамаском, так как это легитимизирует кровавый режим, подвергающий арестам и пыткам сирийских граждан, и поведение которого изначально привело к конфликту. С точки зрения Европы, взаимодействие с этим режимом является углублением проблемы, а не ее разрешением».

При эскалации конфликта на турецко-сирийской границе в октябре 2019 г. немецкие и нидерландские представители выступили в Европарламенте с критикой Эрдогана и турецкой активности на гра-

нице, призывая ЕС действовать активнее. Помимо признания неправомерным режима Асада в Сирии, Европарламент также расценил действия Анкары как нарушение международного права, которое ослабляет всю систему международной безопасности. В марте 2020 г. директор программы по Ближнему Востоку и Северной Африке Международной кризисной группы (ICG) Йост Хилтерман отмечал, что продолжающийся конфликт на турецко-сирийской границе является преградой для участия ЕС в разрешении и постконфликтном урегулировании вопроса, так как европейцы считают верным использовать именно политические инструменты, однако на данном этапе это невозможно, учитывая обострение ситуации в Идлибе. Таким образом, активное участие ЕС в урегулировании данного конфликта очень затруднительно ввиду выбранной европейцами стратегии политического урегулирования, которое невозможно осуществить, отказываясь сотрудничать с Дамаском и Анкарой.

Стратегия ЕС в Сирии — это направление экономической и гуманитарной помощи для восстановления страны уже после прекращения огня в Идлибе. Однако Европейский союз не намерен участвовать в урегулировании конфликта с Турцией, так как не поддерживает режим Асада и критикует Эрдогана. Так, Международная кризисная группа заявляет следующее о своем участии в урегулировании сирийского кризиса и курдского вопроса в частности: «Мы — организация, отвечающая за предотвращение конфликта, беспомощные последние 9 лет, чтобы найти решение этой проблеме»⁵.

Несмотря на вышесказанное, ЕС считает необходимым включение курдов в переговорный процесс. «Курды должны стать частью общенационального урегулирования конфликта. Но они исключены из политического процесса из-за турецкого вето»⁶. Позиция Турции относительно участия курдов в урегулировании конфликта на приграничных территориях предельно ясна. Эрдоган, контролирующий поток беженцев, уже открыл границы с ЕС в качестве инструмента давления на европейцев, а ЕС не готов к конфронтации с Анкарой ради вмешательства в процесс урегулирования ситуации⁷.

Принципиальной позицией России остается посредничество в формировании надежных отношений между правительством Асада и Сирийским

⁵ Гасанов, К. Единство Сирии невозможно без сделки между Россией, США и Турцией. — URL : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/edinstvo-sirii-nevozmozhno-bez-sdelki-mezhdu-rossiey-ssha-i-turtsiey/?sphrase_id=34987458.

⁶ Там же.

⁷ Официальный сайт Европейского Парламента: Debate: MEPs call for measures against Turkey following military operation in Syria. — URL : <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20191018STO64606/debate-meps-call-for-action-following-turkey-s-military-operation-in-syria>

Курдистаном для поддержки Дамаска и защиты суверенитета Сирии. Так, Российская Федерация уже выступала в этой роли осенью прошлого года и готова придерживаться заданного вектора, возможно расширяя свои действия и участвуя в региональном процессе медиатором и гарантом мира между Сирией и Турцией. ЕС на сегодняшний день занимает, скорее, позицию наблюдателя. Не рассматривая вариант прямого участия в урегулировании конфликта из-за политики Дамаска и Анкары, европейцы также не стремятся разворачивать политическую деятельность, так как Турция блокирует участие курдов в процессе налаживания трехсторонних отношений «Сирия — Турция — Курды».

Однако отметим, что такая стратегия ЕС оценивается неоднозначно и внутри самого Союза. Многие европейские эксперты по Ближнему Востоку критикуют ЕС за пассивное участие в региональных процессах на Ближнем Востоке. «ЕС должен работать над тем, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, человеческих страданий, перемещения населения и этнической инженерии, которая наблюдалась в Африне (что будет бесконечным источником проблем в будущем). Вместе с Россией, Соединенными Штатами и ООН многосторонний диалог должен стабилизировать военную ситуацию и обеспечить безопасность курдского населения. Курдский народ рискует быть снова проигнорированным. Иными словами, лидеры ЕС должны четко позиционировать Европейский союз в новом ближневосточном ландшафте» [5].

Важно отметить значимость конфликта на турецко-сирийской границе. Его военная фаза влияет не только на непосредственных участников в лице Анкары, Дамаска и курдов, но и на международную ситуацию в целом. ЕС, придерживаясь вышеизложенной политики, на сегодняшний день переживает кризис своего подхода к участию в региональных процессах Ближнего Востока. В Европарламенте ведутся постоянные споры о пассивной позиции ЕС и необходимости активного вмешательства в конфликт, а наблюдательная позиция европейцев регулярно подвергается критике со стороны представителей Германии, Нидерландов, Франции. Курдский вопрос является настолько острой региональной проблемой, что даже минимальное участие в его урегулировании влияет на формирование внешней и внутренней политической стратегии внерегиональных акторов [5].

Таким образом, анализируя официальные позиции государств относительно проблемы Сирийского Курдистана, их непосредственные действия в регионе, а также отношения ЕС, России, Турции, Сирии и США, логично сделать вывод о крайне противоречивом характере международно-правовой и военной активности внешних игроков в данной ситуации. Внерегиональные государства крайне неактивно используют политико-дипломатическую медиацию как инструмент урегулирования курдского вопроса. Нельзя отрицать отдельные действия: встречи и конференции, проводимые в рамках дипломатического урегулирова-

ния ситуации вокруг Курдистана, однако они скорее носят эпизодический характер.

Курды — это прежде всего люди, крупная этническая группа, которая лишена своей государственности и по разным причинам угрожает суверенитету как минимум четырех государств Ближнего Востока. Являясь одновременно и сепаратистской оппозицией для Анкары, и постоянной угрозой суверенитета для Ирака и Ирана, серьезным ресурсом США для борьбы с боевиками и борющимися за автономию и права людьми, курды на Ближнем Востоке аккумулируют целый спектр противоречий, определяющих динамику межгосударственных отношений в регионе.

На текущий момент курдский вопрос в его современном звучании не может быть не только разрешен, но и приведен к знаменателю устойчивого переговорного процесса. Возможности, которыми обладают внерегиональные игроки на Ближнем Востоке, могут привести к приостановлению военных действий и позиционному перемирию сторон. Каждый внерегиональный актор по-своему ограничен в вопросах медиации и активном посредничестве в урегулировании курдского противостояния. Преграды для России проистекают из необходимости политико-дипломатического «лабиринта» на Ближнем Востоке и сохранения партнерских отношений и с Турцией, как одним из важнейших геополитических игроков в регионе, и, конечно же, с Сирией. В сложившихся условиях Россия может оказывать поддержку курдам только в рамках сдерживания Анкары и поддержки Дамаска.

ЕС в данной ситуации ограничен в действиях из-за отказа в сотрудничестве с Асадом и осложнившихся отношений с Эрдоганом. Европа придерживается стратегии урегулирования конфликта прежде всего на политико-правовом уровне; в контексте вышеупомянутых отношений с государственными лидерами стран — участников конфликта осуществить выбранную стратегию представляется невозможным. Парадоксально, но в русле защиты международного права европейцы не могут оказать реального содействия в разрешении вопроса, напрямую подрывающего права целого народа.

В современных условиях положение курдского населения в Сирии остается исключительно критическим. Исламское Государство ликвидировано, США сокращают свое присутствие, а значит, и поддержку курдов. Для Вашингтона курдский вопрос был скорее инструментом внешней политики в регионе и своего воздействия на заинтересованные государства. США приняли решение покинуть зону конфликта, оставив курдов без поддержки⁸. Для американцев курдские формирования являлись лишь временными союзниками, в то время как турецкая армия по сей день остается второй по величине в НАТО, а Турция — важным стратегическим игроком в ближневосточном регионе.

⁸ BBC Русская служба: Сделка курдов и Дамаска — поворотный момент в сирийском конфликте? — URL : <https://www.bbc.com/russian/news-50037738>

Россия в первую очередь заинтересована в продуктивном сотрудничестве с официальным правительством как Сирии, так и Турции. Поэтому Москва выступает в качестве медиатора в курдском вопросе, если этого требует российская геополитическая стратегия на Ближнем Востоке. ЕС не готов стать гарантом прав курдов, пока ему придется иметь дело с Асадом и Эрдоганом.

Таким образом, в настоящее время дипломатическая медиация в решении Курдского вопроса со стороны ведущих государств проявляется лишь эпизодически, в то время как для урегулирования ситуации необходима активная работа России, США и стран Евросоюза в качестве медиаторов мирного процесса между Турцией, Сирией и курдским народом. Должен быть разработан комплексный подход, который бы посадил за стол переговоров все стороны конфликта в сопровождении государств-медиаторов, в противном случае Курдский вопрос останется неразрешенным.

Литература

1. Гасанов, К. Единство Сирии невозможно без сделки между Россией, США и Турцией. — URL : https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/middle-east/edinstvo-sirii-nevozmozhno-bez-sdelki-mezhdu-rossiy-ssha-i-turtsiy/?sphrase_id=34987458

2. Лукьянов, Ф. Идлиб как кульминация сирийской войны. — URL : https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/idlib-kak-kulminatsiya-siriyskoj-voyny/?sphrase_id=34987458

3. Лукьянов, Ф. Удивительный сирийский парадокс. — URL : https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/udivitelnyy-siriyskiy-paradoks/?sphrase_id=34987458

4. Мамедов, Р. Сирийская сделка: как Россия превратилась в ключевого игрока на Ближнем Востоке. — URL : https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/siriyskaya-sdelka-kak-rossiya-prevratilas-v-klyuchevogo-igroka-na-blizhnem-vostoke/?sphrase_id=34987458

5. Pierini, M. Time for Europe to Act Strategically in the Middle East. — URL : <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80093>

Approaches of Russia and the EU to mediation in the settlement of the Kurdish issue on the Turkish-Syrian border

Bulanakova M.A., Vertii N.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the tools used by Russia and the European Union to resolve the Kurdish issue on the Turkish-Syrian border. To this day, direct military intervention remains the most frequent implementation of non-regional activity in the settlement of the Kurdish problem, while diplomatic mediation is still left behind. Turkey's renewed aggression against the Kurds in Idlib province in autumn 2019 was recognized by the European Union as a violation of international law. The conflict between Turkey and Syria has not yet been resolved, it has a huge impact on regional processes not only in the Middle East, but also in the entire

international arena as a whole. One of the main obstacles to the productive work of mediators to resolve the conflict between Ankara and Damascus is the official policy of R.T. Erdogan towards the Kurdish population and the absence of representatives of the Kurds at the negotiating table. Moscow adheres to the position of mediator of the interstate conflict, trying to maintain stable relations with both Turkey and Syria, while the European Union refuses to cooperate with Bashar Al-Assad, and also demands the direct participation of the Kurds in the process of de-escalating tensions. The author of the article compares the Russian and European views on the Kurdish issue and approaches to its resolution, and also analyzes the degree of productivity of diplomatic mediation as a tool for resolving the conflict on the Turkish-Syrian border.

Keywords: the Kurds, European Union, Russia, diplomatic mediation, Idlib.

References

1. Hasanov, K. The unity of Syria is impossible without a deal between Russia, the United States and Turkey. - URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/edinstvo-sirii-nevozmozhno-bez-sdelki-mezhdu-rossiy-ssha-i-turtsiy/?sphrase_id=34987458
2. Lukyanov, F. Idlib as the culmination of the Syrian war. - URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/idlib-kak-kulminatsiya-siriyskoy-voyny/?sphrase_id=34987458
3. Lukyanov, F. Amazing Syrian paradox. - URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/udivitelnyy-siriyskiy-paradoks/?sphrase_id=34987458
4. Mamedov, R. The Syrian Deal: How Russia Became a Key Player in the Middle East. - URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskaya-sdelka-kak-rossiya-prevratilas-v-klyuchevogo-igroka-na-blizhnem-vostoke/?sphrase_id=34987458
5. Pierini, M. Time for Europe to Act Strategically in the Middle East. - URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80093>

Анализ особенностей участия Латвии, Литвы и Эстонии в миротворческой деятельности ЕС

Пронякина Елизавета Дмитриевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Деревянкина Наталья Александровна

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Статья посвящена анализу особенностей участия Латвии, Литвы и Эстонии в миротворческой деятельности ЕС. Миротворческая деятельность является важной составляющей внешней политики Европейского союза и, в частности, Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). ЕС позиционирует себя крупным игроком в мировой политике и в доказательство данной позиции выступает как медиатор в региональных конфликтах по всему миру.

Позиция прибалтийских государств по вопросам безопасности имеет ряд особенных черт, которые выделяют их среди других европейских игроков. Отдавая явное предпочтение сотрудничеству в рамках НАТО, Латвия, Литва и Эстония все же принимают активное участие и в миротворческих операциях ЕС. Государства Балтии используют миссии для продвижения и укрепления своих позиций внутри структур Европейского союза и НАТО. Активное участие в миротворческих инициативах иллюстрирует заявленный приоритет развития не просто европейской, а именно евроатлантической модели безопасности.

Особенно их активность заметна на постсоветском пространстве. Латвия, Литва и Эстония в своей политике продвигают идею распространения европейских ценностей и привлекают страны бывшего советского лагеря к европейской интеграции, стимулируя подъем антироссийских настроений через идеологическое противостояние. Стоит отметить, что напряженные отношения с Россией оказывают значительное влияние на формирование особой позиции стран Балтии по вопросам национальной и европейской безопасности.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, миротворчество, миротворческие операции, страны Балтии, международные конфликты.

Миротворческая деятельность является важной составляющей внешней политики Европейского союза и, в частности, Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). ЕС позиционирует себя крупным игроком в мировой политике и в доказательство данной позиции выступает как медиатор в региональных конфликтах по всему миру.

Становление политики безопасности в Европе на протяжении 1990-х гг. шло по двум направлениям: Маастрихтский договор 1993 г. при учреждении ОВПБ четко разделил внешнюю политику и политику безопасности. Внешняя политика попала под компетенцию ЕС, а военные и оборонительные действия делегировались ЗЕС [1, с. 46].

Важными документами развития ОВПБ являются также Европейская стратегия безопасности «Безопасная Европа в улучшающемся мире» и Ниццкий договор 2003 г. [5, с. 33]. В тексте стратегии сказано, что Европейский союз — это субъект мировой политики, который несет ответственность за обеспечение безопасности не только вблизи своих границ, но и на глобальном уровне. Это важное положение закрепило широкую трактовку безопасности ЕС. Ниццкий договор обеспечил институционализацию ОВПБ: были созданы такие структуры, как Комитет по политике и безопасности, Военный штаб и Военный комитет ЕС.

Балканский кризис конца 1990-х гг. обнаружил серьезное отставание европейских вооруженных сил от мобильных и квалифицированных образований НАТО. В 1999 году к учрежденному в 1993 г. «Еврокорпусу» (объединение вооруженных сил Франции, Германии, Испании, Бельгии и некоторых других европейских государств) добавились Европейские силы быстрого реагирования.

В 2003 году произошло расширение Петербургских миссий 1993 г. до пакета соглашений «Берлин плюс», который предусматривал сотрудничество ЕС и НАТО в области обороны и безопасности. Европейский союз, который по Петербургским соглашениям предпринимал действия в области миротворчества независимо от НАТО, теперь получил возможность использовать инфраструктуру Альянса для планирования и проведения гуманитарных миссий и операций по урегулированию конфликтов.

Лиссабонский договор 2009 г. дал Европейскому союзу полномочия отныне действовать по двум направлениям, которые раньше приходилось делить с ЗЕС. Кроме того, была сильно модернизирована организационная структура: были созданы институты Президента Европейского совета, Высокого представителя по иностранным делам и

политике безопасности и Европейская Служба внешних связей [1, с. 49].

Лиссабонский договор учредил механизм постоянного структурированного сотрудничества между государствами ЕС для разработки европейских военных потенциалов. Для содействия этому процессу обеспечивалось функционирование Европейского оборонного агентства. Также Лиссабонский договор утвердил положения о солидарности и взаимной обороне. Согласно первому принципу члены ЕС обязаны оказать помощь государству, которое подверглось стихийной катастрофе или террористическим атакам. Взаимная военная помощь осуществляется в случаях вооруженного нападения на одно из государств. Стоит отметить, что последнее имеет место только при отсутствии ущерба отношениям с НАТО.

Таким образом, миротворческая деятельность ЕС в процессе своего развития уделяла большое внимание сотрудничеству с НАТО. На сегодняшний день система безопасности в европейском регионе представлена переплетением функций Альянса и ЕС, что позволяет странам принимать участие сразу в двух объединениях.

Вопросами ОВПБ в рамках ЕС сегодня занимается Европейская служба внешних связей (ЕСВС). Как отмечается на официальном сайте ведомства, «ключевым аспектом работы ЕСВС является ее способность тесно сотрудничать с министерствами иностранных дел и министерствами обороны государств — членом ЕС, а также другими институтами ЕС, такими как Европейская Комиссия, Совет ЕС и Европейский Парламент»⁹. Главой ЕСВС является Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности ЕС Жозеп Боррель.

Ведомство включает в себя пять территориальных департаментов и департаменты по специальным вопросам. В частности, проблемами безопасности и обороны занимаются департаменты по планированию Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) и реагированию на кризисные ситуации¹⁰.

Политика безопасности и обороны Европейского союза опирается на три приоритета: реагирование на внешние конфликты и кризисы, поддержка партнеров ЕС в обеспечении безопасности их населения, а также защита Союза и его граждан. ОПБО включает в себя несколько направлений деятельности: гражданские и военные миссии и операции в конфликтных регионах; расширение сотрудничества в области обороны; партнерство с ООН и НАТО¹¹.

Основными документами, определяющими деятельность ЕС в области безопасности и обороны, являются: Глобальная стратегия ЕС¹², План ее

⁹ European External Action Service (EEAS). — URL : <https://eeas.europa.eu>

¹⁰ Factsheet: Strengthening EU security and defence. Click here to view in PDF format. — URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/strengthening_eu_defence_2.pdf

¹¹ Там же.

¹² A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. С. 8. — URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf

трехлетней реализации¹³, Выводы Совета ЕС касательно Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности¹⁴, План действий в сфере европейской обороны¹⁵, а также совместная декларация ЕС — НАТО¹⁶.

Сегодня ЕС активно ведет миротворческую деятельность как внутри европейского региона, так и за его пределами: на данный момент из 36¹⁷ проведенных военных и гражданских миссий и операций (из них 17 — действующие) абсолютное большинство проводились в сопредельных или отдаленных регионах: на постсоветском пространстве, Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, в Африке.

Расширение географии миротворческих миссий ЕС миротворческой деятельности не случайно. Согласно Глобальной Стратегии ЕС¹⁸, кризисы в любом регионе мира влияют на глобальную обстановку, последствия которой сказываются на европейской безопасности. Кроме того, расширительная трактовка задач в данной сфере вытекает из «общеполитической и общеэкономической роли ЕС как глобального актора» [4, с. 13].

Операции и миссии проводятся зачастую без мандата ООН и учреждаются через совместные политические решения представителей стран-членов в органах союза. В основном ЕС специализируется на гражданских, полицейских, обучающих и консультирующих миссиях и операциях, оставляя политическое урегулирование таким игрокам, как ООН и ОБСЕ.

В рамках организации и проведения миротворческих операций Европейский союз активно сотрудничает с НАТО: некоторые операции проводятся при поддержке блока, многие страны — участницы ЕС задействованы в операциях Альянса, действует пакет соглашений «Берлин плюс». Кроме НАТО Европейский союз сотрудничает также с упомянутыми выше ООН и ОБСЕ, Африканским союзом, АСЕАН и другими организациями.

¹³ The European Union's Global Strategy: Three Years On, Looking Forward. June 2019. P. 8. — URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_2019.pdf

¹⁴ Council conclusions on the global strategy on the EU's foreign and security policy. — URL : <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13202-2016-INIT/en/pdf>

¹⁵ European Defence Action Plan. — URL : https://ec.europa.eu/smart-regulation/roadmaps/docs/2016_grow_006_cwp_european_defence_action_plan_en.pdf

¹⁶ Декларация ЕС — НАТО. — URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/07-08_eu-nato_joint_declaration_ru.pdf

¹⁷ EU External Action — Military and civilian missions and operations. — URL : https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/430/military-and-civilian-missions-and-operations_en

¹⁸ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. С. 8. — URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf

Модель безопасности Европейского союза предполагает как урегулирование, так и предотвращение конфликтов. «Она включает широкий спектр миротворческой деятельности — классические миротворческие операции, полицейские операции, утверждение верховенства закона, реформы в сфере безопасности и постконфликтное хозяйственное восстановление и строительство демократических институтов» [2, с. 7].

Таким образом, ЕС позиционирует себя глобальным игроком на мировой арене, способным применять широкий спектр инструментов по предупреждению, предотвращению и урегулированию конфликтов, а также постконфликтной стабилизации. В арсенале ЕС гуманитарная и институциональная помощь, инструменты технической и финансовой поддержки, а также непосредственно миротворческие усилия и посредничество.

Внутри ЕС существуют разные подходы стран-членов к миротворческой деятельности в целом. В этом смысле можно выделить отдельные государства и группы государств. Интересен в данном контексте уникальный пример Латвии, Литвы и Эстонии и их поведения внутри и за рамками Европейского союза.

Государства ЕС в силу различий национальных интересов и, следовательно, внешнеполитических приоритетов, по-разному подходят к пониманию европейской безопасности. Эти представления развиваются в основном в рамках двух теоретических подходов: евроатлантического и европейского.

Первый возник во времена холодной войны и базировался на идее создания системы безопасности между странами Запада: США и Европой. Развитие идей атлантизма выразилось в расширении деятельности НАТО: сегодня Альянс является ключевой структурой обеспечения безопасности на европейском континенте, выступая в тесном сотрудничестве с ЕС. Данную идею поддерживает ряд европейских государств, оставляя НАТО функции гаранта мира, что дает европейским экономикам возможность сосредоточиться на других проблемных сферах.

Что касается европеизма, то данная концепция основана на стремлении ведущих европейских игроков действовать независимо от США. Стоит отметить, что еще в Маастрихтском договоре была обозначена идея создания европейской структуры безопасности, но впоследствии этот проект приобрел иные черты.

В последнее время в данном контексте выделяется идея создать единую европейскую армию, которая была выдвинута в ноябре 2018 г. президентом Франции Э. Макроном. Кризис, с которым столкнулся ЕС из-за Брексита, изменил расклад сил в регионе: по убеждению лидера Пятой республики, теперь Европе следует больше полагаться на свои силы.

Данная инициатива была поддержана и со стороны федерального канцлера Германии А. Меркель. По ее убеждению, данный проект мог бы показать, что между европейскими государствами

больше никогда не будет войны. Кроме того, было заявлено, что европейская армия станет хорошим дополнением к НАТО.

Разные позиции внутри ЕС существуют и по вопросам урегулирования того или иного конфликта. Взгляды стран — членов ЕС не всегда согласуются с политикой Брюсселя. «Двойные стандарты» в области урегулирования конфликтов — одна из самых больших проблем организации на сегодняшний день.

Например, во время кризиса в Ираке Германия, Франция, Люксембург и Бельгия не поддержали военную операцию США и приняли декларацию с предложением создать Европейский союз безопасности и обороны [2, с. 10]. Она вызвала ожесточенные споры внутри ЕС, где не было единства мнений ни по поводу создания военной структуры, ни по Иракской проблеме. «Германия и Франция выступили резко против несанкционированного ООН вооруженного вмешательства США, а Великобритания и ряд стран Восточной Европы поддержали американцев» [2, с. 38].

Есть основания полагать, что прибалтийские государства имеют общую позицию по миротворческой деятельности, которая особенно ярко проявляется в их участии в урегулировании международных конфликтов.

Геополитическое и геоэкономическое положение, общность исторического прошлого в XX и XXI вв., цивилизационная принадлежность Латвии, Литвы и Эстонии в совокупности обуславливают традиционное выступление прибалтийских народов «единым фронтом» в рамках ЕС.

На сегодняшний день в странах Прибалтики существуют серьезные этнополитические противоречия, что дает основания некоторым отечественным исследователям вводить понятие «высокого конфликтного потенциала стран Балтии» [6].

Данный феномен обусловлен внутренней политикой Латвии и Эстонии, в которых на сегодняшний день сохраняется институт неграждан и ограничиваются права русскоязычного населения. Что касается Литвы, польское меньшинство превышает русское: отсутствует необходимость отстранять другие этносы от процессов политического управления. Однако в районах компактного проживания русского и польского населения периодически случаются кризисы — граждане недовольны притеснением их прав в области родного языка.

Кроме того, в этом контексте особенно важна антироссийская риторика политических элит и обвинения в советской оккупации. Как отмечает С. Рекеда, в Прибалтике нет принципиальных территориальных противоречий, но существует латентное противостояние национальных меньшинств (в особенности русскоязычного) и политических элит, ограничивающих права первых.

Минимизация возникновения конфликта в Латвии, Литве и Эстонии «зависит от способности политиков отказаться от логики „прифронтовых государств“ и агрессивной риторики в адрес Москвы» [6].

Стоит отметить, что и во внутренней негласной политико-экономической иерархии государств ЕС все три страны находятся далеко не на первых позициях. Это малые европейские экономики, нуждающиеся в поддержке и инвестициях со стороны Брюсселя. Кроме того, во внешней политике они не всегда могут действовать самостоятельно и испытывают некие трудности с продвижением своих интересов в рамках ЕС. Все вышеперечисленное роднит их друг с другом в формировании подхода к ЕПБО.

В доказательство можно привести несколько аргументов.

Первая черта, отличающая подход прибалтийских государств к миротворческой деятельности ЕС, — активное продвижение роли НАТО в процессах обеспечения не только европейской, но и глобальной безопасности.

Сразу после вступления в Европейский союз и НАТО в 2004 г. прибалтийские государства взяли курс на глубокую интеграцию в обе структуры, поддерживая соответствующей риторикой и программными документами сближение данных организаций в области обеспечения безопасности.

Все три страны активно участвуют в миротворческих операциях НАТО и ЕС, укрепляя тем самым евроатлантическую направленность своей внешней политики.

Таблица 1
Участие Латвии, Литвы и Эстонии в миротворческих операциях НАТО и ЕС

Страна	НАТО	ЕС
Латвия	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Афганистан, Operation Resolute Support, с 2015 г. Ирак, Operation Inherent Resolve, (OIR), с 2016 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> Босния и Герцеговина, Stabilization Force (SFOR), 1996—2004 гг. Косово, Kosovo Force (KFOR), 2000—2009 гг. Афганистан, International Security Assistance Force (ISAF), 2003—2014 гг. Ирак, NATO Training Mission — Iraq (NTM-I), 2005—2006 гг., финансовая и материальная поддержка 	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Мали, European Union Training Mission Mali (EUTM), с 2013 г. Сомали, European Union Naval Force Operation Atalanta (EU NAVFOR), с 2011 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> ЦАР, European Union Military Operation in the Central African Republic (EUFOR RCA), 2014—2015 гг. Средиземноморье, European Union Naval Force Mediterranean (EU NAVFOR Med), 2015—2020 гг.
Литва	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Косово, Kosovo Force (KFOR), 1999—2009 гг. и с 2012 г. Афганистан, Operation Resolute Support, с 2015 г. Ирак, NATO Training Mission — Iraq (NTM-I), с 2004 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> Босния и Герцеговина, Implementation Force (IFOR), 1996 г. Босния и Герцеговина, Stabilization Force (SFOR), 1996—2004 гг. Албания, Operation Allied Harbor, 1999 г. Афганистан, International Security Assistance Force (ISAF), 2003—2014 гг. Ирак, NATO Training Mission — Iraq (NTM-I), 2005—2011 гг. Пакистан, NATO 	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Сомали, European Union Naval Force Operation Atalanta (EU NAVFOR), с 2011 г. Мали, European Union Training Mission Mali (EUTM), с 2013 г. Грузия, European Union Monitoring Mission in Georgia (EUMM), с 2008 г. Украина, European Union Advisory Mission (EUAM), с 2014 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> Македония, European Union Military Operation in the Former Yugoslav Republic of Macedonia (EUFOR Concordia), 2003 г. Босния и Герцеговина, European Union Force Bosnia and Herzegovina (EUFOR Althea), 2004—2010 гг. Албания, EU Monitoring Mission in Albania, 2008—2009 гг.

	<p>Humanitarian Operation in Pakistan, 2005—2006 гг.</p> <p>7. Индийский океан, NATO's Counter Piracy Operation «Ocean Shield» in the Indian Ocean, 2014 г.</p> <p>8. Турция, NATO Deployable Communication Module, 2014—2016 гг.</p>	<p>4. ЦАР, European Union Military Operation in the Central African Republic (EUFOR RCA), 2014—2015 гг.</p> <p>5. Средиземноморье, European Union Naval Force Mediterranean (EU NAVFOR Med), 2015—2020 гг.</p>
Эстония	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Косово, Kosovo Force (KFOR), с 1999 г. Афганистан, Operation Resolute Support, с 2015 г. Ирак, NATO Training Mission — Iraq (NTM-I), с 2010 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> Афганистан, Operation Enduring Freedom (OEF), с 2002 г. Афганистан, International Security Assistance Force (ISAF), 2003—2014 гг. 	<p>Действующие</p> <ol style="list-style-type: none"> Косово, European Union Rule of Law Mission in Kosovo (EULEX), с 2008 г. Босния и Герцеговина, European Union Force Bosnia and Herzegovina (EUFOR Althea), с 2004 г. Грузия, European Union Monitoring Mission in Georgia (EUMM), с 2008 г. Мали, European Union Training Mission Mali (EUTM), с 2013 г. Сомали, European Union Naval Force Operation Atalanta (EU NAVFOR), с 2010 г. Мали, Operation Barkhane by the French military, с 2014 г. <p>Завершенные</p> <ol style="list-style-type: none"> Афганистан, European Union Police Mission in Afghanistan (EUPOL), 2011—2014 гг. Босния и Герцеговина, European Union Police Mission in Bosnia and Herzegovina (EUPM), 2003—2012 гг. Ирак, European Union Integrated Rule of Law Mission in Iraq (EUJUST LEX), 2005—2013 гг. Средиземноморье, European Union Naval Force Mediterranean (EU NAVFOR Med), 2015—2020 гг.

Источник: составлено автором.

Контингенты прибалтийских государств на сегодняшний день размещены в Афганистане, Ираке и Косово в рамках миссий НАТО. Операции Европейского союза продолжают в таких странах, как Мали, Сомали, а также на постсоветском пространстве: в Грузии и на Украине. Стоит отметить, что наиболее высокую активность в операциях ЕС и НАТО проявляет Литва, а Латвия — меньшую.

На сегодняшний день проведено большое количество операций: в рамках НАТО и ЕС Латвия участвовала в 4 миссиях, Литва — в 8, Эстония — в 2. В рамках ЕС Латвия предоставляла контингент в 2 операциях, Литва — в 5, Эстония — в 4.

Согласно «Основам политики безопасности Эстонской Республики»¹⁹ членство в НАТО — это долгосрочный стратегический приоритет государства. Также Эстония заинтересована в сильном и влиятельном на глобальном уровне Европейском союзе²⁰, в укреплении и развитии Европейской политики соседства.

¹⁹ Основы политики безопасности Эстонской Республики. — URL : https://www.kaitseministeerium.ee/sites/default/files/elfinder/article_files/national_security_concept_2017.pdf

²⁰ Политика безопасности Эстонии, Министерство иностранных дел Эстонии. — URL : <https://vm.ee/ru/politika-bezopasnosti-estonii>

Литовская сторона в программных документах²¹ также заявляет о важности укрепления трансатлантических связей для обеспечения безопасности Европы и действенности НАТО, а также о стремлении к укреплению вооруженных сил ЕС в тесном сотрудничестве с НАТО, без дублирования функций этой организации.

Наконец, Латвийская Республика, как и ее соседи, также уделяет большое внимание своему членству в НАТО и ЕС, взаимодействию организаций, а также укреплению сотрудничества с США²².

Три прибалтийские республики активно применяют инструменты миротворческой политики ЕС и НАТО. Стоит отметить, что активность наблюдается еще с 1996 г.: тогда Литва и Латвия приняли участие в операциях НАТО в Боснии и Герцеговине (SFOR и IFOR). Эстония присоединяется к соседям в 1999 г. в Косово — тоже в рамках НАТО. Пик активности всех трех государств приходится на начало 2000-х гг., перед вступлением в НАТО и ЕС в 2004 г.: это операции в Афганистане, Ираке, других регионах. Первые операции ЕС, в которых приняли участие граждане Прибалтики, проводились в Северной Македонии (EUFOR Concordia) и в Боснии и Герцеговине (EUPM) в 2003 г.

Самой крупной международной операцией с участием Прибалтики является «Несокрушимая свобода», начатая США в Афганистане в 2001 г. (еще до расширения ЕС 2004 г.). По оценке М. В. Александрова, при сравнении численности участников этой операции на 2013 г., если производить расчет исходя из процентной доли контингента в общей численности населения конкретного государства, прибалтийские военнослужащие составляют больше, чем контингенты соседних восточноевропейских стран (Польша, Румыния, Чехия и др.). Контингенты Латвии и Эстонии вплотную приблизились по численности к крупным державам — Франции, Германии, Великобритании и США [2, с. 117].

После вступления в ЕС и НАТО Латвия, Литва и Эстония продолжили участие в миротворческой деятельности данных организаций. Можно сказать, что Литва и Эстония в целом принимают более активное участие в миротворческих операциях ЕС, чем Латвия. По количеству операций НАТО имеет незначительный перевес, но в целом обе структуры (ЕС и Альянс) крайне важны для прибалтийских государств.

Таким образом, Латвия, Литва и Эстония используют миссии для продвижения и укрепления своих позиций внутри структур Европейского союза и НАТО. Активное участие в миротворческих инициативах иллюстрирует заявленный приоритет

²¹ Резолюция Сейма ЛР о направлениях внешней политики Литовской Республики, Министерство иностранных дел Литовской республики. — URL : <https://urm.lt/default/ru/vneschnaaaa-politika/osnobjnyedokumentjy/rezolyutsiaa-sejma-lr-o-naprableniaah-bneschnej-politiki-litobskoj-respuvliki>

²² Оборонная политика Латвии, официальный сайт Министерства обороны Латвии — <https://www.mod.gov.lv/en/nozares-politika/defence-policy>

развития не просто европейской, а именно евроатлантической модели безопасности.

Другим важным отличием прибалтийского подхода к миротворчеству является особый интерес к конфликтам на постсоветском пространстве и к странам, в которых происходят эти конфликты.

Страны Балтии в своих программных документах неоднократно заявляли своим приоритетом сотрудничество со странами СНГ. Например, в рамках ЕС и ЕПБО Эстония заинтересована в развитии политики соседства (в приоритете Грузия, Молдова и Украина) и нацелена на реализацию совместных проектов²³.

По мнению А. Сытина, политика Прибалтики на постсоветском пространстве обусловлена желанием ограничить влияние России и ослабить ее военные, идеологические и культурные позиции на пространстве бывшего СССР [2, с. 137].

Латвия, Литва и Эстония в своей политике продвигают идею распространения европейских ценностей и привлекают страны постсоветского пространства к европейской интеграции, стимулируя подъем антироссийских настроений через идеологическое противостояние.

Риторика подобного толка часто звучит в выступлениях прибалтийских лидеров, а также закреплена в ряде законодательных актов и документов. Реализация сотрудничества со странами Восточной Европы осуществляется оказанием технической, гуманитарной, экспертной и консультационной помощи.

В первую очередь сотрудничество касается миссий. Один из ярких примеров — миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM), развернутая после вооруженного противостояния Грузии и России на территории Южной Осетии. Во время конфликта Прибалтика сразу встала на сторону М. Саакашвили. Президенты Польши, Литвы, Латвии и Эстонии выступили с совместным заявлением, осуждая агрессивные действия России. Литва направила гражданских экспертов и должностных лиц. Например, с декабря 2014 г. по декабрь 2017 г. литовский посол Кястутис Янкаускас занимал должность главы Миссии наблюдателей ЕС в Грузии.

Согласно официальным данным EUMM²⁴, на данный момент в миссии участвует 2 представителя Эстонии, 9 представителей Латвии, 7 — Литвы.

Что касается другого конфликта на постсоветском пространстве, «своеобразным апофеозом „ценностной политики» государств Балтии стала активная поддержка вооруженного свержения действующего президента Украины В. Януковича в Киеве в феврале 2014 г., в результате чего к власти пришли правонационалистические, хотя и ориентированные на евроинтеграцию силы» [3, с. 23].

²³ Политика безопасности Эстонии, Министерство иностранных дел Эстонии. — URL : <https://vm.ee/ru/politika-bezopasnosti-estonii>

²⁴ EUMM, официальный сайт. — https://eumm.eu/ru/about_eumm/facts_and_figures

После украинского кризиса Европейским союзом была развернута Консультативная миссия на Украине (EUAM), в которую тут же включилась Литва. Граждане этого государства после 2014 г. заняли ряд важных постов на Украине и в международных структурах, курируя вопросы проведения ряда реформ. Например, «литовский бизнесмен А. Абромавичюс стал министром экономического развития и торговли Украины. С февраля 2016 г. миссию советников ЕС возглавил К. Ланчинкас, который ранее в Литве отвечал за вступление в ЕС и присоединение к еврозоне. Бывший премьер-министр А. Кубилиус стал советником президента Украины и вошел в Международную группу советников по вопросам реформ. Литовец В. Верба является координатором проектов ОБСЕ на Украине» [3, с. 23].

Кроме миротворческих инициатив, Латвия, Литва и Эстония поддерживают Европейскую политику соседства и активно включаются в программу «Восточное партнерство», где наращивают взаимодействие с Молдовой, Грузией и Украиной, Арменией, Азербайджаном и Белоруссией.

Между странами Балтии и государствами постсоветского пространства идет экономическая кооперация и на двустороннем уровне. Объемы помощи восточным партнерам хорошо иллюстрирует инфографика бюджета двустороннего сотрудничества в целях развития, представленная на сайте МИД Латвийской Республики²⁵. На 2018 год 55,07% бюджета ушло на страны Восточного партнерства (Украина, Грузия, Молдова — в порядке убывания), а приоритетные и другие страны Центральной Азии получили 19,96% (больше всего Узбекистан и Кыргызстан).

Таким образом, в прибалтийских странах сложилась абсолютно уникальная позиция по отношению к миротворческой деятельности ЕС. Она обусловлена комплексом факторов и имеет ряд особенных черт, которые выделяют этот субрегион среди других европейских игроков.

В отличие от других стран — членов ЕС, страны Прибалтики выступают за евроатлантический подход к европейской безопасности и рассматривают НАТО как ведущую оборонную структуру. Они активно выступают за сотрудничество ЕС и Альянса. Это отражено на сайтах МИД всех трех стран и в концепциях развития их внешней политики.

Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии отдают предпочтение НАТО как гаранту безопасности, оставляя ЕС функции экономического партнера и ценностного ориентира.

Еще одной немаловажной чертой стран Балтии является характер участия в миротворческих операциях ЕС и НАТО. Более активным включением в миротворческие инициативы республики продвигают и укрепляют свои позиции в важных для них международных структурах. Приоритетной для

всех трех государств является модель евроатлантической безопасности, в которой ведущие функции переданы НАТО.

Следующая особенность прибалтийских государств — особая позиция по отношению к странам постсоветского пространства. В отличие от других государств ЕС, Прибалтика уделяет очень большое внимание взаимодействию со странами Восточной Европы и Закавказья. Кроме того, Латвия, Литва и Эстония имеют единую позицию по конфликтам постсоветского пространства и стремятся к урегулированию не в пользу России. Они выступают за включение восточноевропейских стран, в первую очередь Украины, Грузии и Молдовы, в интеграционные форматы ЕС: это подтверждает высокая активность, проявленная в рамках программы «Восточное партнерство».

Риторика Латвии, Литвы и Эстонии опирается на необходимость распространения ценностных установок ЕС и ограничение влияния России на постсоветском пространстве. Содействие странам бывшего советского лагеря на пути европейской интеграции разительно отличает Прибалтику от других европейских государств. Возможно, они видят себя некими «наставниками» для восточноевропейских стран. Но также есть основания полагать, что за счет вступления более слабых игроков прибалтийские государства смогут укрепить свои позиции в Европейском союзе.

Литература

1. Везуина, М. А. Эволюция европейской политики безопасности и обороны — новая архитектура европейской безопасности // *Sciences of Europe*. — 2017. — № 14-3 (14).
2. Воротников, В. В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века : научное издание. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — 272 с. — URL : <http://idp.nwipa.ru:2239/56760.html>
3. Воротников, В. В. Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения // *Международная аналитика*. — 2017. — № 4. — С. 18—27.
4. Никитин, А. И. Международное вмешательство в современные конфликты. Миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ // *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. — 2017. — 22 с.
5. Новикова, Д. О. Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского союза / *Институт международных исследований* — М.: МГИМО — Университет, 2009. — 112 с.
6. Торин, А. Конфликтный потенциал стран Балтии // *Международная жизнь*. — URL : <https://interaffairs.ru/news/show/17730>

Analysis of the specifics of the participation of Latvia, Lithuania and Estonia in the EU peacekeeping activities

Pronyagina E.D., Derevyankina N.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

²⁵ Проекты сотрудничества в целях развития в 2018 году, официальный сайт Министерства иностранных дел Латвийской Республики — <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/infografiki/62957-2018>

The article analyzes the features of participation of Latvia, Lithuania and Estonia in EU peacekeeping activities.

Peacekeeping is an important component of the European Union's foreign policy and, in particular, of the European security and defence policy (ESDP). The EU positions itself as a major player in world politics and, as proof of this position, acts as a mediator in regional conflicts around the world.

The position of the Baltic States on security issues has a number of special features that differentiate this sub-region from other European countries. Preferring cooperation within the framework of NATO, Latvia, Lithuania and Estonia also take an active part in EU peacekeeping operations. The Baltic States use the missions to promote and strengthen their positions within the structures of the European Union and NATO. Active participation in peacekeeping initiatives illustrates the priority of developing not just the European, but the Euro-Atlantic model of security.

Their activity is especially noticeable in the post-Soviet space. Latvia, Lithuania and Estonia promote the idea of spreading European values in their policies and attract countries of the former Soviet camp to European integration, stimulating the rise of anti-Russian sentiment through ideological confrontation. In addition, the strained relations with Russia have a significant impact on the formation of a special position of the Baltic States on national and European security issues.

Keywords: European Union, NATO, peacemaking, peacekeeping operations, Baltic States, international conflicts.

References

1. Vesuina, M. A. Evolution of European security and defense policy - a new architecture of European security // Sciences of Europe. - 2017. - No. 14-3 (14).
2. Vorotnikov, V. V. Foreign policy of the Baltic states at the beginning of the XXI century: scientific publication. - Moscow: Aspect Press, 2015. -- 272 p. - URL: <http://idp.nwipa.ru:2239/56760.html>
3. Vorotnikov, V. V. Relations between the countries of the Scandinavian-Baltic region and Ukraine: military-political and economic dimensions // International analytics. - 2017. - No. 4. - P. 18-27.
4. Nikitin, AI International intervention in modern conflicts. Peacekeeping policy of the UN, OSCE, EU, NATO and CSTO // Report of the Valdai International Discussion Club. - 2017. -- 22 p.
5. Novikova, DO New instruments of international crisis management: the experience of the European Union / Institute for International Studies - Moscow: MGIMO - University, 2009. - 112 p.
6. Torin, A. Conflict potential of the Baltic countries // International affairs. - URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17730>

Смена парадигмы влияния на международные процессы в эпоху формирующегося многополярного мира: фактор «мягкой силы»

Баранов Николай Алексеевич,

доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Коломойченко Маргарита Кирилловна

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Актуальность исследуемой темы заключается в смене парадигмы влияния на международные процессы в эпоху формирующегося многополярного мира. Для объяснения смены парадигмы в работе используется концепт «мягкой силы» Джозефа Ная, который находит свое применение в современных информационно-коммуникационных процессах. «Мягкая сила» снижает популярность традиционных, силовых, инструментов международной политики и становится фактором распространения влияния государства на международной арене, в том числе — на международные конфликты. Особое внимание в процессе современного миростроительства уделяется роли публичной дипломатии, которая приобретает форму цифровой дипломатии. Инструменты цифровой дипломатии, главными из которых являются медиаплощадки в интернет-пространстве, играют как положительную, так и отрицательную роль в современных конфликтах во многих регионах мира. Примеры применения «мягкой силы» организацией НАТО, Россией в сирийском конфликте, Китайской Народной Республикой в международной политике доказывают ее большую значимость в урегулировании кризисных ситуаций.

Ключевые слова: мягкая сила, миростроительство, конфликт, публичная дипломатия.

Сегодня, в эпоху формирующегося многополярного мира, многие инструменты ведения внешней политики, которые доказывали свою эффективность в прошлом, теперь практически ушли на вторые позиции, уступив место новым, более практичным и позволяющим добиваться внушительных результатов на международной арене. Политика силы и угрозы силой перестает восприниматься как единственный функциональный способ достижения внешнеполитических целей государства: она способна приносить положительные результаты только при постоянном силовом воздействии и давлении на противника, что требует больших политических, военных и экономических ресурсов. «Жесткая сила» является важным показателем стабильности национальной безопасности в государстве и его твердой позиции в решении вопросов международного характера. Однако инструментов «жесткой силы» оказывается недостаточно для создания на международной арене образа сильной, экономически стабильной и открытой для диалога страны, поэтому становится востребованным применение средств непрямого воздействия на сферу межгосударственных отношений.

Такие инструменты представляют собой политику «мягкой силы», которая сосредотачивает в себе удобные способы для получения не столь быстрых, но эффективных и основанных на консенсусе результатов. В отличие от «жесткой силы», «мягкая сила» позволяет получать результаты, которые сохраняются в течение длительного времени и не требуют постоянного внешнего давления [6]. «Мягкая сила» в последние десятилетия стала наиболее эффективным способом решения многих глобальных вопросов и продвижения интересов определенного государства или группы государств на международном уровне. Фактор «мягкой силы» занимает важное место в реализации внешнеполитических интересов и формирует технологии достижения геополитических целей. Автором данной теоретической концепции является американский политолог Джозеф Най, который в 1990 г. опубликовал статью «Soft power», где подверг критике использование силового фактора в международных отношениях и обозначил положительное влияние косвенных методов воздействия на мировую политику.

«Мягкая сила» стала возможной по причине высокого влияния на развитие стран, негосударственных акторов и транснациональных корпораций, которые широко используют информацион-

ные технологии для влияния на отдельные государства и регионы и для повышения экономической и военной мощи страны, добиваясь своих целей таким образом, чтобы «другие хотели того же, чего хочешь ты» [4]. Эпоха «постиндустриализации» снизила значение «жесткой силы» и ее традиционных методов политической коммуникации, таких как военное вмешательство и экономическое давление [4]. «Мягкая сила» стала концепцией, отражающей характер современных международных отношений и связанной с феноменом трансформации категории «силы» в конце XX — начале XXI в.

Данная концепция способствовала смене вектора внешней политики США, направленного на распространение американской культуры и образа жизни как идеала демократии и свободы среди других стран. В результате такого влияния внутреннего и внешнего политика ряда государств стала согласовываться с американской. В соответствии с теорией Джозефа Ная «мягкая сила» способна привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов страны [4].

В наше время влияние политики «мягкой силы» на международные политические, экономические и культурные отношения резко возросло, ведь именно она становится инструментом формирования положительного мнения у сотен миллионов людей об определенном государстве. Ресурсы «мягкой силы» заключаются в способности привлекать союзников [3] с помощью таких составляющих, как система получения высшего образования иностранными гражданами, изучение языка, истории и культурных традиций страны, программы поддержки соотечественников и популяризация отечественных брендов, которые, становясь частью повседневной жизни человека, помогают получить информацию о внутреннем политическом устройстве данной страны, экономической системе и ее стабильности, культурном разнообразии.

Современная социально-экономическая ситуация диктует государствам необходимость применения правила специфических методов властного воздействия. Категория *soft power* является именно такой динамичной концепцией, которая помогает добиваться существенных внешнеполитических результатов при помощи использования определенных открытых механизмов. Ведущую позицию в системе средств «мягкой силы» занимает культурная дипломатия, направленная на пропаганду наиболее привлекательных элементов культуры страны. Ее задачами является усиление гуманистического характера мировой политики, формирование взаимного интереса, атмосферы доверия и уважения за счет активного диалога культур разных народов мира, развитие культурного и образовательного обмена между странами [7]. Важным элементом формирования позитивного образа государства в глазах международной обществен-

ности становится популяризация национального языка и культуры. Продвижению языка придается все большая значимость как инструменту, позволяющему создавать крупные центры изучения языка, организовывать различные языковые стажировки и практики для иностранцев и повышать его ценность на правительственном и общественном уровнях.

Стоит отметить, что основной целью создания положительного образа государства на международной арене является не только активное продвижение его интересов и достижение необходимых целей, но и стремление сменить вектор мировой политики в сторону сотрудничества, взаимопомощи и поиска компромисса в трудных и спорных территориальных, политических, этнических вопросах. Важной миссией «мягкой силы» как инструмента взаимодействия стран стало всеобщее миростроительство, разрядка вооруженных конфликтов, прекращение военных действий и противостояние террористическим операциям.

Для влияния на общество зарубежных стран дипломатические структуры активно пользуются современными каналами связи. Прежде всего это Интернет, социальные сети, блоги — то, что получило название «новых медиа» [5, с. 47—48]. Развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий и их применение с целью разрешения конфликтов ненасильственным образом стало причиной появления цифровой дипломатии — нового вида публичной дипломатии, активно применяемой как на Западе, так и в России и направленной на активное взаимодействие с иностранной аудиторией в Интернете. Ее цель заключается в вовлечении гражданского населения в обсуждение и решение различных конфликтов и споров.

Однако различные социальные медиаплощадки оказывают двоякое влияние на международный конфликт: они могут способствовать как урегулированию конфликтов, так и их разжиганию [8, с. 57]. В современном мире пространство сети «Интернет» не раз становилось площадкой для разрешения межгосударственных столкновений: многие современные конфликты приобретают характер информационных войн, воздействуя на широкий круг пользователей и меняя векторы международной политики в целом. Инструментами цифровой дипломатии пользуются многие страны как для решения своих внутренних споров, так и для влияния на ход событий международных конфликтов.

XXI век стал временем активного применения интернет-оружия, которое используется и великими державами, и различными этническими или террористическими группировками. Социальные сети порой становятся причиной не снижения града конфликта, а способом его разжигания: негативное влияние средства массовой коммуникации оказали в конфликтах в африканских странах, что стало причиной гибели сотен людей. В Нигерии и Кении в 2007—2008 гг. SMS-сообщения становились оружием массового поражения, так как текст,

содержащийся в них, указывал на превосходство одной этнической группы над другой и призывал к убийству определенного населения. Данные конфликты доказали, что использование инструментария цифровой дипломатии базируется не только на воздействии на людей через социальные сети, но и на изучении всего комплекса средств и его способах влияния в целях урегулирования международных конфликтов. В данном контексте трудно не согласиться с Мариной Михайловной Лебедевой, которая отмечает, что социальные медиа служат более удобным инструментом для разжигания конфликтов, чем для их урегулирования [8, с. 63].

Однако, несмотря на оказываемое негативное воздействие, современные средства массовой коммуникации чаще всего являются инструментами, направленными на снижение напряженности в кризисных ситуациях. Доказательством положительного влияния средств цифровой дипломатии на соблюдение порядка и мирных условий в той или иной «горячей точке» становятся различные операции, проводимые сверхдержавами и крупнейшими международными организациями. Важным достижением программ в области развития цифровой дипломатии стало укрепление международной безопасности, создание атмосферы доверия в отношениях между государствами и непосредственно содействие и решение конфликтов. Таким примером является исследование «Подготовка к миру: коммуникации и разрешение конфликтов» 2012 г. Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором обосновывается не только значение онлайн-сервисов в процессе урегулирования, но и выделяются наиболее эффективные для снижения конфликтного напряжения уровни. Авторы доклада также охарактеризовали основные этапы постконфликтного урегулирования, которые в целом помогают снизить напряжение между сторонами и выйти на мирный двусторонний или многосторонний диалог.

Важное значение в разрешении многолетних споров имеет процесс налаживания межэтнического диалога, который выражается в создании различных онлайн-программ и площадок для взаимодействия между конфликтующими нациями с целью нахождения взаимопонимания и предотвращения возникновения напряженной ситуации. Социальные сети становятся важным инструментом предотвращения преступлений, и примером такого положительного воздействия на население становятся многие страницы в Интернете (особенно в сети Twitter), информирующие беднейшее население таких мегаполисов, как Рио-де-Жанейро и Мехико, о возможных бандитских атаках. Обсуждение процесса развития многих конфликтов и поиск путей их ликвидации на просторах сайтов, онлайн-форумов и страниц в социальных сетях помогает обычным людям не только разбираться в процессах современной международной политики, но и осознавать всю важность успешного урегулирования кризисных ситуаций, создания систем всеобщей безопасности и использования средств ин-

формационной дипломатии для сотрудничества регионов и нейтрализации напряженной обстановки.

Механизмы «мягкой силы» доказывают свою эффективность в распространении интересов и идеалов определенной страны и ее политической культуры, которые позднее помогают получить большую поддержку в реализации планов в глазах международной общественности. Для международной организации и региональных объединений инструменты публичной дипломатии в расширении сфер влияния играют также большую роль. Для Североатлантического альянса «мягкая сила» является одним из способов создания образа успешной и дружелюбно настроенной по отношению к большинству других международных акторов организации, которая оказывает свое влияние почти на весь европейский континент, не раз вмешиваясь во внутренние дела государств Восточной и Центральной Европы. Главной задачей применения механизмов публичной дипломатии НАТО является усиление сдерживающего фактора силового решения проблем в международных отношениях [1, с. 4]. Для удачного осуществления своих стратегических геополитических задач НАТО прибегает к использованию средств непрямого воздействия на политику в сфере обеспечения коллективной безопасности, налаживания диалога и урегулирования международных конфликтов.

Руководство НАТО давно осознало преимущество средств информационного воздействия, поэтому уже в течение долгих лет Альянс демонстрирует свое информационное влияние на развитие общественных протестов в разных странах, манипулирует общественным мнением и оказывает психологическое воздействие на людей, что позволяет во многом изменить ценности широких слоев населения и взять в свои руки контроль над противником. Таким образом, военно-политический союз осуществляет программы в области образования, культуры и информационных контактов с целью развития, продвижения и идеализирования демократических основ. Одной из таких программ является масштабный проект «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», который направлен на изменение системы политического устройства в странах данного региона с помощью подготовки политических кадров, формирования демократически настроенных движений, преобразования экономических стандартов. Данная программа повлияла на развитие многих стран Ближнего Востока, приведя их к внутренним спорам и «арабским революциям».

Ближневосточный регион в нынешнем веке стал идеальным полем для демонстрации всех возможностей инструментов как «жесткой», так и «мягкой силы» в урегулировании конфликтов. Наиболее показательным в этом вопросе является сирийский конфликт, в котором приняли участие многие ведущие страны, в том числе и Россия. Российская Федерация сыграла огромную роль в снижении напряженности в Сирии для развития

всей страны. Россия не только направила военный контингент для борьбы с террористами, но и привлекла внимание международного сообщества к данному конфликту и его негативным последствиям для гражданского населения. Большое значение в усилении позиций российских вооруженных сил и гуманитарной миссии нашей страны в Сирии сыграли механизмы публичной дипломатии.

Инструменты «мягкой силы» России помогли прежде всего наладить диалог с западными странами для разрешения сирийского конфликта и формирования общей международной задачи борьбы с террористами, но именно в данном вопросе дальше создания зон деэскалации и проведения отдельных боевых заданий державы не продвинулись. Средства массовой информации западных государств стремились дискредитировать роль России в урегулировании конфликта в Сирийской Арабской Республике, размещая на своих ресурсах информацию о неуспешных операциях российской армии и имперских стремлениях нашего государства. Однако Россия продолжила вести борьбу с террористическими группировками, освободить от их власти территорию страны, помогать мирному населению. Особенной и очень значимой для сирийского народа стала гуманитарная операция для оказания помощи населению, проведенная под эгидой МЧС России, чья работа сыграла огромную роль в «улучшении имиджа страны» [9]. Сотрудничество с другими гуманитарными организациями, такими как Международный Комитет Красного Креста и Всемирная продовольственная программа, укрепило в сознании мировой общественности мнение о России как о государстве, готовом протягивать руку помощи в трудный момент, сражаться за мир и обеспечивать стабильность международной безопасности любой ценой.

С помощью российской армии был освобожден древний город Пальмира, являющийся культурным достижением всего человечества, где был организован концерт классической музыки в знак надежды на мирную жизнь и как дань памяти жертвам террора [9], что, однако, вызвало негативные эмоции у западных государств и отразилось в последующих сообщениях в социальных сетях. Важную миссию в информировании российского и международного общества о событиях в Сирии выполнили важные ресурсы публичной дипломатии: канал Russia Today, пресс-центр Генерального штаба ВС РФ в Сирии, сайты и страницы в социальных сетях официальных лиц России и Сирии, которые сообщали миру о действительных событиях, происходящих в стране, о смелых и героических операциях российских военнослужащих.

Стоит упомянуть и еще об одном инструменте «мягкой силы», которым воспользовалась Россия для урегулирования сирийского конфликта, — налаживание межконфессионального диалога в рамках конференции «Взаимное уважение и мирное сосуществование как условие межрелигиозного мира и стабильности: защита христиан и представителей других религий» на полях 34-й сессии

Совета ООН по правам человека в 2017 г. Операция в Сирии стала примером грамотного использования средств публичной дипломатии, показала их эффективность в борьбе с террористическими организациями и негативным восприятием российских успехов в западных странах.

Использование «мягкой силы» во внешней политике характерно не только для государств Запада и России. С начала 2000-х гг. Китайская Народная Республика активно использует инструменты «мягкой силы» для влияния на международную политику. Последовав примеру США, Китай разработал свою концепцию публичной дипломатии, основанную на многовековых традициях и моральных основах страны, чтобы гарантировать добровольную подчиненность международных субъектов, основанную на признании ими абсолютного перевеса и преимущества [2]. «Мягкая сила» позволила государству выйти на новый уровень взаимоотношений с другими странами, выстроить конструктивный и доброжелательный диалог, заключить выгодные соглашения и таким образом создать себе благоприятную репутацию на международной арене.

Отличительной чертой китайской политики по урегулированию конфликтов является способ так называемого отложенного решения [2], который помогает не только добиться нужных целей, но и установить и укрепить партнерские отношения с государствами-соседами. Применение данного способа позволяет Китаю во многом снизить вероятность открытого столкновения, отложить решение конфликта для более подходящего момента. Такая «отложенная» дипломатия позволяет Китаю разрешить спор в свою пользу. Государство активно применяет «мягкую силу» в урегулировании международных конфликтов. Так, мнение Китая является весомым аргументом в вопросах ядерного конфликта на Корейском полуострове и в Иране, а его роль в решении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и «цветных революций» остается одной из самых необходимых и востребованных, так как сейчас Китай стал могущественной державой, на позицию которой опираются многие малые государства Африки и Азии.

Руководство КНР постоянно проводит различные конференции и встречи для дипломатов и политиков, участвует в крупнейших международных форумах. При интеграции в современное международное сообщество механизмы «мягкой силы» способствовали расширению влияния Китая, формированию имиджа страны, стремящейся сохранять международный мир и решать споры путем переговорного процесса. На примере Китая можно убедиться в значимости «жесткой силы» как фактора стабильности в международных отношениях, а также в не менее важной позиции «мягкой силы» как способа влияния на процессы мировой политики.

Стабильность в современных международных отношениях прямым образом зависит от степени сотрудничества между государствами, партнерства и желания строить конструктивный диалог,

который позволит создать надежные связи и укрепить уже существующие. Фактор «мягкой силы» является способом для многих стран наладить контакты на разных уровнях, достигнуть взаимовыгодных соглашений и усилить свои позиции на международной арене. «Мягкая сила» стала фактором, который помогает объединить интересы и цели, найти выход из кризисных ситуаций и создать систему всеобщей безопасности.

По мнению автора, механизмы публичной дипломатии должны использоваться исключительно во благо людей, ведь с их помощью человечество может прийти к важнейшим для своего существования открытиям, создать жизненно необходимые лекарства, победить эпидемии, обеспечить каждому защиту прав, а также достойное образование и медицину. «Мягкая сила» при грамотном ее использовании способна урегулировать даже самые длительные, сложные по своей структуре конфликты. Важно понимать, что она как инструмент в руках лишь одного государства может принести положительные результаты, но в совместном применении будет способна совершить действительно невероятные действия.

Сегодня каждая страна сталкивается с многими внешнеполитическими вызовами, которые непосредственно влияют на вектор международной политики, а также определяют ее место в существующей системе баланса сил. Однако именно в данный момент всем государствам стоит задуматься о всеобщей безопасности для достижения всеобщего блага. Урегулирование конфликтов и построение мира в нынешних условиях должно стать приоритетной задачей для всего международного сообщества. Именно механизмы «мягкой силы» помогут достичь общих целей в реализации регулирования кризисных ситуаций.

Литература

1. Антюхова, Е. А. «Мягкая сила» как инструмент публичной дипломатии НАТО в условиях трансформации международных отношений в XXI веке // Трансформация международных отношений в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции). — Москва : Дипломатическая академия, 2018. — С. 3—8.

2. Дранишникова, А. А., Штанько, М. А. Несиловое регулирование международных конфликтов на примере «мягкой силы» Китая // Наука и образование сегодня. — 2015. — № 1. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nesilovoe-regulirovanie-mezhdunarodnyh-konfliktov-na-primere-myagkoj-sily-kitaya>

3. Ефанова, Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2018. — № 3. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike-gosudarstva>

4. Кошкар-оол, А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Международные коммуникации — 2019. — URL : <http://intcom->

mgimo.ru/2019-10/soft-power-in-int-political-communication

5. Лебедева, М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. — 2015. — Т. 13. — № 4 (43). — С. 45—56.

6. Матвеевко, Ю. И., Галаева, М. Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. — 2015. — № 1. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-sovremennoy-geopolitiki>

7. Наумов, А. О. Фактор «мягкой силы» // Стратегия России — 2010. — URL : http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1264505208&archive=1264505697&start_from=&ucat=14&

8. Публичная дипломатия: Теория и практика : научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 272 с.

9. Рустамова, Л. Р. Публичная дипломатия России в урегулировании конфликта в Сирии // Мировая политика. — 2018. — № 1. — С. 33—37. — URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25576

Changing the paradigm of influence on international processes in the era of the emerging multipolar world: the factor of "soft power"

Baranov N.A., Kolomojchenko M.K.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the topic under study is a paradigm shift in the impact on international processes in the era of the emerging multipolar world. For explaining in the work the paradigm's shift the concept of Joseph Nye's «soft power» is used, which finds its application in modern information and communication processes. Soft power reduces the popularity of traditional, forceful, instruments of international politics and becomes a factor in the spread of state influence in the international arena, including international conflicts. Particular attention in the process of modern peacebuilding is given to the role of public diplomacy, which takes the form of digital diplomacy. Digital diplomacy tools, the main ones being media platforms in the Internet space, play both a positive and a negative role in modern conflicts in many regions of the world. Examples of the use of «soft power» by NATO, Russia in the Syrian conflict, and the People's Republic of China in international politics prove its great importance in resolving crisis situations.

Keywords: soft power, peacebuilding, conflict, public diplomacy.

References

1. Antyukhova, E. A. "Soft power" as an instrument of NATO public diplomacy in the context of the transformation of international relations in the XXI century // Transformation of international relations in the XXI century (materials of the international scientific-practical conference). - Moscow: Diplomatic Academy, 2018. - P. 3-8.

2. Dranishnikova, AA, Shtanko, MA Non-force regulation of international conflicts on the example of China's "soft power" // Science and Education Today. - 2015. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesilovoe->

- regulirovanie-mezhdunarodnyh-konfliktov-na-primere-myagkoy-sily-kitaya
3. Efanova, E. V. Tools of "soft power" in the foreign policy of the state // Bulletin of RUDN. Series: Political Science. - 2018. - No. 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-gosudarstva>
 4. Koshkar-ool, A. A. "Soft power" in international political communication: approaches to the interpretation of the concept // International communications - 2019. - URL: <http://intcom-mgimo.ru/2019-10/soft-power-in-int-political-communication>
 5. Lebedeva, MM Public diplomacy in conflict resolution // International processes. - 2015. - T. 13. - No. 4 (43). - S. 45-56.
 6. Matveenکو, Yu. I., Galaeva, MG "Soft power" as a factor in modern geopolitics // PolitBook. - 2015. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-sovremennoy-geopolitiki>
 7. Naumov, AO The factor of "soft power" // Strategy of Russia - 2010. - URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1264505208&archive=1264505697&start_from=&ucat=14&
 8. Public diplomacy: Theory and practice: scientific publication / ed. M. M. Lebedeva. - Moscow: Aspect Press, 2017. -- 272 p.
 9. Rustamova, L. R. Public diplomacy of Russia in the settlement of the conflict in Syria // World politics. - 2018. - No. 1. - P. 33-37. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25576

Опыт ОДКБ в области миротворчества на примере обеспечения безопасности Центральной Азии

Лабенский Ярослав Владимирович

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье рассматривается опыт ОДКБ в области миротворчества на примере обеспечения безопасности Центральной Азии. ОДКБ выступает основным игроком в ЦА, который поддерживает стабильность в регионе. Регион Центральной Азии — это сложный комплекс международных взаимодействий, противоречий и противостояний вокруг территориальных споров, активности терроризма, нелегальной миграции, нелегального оборота наркотиков и т.д. В статье ЦА рассматривается сквозь призму интересов многих внерегиональных акторов, конкурирующих между собой. Дается обоснование политических курсов государств региона. Особо изучается фактор миротворчества, который является важным каналом проникновения в ЦА таких игроков, как Россия, США, Китай, НАТО и т.д. Миротворческая деятельность характеризуется совокупностью военных и дипломатических методов, коллективных усилий по восстановлению мира в конфликтных регионах. Нормативная база ОДКБ в рамках миротворческой деятельности сформировалась по стопам западных акторов, но и на основе исторических связей государств ЦА. Наибольший интерес в данной работе представляет миротворческая деятельность ОДКБ как главного гаранта безопасности ЦА. В работе рассматриваются подходы в рамках этого направления. Используется информация о проведении миротворческих операций, учений и создания плацдармов для подготовки миротворцев из Центральной Азии.

Ключевые слова: ОДКБ, Россия, миротворческая деятельность, миротворческие учения, безопасность ЦА.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) ведет начало своей деятельности от событий 1992 г., когда в Ташкенте Арменией, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном был подписан Договор о коллективной безопасности (1992). Договор представлял собой региональное соглашение, которое сыграло ключевую роль в формировании углубленного сотрудничества и взаимопонимания государств постсоветского пространства в сфере военной политики.

В 2002 году в Москве Договор о коллективной безопасности получил статус международной региональной организации, и позже был утвержден Устав ОДКБ. В декабре 2003 г. ОДКБ зарегистрировала свой Устав в Секретариате ООН, а в 2004 г. Организация получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. С этого времени началась официальная деятельность ОДКБ как главного актора по обеспечению безопасности постсоветского пространства.

В целях ОДКБ, официально сформулированных в 3 статье Устава организации, основой ее деятельности названо сотрудничество стран-членов в сфере укрепления мира, международной и региональной безопасности и стабильности, обеспечения целостности суверенитетов стран-участниц на принципах коллективной безопасности²⁶. Здесь же подчеркиваются основные принципы ОДКБ, а именно: приоритет политических средств перед военными, непререкаемое уважение независимости, добровольность участия, равенство прав и обязанностей государств-членов, невмешательство в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств-членов²⁷. Эти принципы лежат в русле ведущих международных приоритетов обеспечения мира, четко определенных в Уставе ООН.

Как известно, центральный вектор деятельности ООН — это поддержание мира посредством всех возможных ресурсов международного сообщества, включая активную миротворческую деятельность. Поскольку в своей деятельности ОДКБ следует целям и принципам ООН, то в данном ключе особый интерес вызывает миротворческая деятельность Организации Договора о коллективной безопасности.

²⁶ Основные документы Организации договора о коллективной безопасности // Официальный портал ОДКБ — <http://www.odkb.gov.ru/b/a.htm>

²⁷ История Организации договора о коллективной безопасности. — URL : <https://odkb-csto.org/25years/>

Миротворческая деятельность характеризуется как совокупность военных и дипломатических методов, коллективных усилий по восстановлению мира в конфликтных регионах. Свою миротворческую деятельность ОДКБ начала реализовывать в июне 2004 г., после саммита членов ОДКБ, на котором была сформирована «Концепция формирования и функционирования механизма миротворческой деятельности ОДКБ» [1, с. 128]. В данной концепции были прописаны действия участников ОДКБ в соответствии с Уставом ООН, а также определены механизмы развертывания миротворческих операций. Следуя Концепции, принятой в 2007 г. главами государств — членами ОДКБ, было подписано Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ, которое вступило в силу и зарегистрировано в Секретариате ООН в 2009 г.²⁸ Данное соглашение закрепило тот факт, что миротворческие силы ОДКБ могут применяться как в зоне ответственности Организации по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ, так и за ее пределами по мандату Совета Безопасности ООН.

Среди документов по миротворческой деятельности ОДКБ, закрепляющих основные принципы деятельности организации, следует выделить:

1) Соглашение о миротворческой деятельности организации — закрепляет основные векторы миротворчества ОДКБ;

2) Положение о главе реализуемой миротворческой миссии организации — устанавливает полномочия руководителей миротворческих операций;

3) Положение о коллективных миротворческих силах организации — закрепляет основные функции и порядок формирования КМС ОДКБ²⁹;

4) Положение об оперативной рабочей группе в области подготовки миротворческих операций организации — закрепляет основную деятельность, цели и задачи рабочей группы [3, с. 9].

Все перечисленные документы подробно описывают порядок формирования миротворческого контингента ОДКБ, включая военное, техническое, гуманитарное и социальное обеспечение участников в операциях по поддержанию мира. В каждом документе подчеркивается приверженность ОДКБ основным принципам ООН, что особо прослеживается в установлении процедур консультаций с Советом Безопасности ООН в случаях военных конфликтов. Также для обеспечения миротворческой деятельности ОДКБ заключила Соглашение с Международным комитетом Красного креста по гуманитарным вопросам (2009). А в сентябре 2012 г. в том же ключе подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Департаментом операций ООН по поддержанию мира. Данные документы формируют основную норма-

тивную базу миротворческих сил ОДКБ, которая закрепляет международное и региональное влияние организации, позволяющее в дальнейшем осуществлять деятельность в рамках обеспечения безопасности. Сама же миротворческая деятельность является частью поддержания безопасности в целом. Учитывая, что Организация договора о коллективной безопасности объединяет практически все страны Центральной Азии, в контексте данной работы наибольший интерес представляет выявление роли ОДКБ в обеспечении безопасности этих стран, а в более узком контексте — определение особенностей миротворческой деятельности ОДКБ в Центрально-Азиатском регионе (ЦА).

В последнее десятилетие Центрально-Азиатский регион превратился в зону политического риска. Регион объединяет острые проблемы большей части постсоветского пространства, среди которых наиболее очевидно проявляется внутренняя нестабильность государств, характеризующаяся проблемами управления гидроэнергетическими ресурсами, урегулирования территориальных споров, а также проблемами в обеспечении безопасности национальных границ. К числу весомых угроз региона следует отнести терроризм, контрабанду наркотических средств и распространение радикального исламизма, соседство Афганистана. Примером этому может служить теракт 2016 г. на территории Казахстана в г. Актобе, равно как и деятельность на территории Киргизии террористических организаций «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги джамаат» [4, с. 36—45].

Ивне регион окружен нестабильными государствами, такими как Ирак, Сирия, Афганистан и отчасти Иран. Так, соседство с Афганистаном создает общую проблему для безопасности всех государств Центральной Азии. Отсюда наблюдается рост трансграничных угроз для безопасности, таких как неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения, масштабные миграции и экологические катастрофы. Наряду с данными проблемами четко выделяются территориальные споры. К примеру, в регионе выделяется Ферганская долина, где расположены Согдийская область Таджикистана, Ошская, Джелал-Абадская и Баткенская области Киргизии, Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана [2, с. 45—55]. Отсюда противоречия между Таджикистаном и Узбекистаном. У Туркменистана есть территориальные притязания к Узбекистану в Чарджоуской области из-за нефтяного месторождения. В свою очередь в Узбекистане некоторые представители власти поддерживают идею «Великого Узбекистана» — от Южной Киргизии, Таджикистана, Чарджоу и Ташауза в Туркменистане до двух юго-западных областей Казахстана [5, с. 65]. Поэтому во многом государства не могут договориться о принадлежности территории.

Центральная Азия находится в сфере интересов ОДКБ, а большая часть военного потенциала ОДКБ обеспечивается Россией. Одновременно стоит упомянуть, что при формировании миро-

²⁸ От договора к организации. — URL : <https://odkb-csto.org/25years/>

²⁹ Положение о коллективных миротворческих силах организации — закрепляет основные функции и порядок формирования КМС ОДКБ. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/499019168>

творческих частей у государств-членов в рамках ОДКБ отсутствует квота на определенное количество войск, что соответственно открывает для государств-членов свободный формат участия в миротворческой деятельности ОДКБ³⁰. Однако существует определенный порядок формирования миротворческих сил ОДКБ. Так, для участия в миротворческой операции из состава Миротворческих сил создаются Коллективные миротворческие силы ОДКБ. Их состав, структура и численность определяются решением глав государств — членов ОДКБ для каждой миротворческой операции в отдельности, исходя из решаемых задач и конкретной обстановки в зоне конфликта. Важным достижением коалиционного военного строительства стало принятие в декабре 2014 г. главами государств — членов ОДКБ решения о создании Коллективных авиационных сил (КАС ОДКБ), включающих авиационные формирования военной, транспортной и специальной авиации вооруженных сил, органов внутренних дел (полиции), органов безопасности и специальных служб, а также органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций³¹. Это было актуально и своевременно в целях повышения оперативности перевозок и обеспечения действий сил и средств системы коллективной безопасности Организации.

Если рассматривать опыт ОДКБ в миротворческой деятельности на постсоветском пространстве, то он имеет довольно ограниченный характер. Так, на этапе формирования миротворческих сил ОДКБ следует упомянуть кризис в Грузии 2008 г., который показал не только неготовность государств — членов организации к урегулированию конфликта посредством введения миротворческих войск ОДКБ, но и показал, что у России есть свои геополитические цели в рамках данной организации. В результате кризиса 2008 г. ОДКБ покинула Грузия. После данных событий в 2010 г., понимая растущую напряженность между государствами-членами внутри ОДКБ, на одном из заседаний организации были сформированы миротворческие силы в количестве 3000 военнослужащих вооруженных сил и порядка 600 представителей органов внутренних дел государств-членов³². И в 2011 году в Астане страны-члены договорились о том, что данный контингент будет помогать союзным государствам в решении конфликтов³³. Но назревающий с 2010 г. кризис в Кыргызстане снова пошатнул данную систему. Так, накануне смены власти в Кыргызстане действующее правительство ухудшило отношения с Россией, поддержав создание «контртеррористического лагеря США» на своей

территории. А когда встал вопрос о введении миротворческих сил на территорию Кыргызстана, ОДКБ не стала этого делать, так как против проголосовала Россия. Эта ситуация повлекла за собой новый виток кризиса в организации, что привело к выходу Узбекистана в 2013 г. из ОДКБ [6, с. 130]. Сомневался и Казахстан, но все же остался в рамках данной организации, так как развивал Евразийский экономический союз. Также в период 2014—2016 гг. ОДКБ никак себя не проявила в украинском кризисе, когда Крым вошел в состав России. В данном контексте встал вопрос о результативности миротворческой составляющей данной организации в целом.

Если говорить о миротворческой деятельности ОДКБ в Центральной Азии, то, по официальным данным портала ОДКБ, организация не вводила миротворцев на территории государств Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом, так как для принятия и реализации подобных решений остается немало противоречий в деятельности самой организации. Немаловажным источником противоречий внутри ОДКБ служит «многовекторность» внешнеполитических курсов государств ЦА, основанная на балансировании между сильными мировыми игроками. К данному региону существенный интерес проявляют такие игроки, как Китай, Турция, США, ЕС, Россия, что в целом существенно влияет на внешнюю политику стран Центральной Азии и их позицию в ОДКБ. Так, стоит отметить, что, когда Крым вошел в состав России, генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа заявил, что организация не будет предпринимать никаких мер по данному конфликту. По словам Генсека, это объяснялось внутренней проблемой Украины и свободным волеизъявлением граждан Крыма о вступлении в состав Российской Федерации. В этой ситуации страны ЦА отреагировали сдержанно, к примеру, Казахстан прокомментировал присоединение Крыма как «свободное волеизъявление граждан». Данная позиция была максимально удаленная, так как в случае официальной поддержки позиции Российской Федерации Казахстан мог испортить отношения с Западом, а в случае осуждения — охладить союзнические отношения с Россией. Узбекистан призвал воздержаться от решения проблемы насильственным путем и при этом подчеркнул приверженность принципу территориальной целостности и неделимости страны в рамках международного права и стандартов ООН, но при этом остался нейтральным, так как большинство граждан Узбекистана трудятся на территории РФ.

В целом страны ЦА были напуганы данной ситуацией, так как считали, что такая история возможна в рамках региона. Но в итоге никто никаких мер не предпринимал. Что касается Сирийского конфликта, то в ОДКБ шли переговоры о применении миротворческих сил, но затем в 2015 г. организация официально заявила об отказе в поддержке сирийских вооруженных сил. Данная позиция объяснялась тем, что ОДКБ позиционирует себя как региональная организация и сосредото-

³⁰ CSTO Sets Up Peacekeeping Force. — URL : <http://greater-europe.org/archives/4880>

³¹ История Организации договора о коллективной безопасности. — URL : <https://odkb-csto.org/25years/>

³² Peacekeeping Forces of the CSTO. — URL : <https://jscsto.odkb-csto.org/en/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/msodkb.php>

³³ Миротворческий потенциал ОДКБ. — ГКД : <https://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/2971/>

чена в обеспечении безопасности только государств-членов. Поэтому в целом ОДКБ, имея прочную миротворческую базу, еще не реализовала деятельность в этой сфере. Однако, несмотря на нереализованность миротворческого вектора, начиная с 2012 г. Организация проводит учения миротворческих сил стран-членов под названием «Нерушимое братство». В ходе этих учений КМС ОДКБ отрабатывают следующие специальные задачи: разъединение конфликтующих сторон; создание буферной зоны; сопровождение гуманитарных грузов; блокирование и ликвидация лагерей подготовки незаконных вооруженных формирований; освобождение заложников; эвакуация раненых и т.д.¹

Так, в октябре 2017 г. ОДКБ провела военные учения «Боевое братство-2017» с участием 12 000 человек, 1500 единиц техники, 90 самолетов из всех стран-членов: России, Беларуси, Армении, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. 28 октября 2019 г. в Республике Таджикистан на полигоне Харб-Майдон состоялся этап совместной тренировки «Нерушимое Братство-2019»². В обучении приняли участие воинские контингенты, подразделения полиции Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, выделенные для Миротворческих сил ОДКБ, а также Оперативная группа Объединенного штаба ОДКБ, сотрудники Секретариата ОДКБ, представители Международного комитета Красного Креста.

В обучении приняли участие более 3500 военнослужащих и более 600 единиц техники, включая авиационную технику — самолет-разведчик Су-24МР, самолет Су-25СМ, армейские вертолеты Ми-24 и беспилотные летательные аппараты «Форпост» и «Орлан». Данные учения проводятся с целью подготовки миротворческих сил и сил быстрого реагирования ОДКБ для обеспечения безопасности Организации и государств-членов, а также в рамках этих учений происходит обмен военными специалистами, который позволяет перенимать совместный опыт в сфере военной обороны. Каждый год страны отрабатывают различные ситуации, которые могли бы стать потенциально актуальными в отношениях с соседним Афганистаном. Данное государство представляет главную угрозу для всей Центральной Азии, так как оттуда исходит угроза терроризма, наркоторговли и незаконного ввоза оружия.

Также следует отметить, что у ОДКБ есть опыт обеспечения безопасности Центральной Азии. ОДКБ поддерживает регулярные контакты с членами политического и военного руководства Афганистана. В Организации действует рабочая группа

по Афганистану, направленная на противодействие угрозам терроризма, наркотрафика и прочих угроз безопасности региона. В ней вырабатываются рекомендации по координации деятельности государств — членов ОДКБ на афганском направлении, совместным мерам по противостоянию указанным угрозам и постконфликтному обустройству Афганистана. На территории Центральной Азии постоянно проводятся такие операции, как «Нелегал», в которой отрабатываются вопросы противодействия терроризму и экстремизму, региональная антинаркотическая операция «Канал»³. В данных операциях за время существования ОДКБ принимали активное участие не только части Российской Федерации, но и подразделения Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Армении⁴. Так, по данным ОДКБ, в 2019 г. в рамках таких операций удалось изъять из незаконного оборота около 11,4 тонн наркотиков, 307 единиц огнестрельного оружия и около 4,5 тыс. боеприпасов⁵. При этом большая часть незаконной продукции была изъята на границе Таджикистана с Афганистаном. Это еще раз подчеркивает эффективность ОДКБ в рамках обеспечения безопасности Центральной Азии.

Но миротворчество и учения миротворцев рассматривается не только Россией как инструмент участия в процессах безопасности Центрально-Азиатского региона. США, КНР, страны НАТО стремятся усилить свое присутствие в ЦА, используя возможности сотрудничества в области миротворчества. В странах ЦА проводятся миротворческие учения, связанные с различными акторами, для которых регион представляет площадку для ограничения влияния России в целом. К примеру, у США есть совместный проект с Казахстаном под названием «Казбриг», который действует вот уже с 2001 г., а с 2013 г. создан Илийский полигон, в котором проводятся учения миротворческих сил Казахстана. НАТО с 2010 г. реализует программу «Партнерство ради мира», что гарантирует помощь блока странам ЦА в случае угрозы безопасности. В рамках соглашения происходит обмен военными специалистами, но данных по совместным учениям нет. Китай взаимодействует со странами ЦА через Шанхайскую организацию сотрудничества, которая с 2018 г. проводит учения «Мирная миссия». Эти учения ШОС направлены на подготовку миротворческих сил в Центральной Азии, при этом в учениях, по официальным данным портала ШОС, российские войска составляли 1700 человек, Китай был представлен 700 военнослужащими, а Индия — 200⁶. По поставкам оружия

¹ Миротворческий потенциал ОДКБ. — URL : <https://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/2971/>

² CSTO peacekeepers «conducted» a peacekeeping operation in Tajikistan. — URL : https://en.odkb-csto.org/training/the_brotherhood_of_war_2019/mirotvortsy-odkb-proveli-operatsiyu-po-podderzhaniyu-mira-v-tadzhikistane-na-poligone-kharb-maydon-p/

³ Институт партнерства и наблюдателя ОДКБ. — URL : https://odkb-csto.org/institute/index.php?sphrase_id=64169

⁴ Блог Милана Лазовича Роль СНГ и ОДКБ в обеспечении безопасности Центральной Азии (2018). — URL : <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/rol-sng-i-odkb-v-obespechenii-bezopasnosti-tsentralnoy-azii/>

⁵ Институт партнерства и наблюдателя ОДКБ. — URL : https://odkb-csto.org/institute/index.php?sphrase_id=64169

⁶ Учения «Мирная миссия-2019». — URL : <http://rus.sectsc.org/search/>

жия Китай не фигурирует в числе лидеров в регионе, по данным Sipri, за 2017—2018 гг. КНР поставил всего 23 боевые единицы для государств ЦА, тогда как Россия за этот же период поставила более 429 единиц. В то же время Китай активно участвует в военных учениях, проводимых во главе с Россией («Центр-2019», «Нерушимое братство»), что помогает налаживанию сотрудничества в сфере безопасности в Центральной Азии.

Если рассматривать присутствие НАТО в регионе, то здесь можно отметить отдельные случаи сотрудничества в военной сфере. Примером может служить ранговая система воинской службы Казахстана, основанная на ранговой системе НАТО. Также страны НАТО активно участвуют в миротворческих учениях «Степной орел», созданных в рамках «Казбриг» совместно с США.

Но принципиальным отличием этих учений от миротворческих учений ОДКБ является то, что они, во-первых, имеют меньший масштаб, так как в основном проводятся совместно с Казахстаном с привлечением Кыргызстана, Таджикистана, Монголии и т.д. Во-вторых, данные учения направлены на подготовку миротворческого контингента для участия в миротворческих операциях ООН, в то время как учения ОДКБ направлены на обеспечение безопасности государств — членов организации. В-третьих, это положение блоков. ОДКБ, являясь региональной организацией, имеет больший охват территории и при возникновении угрозы для безопасности государств Центральной Азии может воспользоваться силами быстрого реагирования. Для сравнения, такие возможности отсутствуют как у США, так и у НАТО на территории стран ЦА. Одновременно с этим следует отметить, что у США в данном контексте есть практический опыт в осуществлении совместной миротворческой деятельности со странами ЦА. В рамках совместного проекта Казахстана и США «Казбриг». В 2003—2008 годах «Казбриг» участвовал в миротворческой операции «Свобода Ираку» в рамках деятельности ООН, в которой задача миротворцев заключалась в ликвидации взрывоопасных предметов и очистке местных водоемов¹.

Особенностью миротворческой деятельности ОДКБ можно назвать отсутствие практического опыта в реализации миротворческих операций и одновременно институционально и нормативно оформленное сотрудничество стран-членов по вопросам миротворческой деятельности Организации, вплоть до проведения совместных военных учений.

Заключение

Миротворческая деятельность Организации договора о коллективной безопасности на современном этапе пока не проявилась в полной мере, как она представлена в основных нормативных документах организации. Практический опыт показывает, что в ситуациях в Кыргызстане, Приднестро-

вье, Карабахе, Украине ОДКБ не справилась со своей задачей в рамках миротворчества.

Неэффективность практического миротворчества ОДКБ напрямую связана со спецификой процессов безопасности на постсоветском пространстве и ролью России в обеспечении региональной безопасности.

Российская Федерация имеет большее число военных представителей в Организации, по индексу военной мощи 2020 г. Россия занимает 2-е место из 138 государств (0,0681), Беларусь 53-е место (0,8179), Казахстан 63-е место (0,9098), Таджикистан (1,8001), Кыргызстан 98-е место (1,9244)². Поэтому в данном контексте ОДКБ испытывает выраженный характер влияния России в рамках данной организации.

Что же касается миротворчества ОДКБ в границах Центральной Азии, то здесь данная деятельность приобретает характер превентивных мер. Учитывая, что данный регион находится в непосредственной близости с Афганистаном, проводимые миротворческие учения позволяют готовить воинский и гражданский контингент в целях обеспечения безопасности региона. Поэтому миротворческие учения ОДКБ на практике должны стать гарантом безопасности для каждого члена организации.

Литература

1. Годованный, А. В. Миротворческая составляющая деятельности Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. — № 11. — С. 126—131.
2. Дмитриева, Е. Л. Постсоветская Центральная Азия: этнотерриториальные споры и политические конфликты // Россия и мусульманский мир. — 2018. — № 4. — С. 45—55.
3. Когут, В. Г. Роль ОДКБ в обеспечении международной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2016. — № 2. — С. 7—15.
4. Савичев, Ю. Н. Геополитическая ситуация в центральной Азии и Политика РФ // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 3 С. 36—45.
5. Токарев, И. А. Причины, характер, последствия международных конфликтов на постсоветском пространстве // Научный журнал. — 2017. — № 3. — С. 65—70.
6. Шамаров, П. В. Миротворческая деятельность России на постсоветском пространстве: политико-правовой анализ // Этносоциум и международная культура — 2019. — № 8. — С. 127—136.

CSTO experience in the field of peacekeeping on the example of ensuring the security of Central Asia Labenski Ya.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

¹ NATO's relations with Central Asia. — URL : https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_107957.htm

² Global fire power 2020. — URL : <https://www.globalfirepower.com/>

The article examines the experience of the CSTO in peacekeeping as an example of ensuring the security of Central Asia. CSTO is a major player in Central Asia, which maintains stability in this region. The Central Asian region is a mixture of international interactions, contradictions and territorial disputes, terrorism activity, illegal migration, drug trafficking, etc. In the article, Central Asia is studied through the prism of the interests of many non-regional actors, competing among themselves. The substantiation of the political courses of the states of the region is being given. A special attention is given to the factor of peacemaking, which is a channel for penetration into Central Asia of such players as Russia, the USA, China, NATO, etc. Peacekeeping is a combination of military and diplomatic methods, collective efforts, directed to restore peace in conflict regions. The CSTO regulatory framework in peacekeeping was formed following the footsteps of Western actors, but, at the same time, it is also based on the historical connections of the Central Asian states. The greatest concern in this work is the peacekeeping activities of CSTO as the main guarantor of security in Central Asia. The article considers different approaches to this area. The author uses the information on peacekeeping operations, exercises and the creation of bridgeheads for the training of peacemakers from Central Asia.

Keywords: CSTO, Russia, peacekeeping activities, peacekeeping exercises, security of Central Asia.

References

1. Godovanny, A. V. Peacekeeping component of the activities of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) // Questions of Russian and international law. - 2019. - T. 9. - No. 11. - P. 126-131.
2. Dmitrieva, E. L. Post-Soviet Central Asia: ethno-territorial disputes and political conflicts // Russia and the Muslim world. - 2018. - No. 4. - P. 45-55.
3. Kogut, VG The role of the CSTO in ensuring international security // National security and strategic planning. - 2016. - No. 2. - P. 7-15.
4. Savichev, Yu. N. Geopolitical situation in Central Asia and the Policy of the Russian Federation // Vestnik RUDN. Series: History of Russia. - 2016. - No. 3 - P. 36-45.
5. Tokarev, IA Causes, nature, consequences of international conflicts in the post-Soviet space // Scientific journal. - 2017. - No. 3. - P. 65-70.
6. Shamarov, P. V. Peacekeeping activity of Russia in the post-Soviet space: political and legal analysis // Ethnosocium and international culture - 2019. - No. 8. - P. 127-136.

Особые аспекты политики ЕС в контексте конфликта в восточной части Украины

Маркушина Наталья Юрьевна,

доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Линева Елизавета Валериевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В статье оцениваются действия и место ЕС в процессе урегулирования ситуации, сложившейся в результате крымских событий 2014 г. Данные события привели к кризису российско-украинских отношений, а также повлекли за собой череду негативных последствий, что выразилось в росте недоверия между государствами, применении механизма многочисленных санкций и спровоцировало серьезные изменения в мировой политике. Важную роль в этих отношениях занимает ЕС, который оказывает обстоятельное влияние на украинскую политику. Вышеуказанное подтверждается тем, что именно ведущие европейские государства принимают непосредственное участие во всех переговорах по вопросу урегулирования украинского кризиса, а также оказывают экономическую, политическую и гуманитарную поддержку Украине на пути движения страны в сторону европейской интеграции. Статья рассматривает особые аспекты политики ЕС в контексте конфликта в восточной части Украины. Выделяются конкретные шаги со стороны ЕС в поддержку Украины после крымских событий 2014 г., которые привели к изменениям во взаимодействии Европейского союза как с Российской Федерацией, так и с Украиной. Автор подчеркивает, что государства — члены ЕС должны быть заинтересованы в снижении уровня напряженности вокруг Украины и реализации действительно эффективного и конструктивного политического диалога по связанным с этим кризисом проблемам, так как речь идет уже не только об Украине, но и о фундаментальных основах европейской и евроатлантической безопасности. В работе отмечается, что у ЕС есть необходимый опыт и возможности для обеспечения более продуктивного воздействия на процесс урегулирования конфликта.

Ключевые слова: ЕС, украинский кризис, Донбасс, санкции, Россия.

Актуальность темы работы обусловлена влиянием украинского кризиса на международные отношения, одним из основных условий стабилизации которого является нормализация отношений Российской Федерации с Украиной. Крымские события 2014 г. в частности и кризис российско-украинских отношений в целом повлекли за собой череду негативных последствий — это выразилась в росте недоверия между государствами, применении механизма многочисленных санкций и привело к серьезным изменениям в мировой политике. Важную роль в этих отношениях играют страны Запада. Серьезное влияние оказывается со стороны ЕС, так как именно ведущие европейские государства принимают непосредственное участие во всех переговорах по вопросу урегулирования украинского кризиса, а также оказывают экономическую, политическую и гуманитарную поддержку Украине на пути движения страны к европейской интеграции. Ввиду серьезного влияния на украинскую политику представляется важным рассмотрение роли ЕС в урегулировании украинского конфликта.

Ситуация на востоке Украины по-прежнему остается крайне сложной. Война истощает экономические и человеческие ресурсы. Украине будет крайне тяжело выбраться из нынешнего кризиса, соответственно, требуется активная международная поддержка для стабилизации ситуации, что отмечают ведущие эксперты аналитических центров как Европы, Америки, Украины, так и России, также об этом говорится и на уровне правительства Украины. Безусловно, между Россией и ведущими западными государствами существуют разногласия в оценках украинского кризиса, и какие-то из них будет сложно преодолеть в ближайшем будущем, но очевидно, что как Российская Федерация, так и страны Запада должны быть заинтересованы в снижении уровня напряженности вокруг Украины и запуске конструктивного политического диалога по связанным с этим кризисом проблемам, так как речь идет уже не только об Украине, но и о фундаментальных основах европейской и евроатлантической безопасности, и у России и Запада есть опыт такого диалога.

Украина и Россия в данный момент находятся на довольно низком уровне взаимоотношений, что обусловлено общим кризисом российско-украинских отношений. С 2014 года наблюдается процесс разрушения нормативно-правовой базы сотрудничества и, соответственно, системы институциональных межгосударственных отношений. В то же время внешняя поддержка со стороны ЕС является критически важной для Украины, которая

имеет ограниченные внутренние ресурсы для урегулирования ситуации. Говоря о важности фактора внешней помощи для Украины, следует отметить следующие важные обстоятельства. Очевидно, что эффективность международной помощи в большей степени зависит от результативности ее использования в Украине, от уровня успешности внутренних реформ. А сам процесс украинских реформ страдает от непоследовательной политики, коррупции, проблем бюрократического характера, что провоцирует в Европе и мире, на фоне все большего количества глобальных вызовов и угроз, определенную усталость от Украины, недоверие к Киеву. К тому же внешняя помощь имеет определенные ограничения и тенденцию к сокращению. В мире возникают новые линии напряженности и конфликтные зоны, требующие внимания и помощи мирового сообщества. Украинская тематика приобретает периферийный характер, поэтому Украина должна ориентироваться и рассчитывать на собственный потенциал и силы.

Геополитическая нестабильность и восходящая конфликтность международных отношений постепенно разрушают единство и скоординированность действий ЕС в отношении украинского кризиса. В частности, углубляются противоречия и проблемы в отношениях США со странами ЕС, здесь можно вспомнить ситуацию вокруг «Северного потока-2». Наблюдается увеличение кризисных зон на европейском континенте и в мире. В то же время растут тенденции национального изоляционизма. Углубляется кризис глобальных и региональных структур безопасности, например ООН и ОБСЕ, которые сейчас не в состоянии адекватно реагировать на вызовы и угрозы. Под вопросом оказалась эффективность международных механизмов предотвращения распространения ядерного оружия.

Таким образом, ключевой партнер Украины — ЕС в настоящее время находится на стадии сложной трансформации, отягощенный внутренними проблемами: последствия Brexit, напряженность между Брюсселем и государствами-членами, миграционный кризис, рост правого радикализма, изоляционизма, экономические проблемы. ЕС остро испытывает дефицит единства и критический рост разрушительных центробежных тенденций.

Роль, действия и влияние стран ЕС в урегулировании конфликта на востоке Украины следует рассматривать в контексте их общей политики в отношении ситуации вокруг обострения российско-украинских отношений. С начала украинского кризиса 2014 г. страны Европы выразили политико-дипломатическую поддержку украинской стороны и ее территориальной целостности. Европейское сообщество, а также ООН, ОБСЕ, ПАСЕ, НАТО не признали вхождение Крыма в состав Российской Федерации, осудили российское воздействие на ситуацию на Донбассе, а также предоставили политическую, финансово-экономическую, материально-техническую помощь Украине. Все вышеуказанные действия были подкреплены механизмом применения многочисленных экономических и

политических санкций, которые были введены в отношении России, к тому же был инициирован и запущен многосторонний переговорный процесс по урегулированию ситуации в Украине. Тем не менее все предпринятые шаги не привели ни к серьезным улучшениям ситуации, ни к установлению фактического перемирия в регионе.

Характер, динамика и особенности осуществления политики ЕС по урегулированию конфликта на Донбассе дают основания говорить о таких тенденциях: в международных структурах распространен тезис об агрессивных действиях России на мировой арене, ввиду того что ситуация вокруг Крымского полуострова и война на Востоке Украины рассматриваются не как внутренний конфликт, а как результат российской агрессивной внешней политики в ответ на действия украинской стороны по сближению с ЕС и НАТО. Данный подход запустил процесс создания коалиции стран, которые выразили поддержку суверенитету и территориальной целостности Украины. Эти события проявились в противостоянии Запад — Россия на площадках международных организаций.

С 2014 года в документах международных организаций для описания действий Российской Федерации стали применяться такие понятия, как «российская агрессия»,¹ «военная агрессия»,² «аннексия»,³ «военная интервенция»,⁴ «дестабилизация»,⁵ «оккупация»⁶ и т.д. Сами события в во-

¹ Резолюция 2202 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7384-м заседании 17 февраля 2015 г. — [UN]. — URL : [https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20(2015))

² Resolution 2112 (2016) «The humanitarian concerns with regard to people captured during the war in Ukraine». — [Council of Europe Parliamentary Assembly]. — URL : <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=22750&lang=en>

³ Resolution 2015/2001 (INI) «On the state of EU-Russia relations» 10 June 2015 — [European Parliament]. — URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1550225413503&uri=CELEX:52015IP0225>

⁴ Resolution 2133 (2016) «Legal remedies for human rights violations on the Ukrainian territories outside the control of the Ukrainian authorities». — [Council of Europe Parliamentary Assembly]. — URL : <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=23167&lang=EN&search=KjoqfHR5cGVfc3RyX2VuOlJlc29sdXRpb24=>

⁵ Communiqué of Warsaw Summit. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016. — [NATO]. — URL : https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm.

⁶ Resolution 2198 (2018) «Humanitarian consequences of the war in Ukraine». — [Council of Europe Parliamentary Assembly]. — URL : <http://semantic-pace.net/tools/pdf.aspx?doc=aHR0cDovL2Fzc2VtYmx5LmNvZS5pbnQvbnVlc29sdXRpb24=>

сточной части Украины описываются как «вооруженный конфликт», «гибридная агрессия на Донбассе», «конфликт на Востоке Украины». Резолюции ПАСЕ используют чаще фразу «война на Донбассе»⁷, в то же время в ОБСЕ применяется понятие «кризис в Украине и вокруг нее»⁸.

Итак, 27 марта 2014 г. ГА ООН приняла резолюцию, в которой выразила поддержку «суверенитета, политической независимости, единства и территориальной целостности Украины в рамках ее международно признанных границ»⁹, аналогичные решения, в которых выражается открытое осуждение российских действий, именуемых «агрессией» против Украины, приняли 9 апреля 2014 г. ПАСЕ, а также 1 июля 2014 г. ПА ОБСЕ и затем 25 ноября 2014 г. ПА НАТО.

Неизменная позиция международных институтов по территориальной целостности Украины подтверждалась и в последующих соответствующих резолюциях 2015—2018 гг. В поддержку Украины выступила «Большая семерка». 4 июня 2014 г. на саммите в Брюсселе главы государств G7 осудили действия Российской Федерации, в которых признали нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины. В совместном заявлении по итогам саммита отмечалось: «Незаконная аннексия Россией Крыма и действия по дестабилизации ситуации на Востоке Украины недопустимы и должны быть остановлены»¹⁰.

Европейский совет, Европарламент и Еврокомиссия активно поддержали Украину. Так, Европарламент в период с 2014 по 2018 г. принял ряд резолюций с требованиями остановить «российскую агрессию», обеспечить территориальную целостность Украины, усилить санкционную политику против «государства-агрессора». В то же время главы государств ЕС обратились к мировому сообществу с заявлениями относительно поддержки Украины и обеспечения ее суверенитета и территориальной целостности. В частности, 1 сентября 2014 г. лидеры стран ЕС приняли «Выводы Европейского совета по ситуации в Украине», где решительно осуждается «нелегальная аннексия Крыма... проникновение бойцов и оружия с территории РФ в Восточную Украину, а также агрессия

российских вооруженных сил на украинской территории»¹¹.

10 июня 2015 г. Европарламент принял резолюцию «Об отношениях между ЕС и Россией», в которой отмечена невозможность считать Россию стратегическим партнером и предлагается пересмотреть систему отношений с Российской Федерацией¹².

На фоне ухудшения российско-украинских отношений начиная с 2014 г. со стороны ЕС осуществлялась активная и последовательная политико-дипломатическая и финансово-экономическая поддержка Украины. Только с 2014 по 2018 г. общая сумма помощи Украине со стороны ЕС составила 3,3 млрд евро¹³. Также в 2018 г. началась IV программа макрофинансовой помощи Украине объемом 1 млрд евро. В то же время ЕС реализовывает и ряд проектов гуманитарной и технической помощи, проекты поддержки внутренних реформ в Украине, включая сферы региональной политики, судебной системы и прокуратуры, модернизацию гражданской безопасности. Также следует напомнить, что с 11 июня 2017 г. начал действовать безвизовый режим между Украиной и ЕС, а с 1 сентября 2017 г. официально вступило в силу Соглашение об Ассоциации.

Поддержка территориальной целостности Украины на фоне осуждения российской политики была отмечена в совместном заявлении XX саммита Украина — ЕС в июле 2018 г.¹⁴ В октябре 2018 г. Европарламент принял резолюцию по ситуации в Азовском море¹⁵.

Обобщая, следует сказать, что вопрос российского влияния на Донбасс активно обсуждался на различных международных площадках, что нашло отражение в соответствующих решениях и актах международных организаций. В принятых по этой тематике документах зафиксирована поддержка территориальной целостности Украины в пределах ее международно признанных границ, осуждение

⁷ Resolution 2063 (2015) «Consideration of the annulment of the previously ratified credentials of the delegation of the Russian Federation». — [Council of Europe Parliamentary Assembly]. — URL : <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=21956&lang=en>

⁸ Тбилисская декларация и резолюции, принятые Парламентской Ассамблеей ОБСЕ на 25-й ежегодной сессии. Тбилиси, 1—5 июля 2016 г. — [ПА ОБСЕ]. — URL : <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2016-tbilisi/declaration-24/3373-tbilisi-declaration-rus/file>

⁹ Резолюция № A/RES/68/262 «Территориальная целостность Украины», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 г. — [UN] — URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/68/262>

¹⁰ Страны G7 выдвинули России четыре условия. — [Обозреватель]. — URL : <https://www.obozrevatel.com/abroad/34697-stranyi-g7-vydivinuli-rossii-chetyre-usloviya.htm>

¹¹ Висновки Європейської Ради щодо ситуації в Україні від 1 вересня 2014р. — [Представництво ЄС в Україні]. — URL : https://www.eeas.europa.eu/delegations/ukraine/press_corner/all_news/news/2014/2014_09_01_01_uk.htm

¹² Европарламент призывает не рассматривать Россию как стратегического партнера. — [Телеграф]. — URL : <https://telegraf.com.ua/mir/europa/1927657-evroparlament-prizyivaet-ne-rassmatrivat-rf-kak-strategicheskogo-partnera.html>

¹³ EU approves disbursement of €500 million in Macro-Financial Assistance to Ukraine. — [Delegation of the European Union to Ukraine]. — URL : https://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/54726/eu-approves-disbursement-%E2%82%AC500-million-macro-financial-assistance-ukraine_en

¹⁴ Joint statement following the 20th EU-Ukraine Summit. Brussels, 9 July 2018. — [European Council; Council of the EU]. — URL : <https://www.consilium.europa.eu/media/36086/joint-statement-eu-ua-summit-2018.pdf>

¹⁵ Resolution 2018/2870(RSP) «On the situation in the Sea of Azov» 25 Oct 2018. — [European Parliament]. — URL : [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2018/2870\(RSP\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2018/2870(RSP))

«агрессивной» политики России, подчеркивается необходимость имплементации Минских договоренностей, выводе российских войск и возвращении контроля над российско-украинской границей. Более того, еще в Тбилисской декларации ПА ОБСЕ 2016 г.¹⁶ была выдвинута идея о проведении миротворческой миссии под эгидой ООН и ОБСЕ на Донбассе, впоследствии данное предложение стало прослеживаться в планах по урегулированию конфликта: план Министерства Украины по вопросам временно оккупированных территорий и внутренне перемещенных лиц; также подобные предложения были выдвинуты спецпредставителем США по Украине К. Волкером и специальным представителем ОБСЕ М. Сайдином.

Исследуя нормативно-правовую базу, касающуюся украинского вопроса, мы обнаруживаем, что некоторые документы полностью посвящены вопросам Донбасса: резолюции ПА ОБСЕ, отдельная резолюция ПА ОБСЕ 2017¹⁷; в то время как в совместной декларации саммита Восточного партнерства и саммита Украина — ЕС, резолюции ЕП, заявлении саммитов НАТО вышеуказанные вопросы упоминаются в контексте других тем. Резолюции ПА ОБСЕ затрагивают отдельные аспекты конфликта на Донбассе: вопросы нарушения прав человека, пленные и заложники, гуманитарные последствия конфликта. В большинстве документов темы Крыма и Донбасса упоминаются вместе и отдельно отмечается ответственность России за события в Украине.

Рассмотрение ряда международных документов, принятых в период 2014—2020 гг., касающихся вопросов украинского конфликта, создает мнение, что ЕС выражает свою поддержку Украине и придерживается позиции непризнания перехода Крыма под юрисдикцию Российской Федерации и осуждает «вторжение России» на Донбасс, отвергая тезис о том, что данный конфликт является в чистом виде гражданской войной.

Как уже указывалось, ЕС играет важнейшую роль в жизни Украины и жизнеспособности украинских попыток противостояния российской политике. Европейская поддержка, которая так важна для Украины, в практическом плане была частично реализована в виде политико-дипломатической, финансово-экономической и гуманитарной помощи. Германия и Франция присоединились к переговорному процессу в рамках Нормандского формата, также важной для Украины была и есть поддержка со стороны стран Балтии и Польши. По словам

Высокого представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Ф. Могерини: «После 2014 г. мы предоставили Украине наибольший пакет поддержки в истории ЕС в размере более чем 15 млрд евро. Мы инвестировали в Украину больше, чем в любую другую страну в мире»¹⁸. Представители Евросоюза все продолжают демонстрировать солидарность с Киевом. О поддержке территориальной целостности Украины и осуждении российской агрессии заявлялось в совместном выступлении по итогам XXI саммита Украина — ЕС в июле 2019 г.¹⁹ Европарламент принял резолюцию, в которой не признал изменение статуса Крыма и потребовал освобождения украинских заключенных. В декабре 2019 г. Совет ЕС продлил санкции против России до 31 июля 2020 г.

Последовательная поддержка Украины была продемонстрирована на очередной сессии ГА ООН 9 декабря 2019 г., где была утверждена резолюция «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополя (Украина), а также районов Черного и Азовского морей». В частности, в документе содержится призыв ко всем государствам-членам сотрудничать с ООН «для скорейшего прекращения российской оккупации Крыма и воздерживаться от любых соглашений с Российской Федерацией по Крыму, которые не соответствуют этой цели»²⁰.

Сложной остается ситуация в ПА ОБСЕ из-за того, что 26 июня 2019 г. депутаты ПА ОБСЕ проголосовали за подтверждение полномочий российской делегации без ограничений. При этом такое решение поддержали делегации ведущих стран ЕС — Франции, Германии, Италии и др. Изначально делегация Украины в ПА ОБСЕ в знак протеста официально отказалась от участия в осенней сессии Ассамблеи, но уже в январе 2020 г. Верховная Рада поручила украинской делегации в ПА ОБСЕ подать свои полномочия на утверждение для участия в ежегодной сессии в 2020 г.²¹

Также одним из действий, демонстрирующих вовлечение в процесс урегулирования конфликта, является посещение Донбасса представителями ЕС, НАТО, ПА ОБСЕ, Европарламента и т.п. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ в Украине (СММ) обеспечивает постоянное международное присутствие в этом регионе. 21 марта 2014 г. мо-

¹⁸ Могерини, Ф. ЕС инвестировал в Украину больше, чем кто-либо из других партнеров. — [Интерфакс-Украина]. — URL : <https://ua.interfax.com.ua/news/political/618046.html>

¹⁹ Совместное заявление по итогам 21-го Саммита Украина — [ЕС в Киеве] — URL : <https://strana.ua/news/210401-polnyj-tekst-sovmestnoho-zajavlenija-po-itoham-sammita-ukraina-es-v-kyeve.html>

²⁰ Генассамблея ООН ухвалила другу резолюцию про милитаризацию Криму — [Українська правда]. — URL : <https://www.pravda.com.ua/news/2019/12/9/7234336>

²¹ ВР доручила делегації України в ПА ОБСЕ подати повноваження для участі в щорічній сесії 2020 р. — [Интерфакс-Украина]. — URL : <https://ua.interfax.com.ua/news/political/636005.html>

¹⁶ Тбилисская декларация и резолюции, принятые Парламентской Ассамблеей ОБСЕ на 25-й ежегодной сессии. Тбилиси, 1—5 июля 2016 г. — [Парламентская ассамблея ОБСЕ]. — URL : <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2016-tbilisi/declaration-24/3373-tbilisi-declaration-rus/file>

¹⁷ Минская декларация и резолюции, принятые Парламентской Ассамблеей ОБСЕ на 26-й ежегодной сессии. Минск, 5—9 июля 2017 г. — [Парламентская ассамблея ОБСЕ]. — URL : <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2017-minsk/declaration-25/3557-declaration-rus/file>

ниторинговая миссия начала свою работу на основании запроса со стороны украинского правительства в ОБСЕ и соответствующего решения всех государств — членов данной организации²². Мониторинговая миссия подготавливает и публикует отчеты о ситуации в зоне конфликта, анализирует обстановку, оказывает помощь в доставке гуманитарной помощи, но СММ не наделена правом проведения собственных расследований и не может фактически способствовать прекращению боевых действий, т.е. основная функция миссии — учет нарушений с обеих сторон режима прекращения огня²³.

Еще одним важным шагом после начала украинского кризиса стало применение санкционного режима. После закрепления в резолюциях международных организаций осуждения российской политики ЕС, США и некоторые международные организации ввели санкции против России в нескольких направлениях. Санкционная политика ЕС в отношении России включает три направления: экономические санкции против российских компаний оборонного, нефтяного секторов; визовые ограничения; ограничения по Крыму. Визовые и экономические ограничения пролонгируются каждые полгода, а меры, предпринимаемые по вопросу Крыма, — один раз в год.

В связи с применением механизма санкций приостанавливалось или же ограничивалось членство Российской Федерации в международных организациях, так был заблокирован процесс вступления России в состав Международного энергетического агентства, Организации экономического сотрудничества и развития; в рамках ПАСЕ Россия была лишена права голоса, в дополнение к этому представители российской делегации были исключены из всех руководящих органов; Российскую Федерацию исключили из G8; Россия и НАТО свернули все совместные программы и ограничили диалог. Во-вторых, ЕС и ведущие страны мира ввели против России адресные санкции против российских государственных чиновников, парламентариев, политиков, бизнесменов, военных; различные финансово-экономические ограничения для большой группы российских банков, компаний, предприятий, спецслужб, бизнес-структур и т.д. Страны мира время от времени дополняют списки российских банков и компаний, против которых введены санкции; секторальные санкции — военно-промышленный комплекс, энергетика и т.д. [2, с. 25].

Санкционная политика в отношении нефтегазовой отрасли, новых технологий, поставок оборудования, ограничений в сфере инвестиций оказала наиболее серьезное влияние на российскую экономику. ЕС также заблокировал финансирование

трех ведущих российских топливно-энергетических компаний.

С марта 2019 г. ЕС продлевал на полгода пакет санкций, касающихся физических лиц и организаций, под санкциями ЕС находятся такие крупные компании, как «Газпромнефть», «Транснефть», «Роснефть», «Оборонпром», Тульский оружейный завод, концерн «Калашников» и др.

Также важным элементом поддержки со стороны ЕС является Консультативная миссия Европейского союза (КМЕС), которая осуществляет свою деятельность с декабря 2014 г., и в мае 2019 г. мандат Консультативной миссии был продлен до 31 мая 2021 г. Начальный мандат КМЕС предполагал предоставление исключительно стратегических консультаций, но впоследствии был расширен на региональный уровень и стал включать в себя более практические аспекты поддержки²⁴. В мае 2019 г. было принято решение об увеличении бюджета на 25%, что свидетельствует о поддержке украинских реформ со стороны ЕС, которые характеризуются ростом интенсивности и увеличением масштабов мероприятий, направленных на поддержку реформирования сектора гражданской безопасности Украины²⁵.

ЕС оказал серьезное воздействие на ситуацию вокруг Украины и российско-украинские отношения, поддержав проукраинские позиции в рамках международных институтов по вопросу украинского кризиса. Тем не менее следует отметить, что большинство документов, которые были приняты парламентскими ассамблеями международных организаций, а также различные международные акты носят преимущественно рекомендательный характер.

В данный момент мы наблюдаем снижение вовлеченности ЕС в украинские дела, но на официальном уровне поддержка сохраняется. Рассматривая ситуацию с 2014 г., можно сказать, что многолетний политико-дипломатический переговорный процесс в различных форматах не привел к действительно положительным результатам. Мы наблюдали за процессом введения целого комплекса различных антироссийских санкций, российскую ответную реакцию на них, ухудшение российско-украинских отношений и отношений России с Западными странами. Страны ЕС выражали свою поддержку и вовлеченность в ситуацию вокруг Украины, осуществляя финансово-экономическую и гуманитарную помощь. Но в настоящее время мы видим снижение поддержки и озабоченность собственными проблемами.

По мнению Ф. Фукуямы [3], С. Хантингтона [1, с. 231], и еще целого ряда ученых, исследующих Украину и цивилизационный подход в междуна-

²² Щорічна доповідь ОБСЄ за 2017 р. [ОБСЄ]. — URL : <https://www.osce.org/ru/annual-report/2017?download=true>

²³ СММ ОБСЄ в Україні. [ОБСЄ]. — URL : <https://www.osce.org/uk/special-monitoring-mission-to-ukraine/411764>

²⁴ Програма діяльності Кабінету Міністрів України. — Урядовий портал. — URL : <https://program.kmu.gov.ua>

²⁵ EUAM Ukraine: Council extends mission and approves budget increase. Council of the European Union. — URL : www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/05/13/euam-ukraine-council-extends-mission-and-approves-budget-increase

родных отношениях, мы можем проследить мнение об особом месте украинского государства на европейском континенте, а также о том, что Украина могла бы стать мостом между русским миром и Европой, но в настоящее время можно предположить, что именно ЕС мог бы стать посредником в отношениях между Украиной и Россией, так как от напряженности ситуации вокруг украинского вопроса будет зависеть и стабильность в Европе. Все это требует разработки новых подходов в политике относительно Донбасса с учетом как внешних обстоятельств, так и процессов и тенденций внутри Украины.

Необходимо предпринять меры для поддержания контактов между представителями гражданских обществ. Этот пункт может быть реализован в виде организации мероприятий на территории третьих стран при активной поддержке со стороны региональных организаций, которые позволят сохранить коммуникацию представителей России и Украины, что создаст базу для улучшения отношений в перспективе. Также позитивное влияние в результате вышеуказанных встреч окажет создание и реализация совместных проектов в области гуманитарного сотрудничества.

При посредничестве государств — членов Европейского союза можно было бы улучшить отношения между Россией и Украиной, привлекая их к совместному участию в рамках международных проектов. Проследив всю ситуацию, можно сказать, что роль ЕС более эффективна в процессе воздействия на внутренние украинские реформы и недостаточно эффективна в процессе урегулирования украинского конфликта.

Литература

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — Москва : АСТ, 2003. — С. 231.
2. Російсько-український конфлікт: стан, наслідки, перспективи розвитку подій / ред. Г. Пашкова, А. Чернова // Національна безпека і оборона. — 2014. — № 5—6. — 100 с.
3. Fukuyama, F. Why We Can't Get Enough Of Ukrain / Fukuyama F. — [Atlantic Council]. — URL : <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-we-can-t-get-enough-of-ukraine>

Specific Aspects of EU Policy in the Context of the Conflict in Eastern Ukraine

Markushina N.Yu., Linova E.V.

St. Petersburg State University

The Crimean events of 2014 in particular, and the crisis in the Russian-Ukrainian relations in general, entailed a series of negative consequences, including the growing mistrust between the states, as well as numerous sanctions which were imposed. In addition, this caused some serious changes in world politics. Apart from this, the important role in these relations is played by the EU, which affects the Ukrainian policy. It is confirmed by the fact that the leading European states are directly involved in all negotiations on the settlement of the Ukrainian crisis, and it also provides economic, political and humanitarian support to Ukraine towards European integration. The approach taken by the author provides the opportunity to examine the European recommendations, reactions and steps on the current situation and necessary reforms in the areas of geopolitics and security in the context of the Ukrainian crisis. It is emphasized that EU members should be interested in reducing tension in Ukraine and realizing a truly effective and constructive political dialogue on the problems related to this crisis, since this is not only about Ukraine, but also the fundamental foundations of the European and Euro-Atlantic security. Importantly, the EU has the necessary experience and the ability to provide a more productive impact on the conflict resolution process.

Keywords: EU, Ukrainian crisis, Donbass, sanctions, Russia.

References

1. Huntington, S. Clash of Civilizations / trans. from English. T. Velimeeva, Yu. Novikova. - Moscow: AST, 2003. -- P. 231.
2. Russian-Ukrainian conflict: camp, inheritance, prospects for development of podiy / ed. G. Pashkova, A. Chernova // National Security and Defense. - 2014. - No. 5-6. - 100 p.
3. Fukuyama, F. Why We Can't Get Enough Of Ukrain / Fukuyama F. - [Atlantic Council]. - URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-we-can-t-get-enough-of-ukraine>

«Дипломатия принуждения»: вызов традиционным формам политического урегулирования конфликтов на примере КНДР

Шевчук Нина Викторовна,

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Орлова Таисия Анатольевна

студент, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

Статья посвящена одной из сравнительно недавно появившихся форм разрешения политических международных конфликтов, а именно феномену «дипломатии принуждения». В связи с широким распространением на политической мировой арене санкционных мер в разных ситуациях, происходящих среди международных акторов, «дипломатия принуждения» представляется весьма актуальной темой для изучения. В статье феномен принудительной дипломатии анализируется в контексте теоретических концепций, а также в соотношении с международным публичным правом. В качестве примера были рассмотрены санкции Совета Безопасности ООН, введенные против Северной Кореи и действующие уже достаточно длительный период, вплоть до сегодняшнего дня. Так как нарушение КНДР режима ядерного нераспространения является весомой проблемой современности, данная ситуация воспринимается серьезным препятствием для обеспечения коллективной безопасности мировым сообществом и должна быть изучена в полной мере. Таким образом, в процессе рассмотрения разреза санкционных волн подвергается сомнению эффективность и оправданность использования методов «дипломатии принуждения». В статье также рассматриваются отношения между Россией и Северной Кореей вследствие санкций СБ ООН и «союзников». Рассмотрена и реакция мирового сообщества на данную проблему, в основном в лице США, Европейского союза и соседних для КНДР стран. Так, результативность методов в рамках концепции «дипломатии принуждения» была подвергнута критическому анализу.

Ключевые слова: «дипломатия принуждения»; санкции; урегулирование конфликтов; проблема ядерного разоружения; Северная Корея.

В современном мире все еще остается достаточно много международных конфликтов, которые требуют своего разрешения. Таким образом, на помощь не всегда эффективным традиционным формам политического урегулирования приходит нечто абсолютно новое — так называемая дипломатия принуждения. Данный феномен настолько отличается от привычных нам операций ООН по сохранению и поддержанию мира, что невольно вводит в ступор, ведь он нередко сводится к таким понятиям, как «ультиматум», «угроза силой» и «санкции».

Сама концепция была предложена американским политологом Александром Джорджем в середине XX в. Подразумевая использование военных или экономических ресурсов для изменения политики другого государства в той или иной сфере, теория «дипломатии принуждения» предстает перед нами довольно спорной в плане международного публичного права и в плане ее эффективности.

Во-первых, она противоречит некоторым принципам международного права (например, принцип неприменения силы и угрозы силой, а также принцип мирного разрешения международных споров). Во-вторых, как заметил Джозеф Най в одной из своих работ (хотя и являлся сторонником «мягкой силы»), результативность принудительной дипломатии сильно зависит от достоверности и весомости угрозы [8, с. 125—127]. То есть в широком смысле перспективы успешной «дипломатии принуждения» зависят от цены за несоблюдение требований, которые могут быть навязаны государству-противнику, и выгод за соблюдение, которые могут быть предложены, будучи больше, чем компенсирующие выгоды этого государства за несоблюдение ультиматума или угрозы и выгоды за соблюдение. Способность государства-инициатора склонить оппонента к исполнению требований зависит также от трех ключевых критериев: взаимности исполнения обязательств, соразмерности обязательств и угроз, а также убедительности угроз [9, с. 2—11].

Однако важно отметить, что еще несколько десятилетий назад стратегия «дипломатии принуждения» чаще всего применялась как ответ на агрессию противника и использовалась тогда, когда мирные переговоры окончательно заходили в тупик. Если же начиналась военная эскалация, политика принудительной дипломатии считалась неудачной и неудавшейся. При этом стоит заметить, что чем амбициознее стояла цель у такой стратегии, тем больше она вызывала сопротивление у противника, следовательно, уменьшалась

вероятность достижения положительного результата.

Отсюда и возникает закономерный вопрос: оправдано ли использование политики «дипломатии принуждения» в наши дни в качестве одного из методов урегулирования международных политических конфликтов? Я постараюсь на него ответить, рассматривая опыт «дипломатии принуждения» в плоскости санкционной политики в XXI в. на примере КНДР, так как он представляется весьма информативным.

Нарушение режима ядерного нераспространения Корейской Народно-Демократической Республикой стало одной из самых серьезных международных проблем начала XXI в., также связанной с одной из глобальных проблем. В данном конфликте затрагиваются не только важнейшие интересы России, США, Китая, Великобритании и Франции, а также других стран с ядерным вооружением, но, по сути, и интересы всего мирового сообщества в целом, так как и Европейский союз достаточно остро реагирует на северокорейские выпады. Мы видим, что мир, возможно, вступает в более трудные и, можно сказать, «взрывоопасные» времена по сравнению с XX в. «Готовность создавать рискованные ситуации в угоду сиюминутным интересам» [2] усиливается наравне с недостатком взаимного уважения.

И действительно, дефицит взаимного уважения очень сильно отражается на глобальной политической ситуации. Основным сейчас представляется разрез «Запад — остальной мир». Так, США и ЕС ставят скорее на изменение политики своего противника, нежели на равные условия взаимной работы. Позиция, направленная на то, что наиболее надежным средством урегулирования разногласий является трансформация оппонента, неизбежно делает дискуссию по возникшей проблеме абсолютно бесполезной, что фактически и произошло в конфликте с Северной Кореей.

Санкции против Северной Кореи продолжают свое действие достаточно длительный период: впервые они были введены Советом Безопасности ООН еще в 2006 г.²⁶ после первого успешного испытания КНДР ядерного оружия. Однако уже тогда политика санкций не оправдала ожиданий мирового сообщества, Пхеньян не изменил курс, несмотря на ограничения в экономике. Более того, через три года (в 2009 г.) КНДР вышла из шестисторонних переговоров (переговоры с участием Северной Кореи, США, Японии, России, Южной Кореи и Китая для обсуждения северокорейской ядерной проблемы) и продолжила наращивание ядерного потенциала. В тот же год была принята Резолюция 1874, которая ужесточила эмбарго на поставки оружия КНДР²⁷. В то время из-за ядерных испытаний, а также из-за северокорейской политики «сон-

гун», которая предполагала дальнейшую милитаризацию страны, ухудшились отношения не только между КНДР и РК, но также отношения между КНДР и США, что вполне естественно. Именно тогда министр иностранных дел России С. В. Лавров высказался против санкций в сторону Северной Кореи, аргументируя это их непродуктивностью. Также еще одним негативным последствием северокорейского ядерного запуска стало и то, что многие соседние страны изъявили желание создать собственные ракеты дальнего действия, а также образовать военные блоки и начать гонку других видов вооружения, в том числе и ядерного [4, с. 143—145].

Следующая волна санкций в отношении КНДР от Совета Безопасности ООН нахлынула в 2013 г., после запуска спутника Кванменсон-3 и еще одного испытания северокорейской ядерной бомбы. С Резолюцией Совета Безопасности ООН 2087 санкции вновь были ужесточены, в частности их содержание более подробно раскрывало обоснование права государств (членов ООН) досматривать любые суда, направляющиеся в КНДР, а также уничтожать любой груз на их борту, который может быть использован для военных разработок²⁸. Позже в этом же году была принята Резолюция 2094, которая запрещала любые денежные переводы в Северную Корею через мировую финансовую систему²⁹. Однако в этом случае некоторые эксперты рассматривают действия КНДР как способ единения и повышения морального духа северокорейского народа, а также как политический сигнал для США (для них в первую очередь, так как именно они являются инициаторами усиленной санкционной политики) и их союзников в лице ООН, призывающих изменить политическую стратегию в отношении КНДР [11, с. 1—2]. Тем не менее есть и эксперты, которые рассматривают произошедшее ядерное испытание именно как испытание, т.е. способ проверки работоспособности новых технологий, а не как политический шаг [10]. Важно понимать, что единого мнения на этот счет нет.

В марте 2016 г. с очередным северокорейским ядерным испытанием были введены и новые санкции, в 2017 г. была также приняты меры по их ужесточению (Резолюции Совета Безопасности ООН 2270, 2371, 2375)³⁰. Расширенный санкционный список организаций и лиц, а также предполагаемая высылка в качестве наказания дипломатов, вовлеченных в незаконную деятельность, являлись одними из основополагающих шагов. Но нельзя не сказать и о более строгих способах

²⁶ Резолюция 1718 Совета Безопасности ООН. — URL : <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=1>

²⁷ Резолюция 1874 Совета Безопасности ООН. — URL : [https://undocs.org/ru/S/RES/1874\(2009\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1874(2009))

²⁸ Резолюция 2087 Совета Безопасности ООН. — URL : [http://undocs.org/ru/S/RES/2087\(2013\)](http://undocs.org/ru/S/RES/2087(2013))

²⁹ Резолюция 2094 Совета Безопасности ООН. — URL : [https://undocs.org/ru/S/RES/2094\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2094(2013))

³⁰ Резолюция 2270 Совета Безопасности ООН. — URL : <https://undocs.org/ru/S/RES/2270%282016%29>; Резолюция 2371 Совета Безопасности ООН. — URL : <https://undocs.org/ru/S/RES/2371%20%282017%29>; Резолюция 2375 Совета Безопасности ООН. — URL : <https://undocs.org/ru/S/RES/2375%282017%29>

сдерживания КНДР, таких как заморозка всех денежных средств и других финансовых активов и экономических ресурсов за пределами КНДР, которые находятся в прямой или косвенной собственности или же под контролем учреждений правительства Северной Кореи или Трудовой партии Кореи³¹, либо организаций или лиц, действующих от их имени или по их поручению.

Таким образом, мы можем заметить, что за весь период санкционного режима диапазон санкций против КНДР приобрел масштаб, не имеющий примеров в прошлом. Санкционные ограничения коснулись многих важных сфер: торговая, финансовая, транспортная, образовательная и научная область оказались в плачевном положении. Уже сточились не только санкции, но и политическое давление на Северную Корею. Тем не менее международное сообщество во главе с США и Европой в лице ООН не получила желаемого результата.

Также, если говорить о последствиях, то можно заметить, что ни у одной из сторон после всего произошедшего желание «сесть и договориться» не стало больше, т.е. уже почти безвыходная ситуация только продолжала ухудшаться. Еще в 2016 г. отечественные эксперты высказывали мнение о том, что существует надежда на то, что сильных скачков напряжения все-таки удастся избежать, так как обострение ситуации и «демонизация» друг друга, взаимное накручивание сторон на ответные провокации уже тогда могли привести к моменту, когда новый конфликт произойдет не по воле руководства того или иного государства, а в результате случайных факторов, что остается актуальным и сейчас [1, с. 1—2].

Из практики использования санкционной политики становится понятно, что чем дольше государство подвергается ограничениям, тем выше шанс того, что оно приспособится к таким условиям и научится эти ограничения обходить. Таким образом, необходимо вновь обратить внимание на то, что, со своей стороны, Северная Корея не признает экономические санкции СБ ООН и называет их нелегитимными, направленными на экономическое удушение населения. Пхеньян старается обходить ограничения всеми способами, используя для этого посредников в других странах, прежде всего в Китае. На КНДР приходится более 90% всей внешней торговли Северной Кореи, что можно считать высоким уровнем потенциального влияния Пекина на Пхеньян [5, с. 78—85].

Сценарий, в котором ситуация на Корейском полуострове переходит от обострения из-за проведения КНДР испытаний ядерного оружия и ракетных запусков к переговорам, а затем снова к росту напряженности и еще одному обострению, повторяется с завидной регулярностью, она по своей сути циклична. У некоторых экспертов слишком быстрое развитие событий вызывает все меньше опасений. «Какие бы жесткие угрозы и требования ни выдвигал Пхеньян к США и их со-

юзникам, последние тяготеют к тому, чтобы давать взвешенные и продуманные ответы» [6, с. 86]. Тем не менее такая ситуация не может не отражаться на отношениях России и Северной Кореи.

В 2014—2015 гг. мы могли говорить о положительной динамике развития российско-северокорейских отношений, однако после 2016 г. направление подхода Российской Федерации к взаимодействиям с КНДР несколько изменилось. На смену больше благожелательному настрою, нежели просто нейтральному, пришел негативный. Причем важно заметить, что произошло это не только в руководстве страны, но также и среди населения. Однако Россия не может допустить еще большего ухудшения взаимоотношений с северокорейской стороной, слишком жестко критикуя политику Пхеньяна, поскольку опыт показывает, что это приводит лишь к снижению роли государства для других участников урегулирования корейского вопроса [9, с. 161].

Сейчас Россия признает необходимость ответных мер со стороны международного сообщества на действия КНДР, однако Москва не может отказаться от защиты своих экономических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, согласие Российской Федерации с американским документом для Совета Безопасности ООН, санкции в котором не относятся напрямую к ракетно-ядерной деятельности Пхеньяна, невозможно. Более того, Россия выступает против любых односторонних санкций в дополнение к тем, что принимаются СБ ООН. «Санкции не должны быть „чрезмерными“, создающими риск резкого ухудшения экономической обстановки в КНДР, что может привести к росту нестабильности в непосредственной близости от наших границ» [9, с. 162]. Также важно понимать, что сближению России с Северной Кореей препятствует все еще продолжающаяся милитаризация северокорейской экономики. Следовательно, будущее российско-северокорейских отношений связано с продолжением шестисторонних переговоров по ядерной проблеме и демилитаризацией КНДР [7, с. 69—70].

Таким образом, мы видим, что политика санкций разделяет не только все международное сообщество и КНДР фактически на две противоборствующие стороны, но также и союзников между собой: США и ЕС смотрят на подобную стратегию совсем не так, как смотрит на нее Россия. Асимметрия предубеждений Запада и России может подорвать основы существующей практики наложения санкций [3, с. 69—98]. Также такая ситуация может ухудшить отношения между Россией, Европейским союзом и Соединенными Штатами.

Исходя из всего вышесказанного, хочется вернуться к поставленному ранее вопросу: оправдано ли применение тактики «дипломатии принуждения» в современном обществе в качестве одного из методов урегулирования международных политических конфликтов? Рассмотрев пример санкционной политики против Северной Кореи, полагаю, что нет.

³¹ Или ТПК; правящая партия в КНДР.

Несмотря на то что санкции против КНДР все еще продолжают действовать, Северная Корея продолжает проводить испытания оружия массового уничтожения (например, испытания реактивной системы залпового огня осенью 2019 г.), тем самым демонстрируя неэффективность выбранной стратегии «дипломатии принуждения» Советом Безопасности ООН. 28 ноября 2019 г. Германия призвала КНДР отказаться от ракетных испытаний: «Правительство осуждает новые испытания двух баллистических ракет Северной Кореей, которая в тринадцатый раз за текущий год испытала такие вооруженные системы и таким образом нарушила свои обязательства по соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН и безответственным образом поставила под угрозу международную безопасность», — говорится в пресс-релизе МИД ФРГ³². Германия также призвала КНДР к сотрудничеству по решению ядерного вопроса, осуждая выдвигаемые Северной Кореей ультиматумы.

Впрочем, попытка последних переговоров между КНДР и США оказалась неудачной, так как оба лидера данных стран не смогли прийти к консенсусу. Это также наталкивает нас на мысль о том, что мировому сообществу стоило действовать с помощью мягкой силы изначально, и это было бы более успешно.

Значит ли это, что в любом случае политика «дипломатии принуждения» не должна быть использована отдельными государствами или же СБ ООН? Если бы мы основывались только на примере Северной Кореи, то следовало бы сказать однозначное «нет, не должна», однако этого примера, разумеется, недостаточно для общей картины. Тем не менее о сложностях применения «дипломатии принуждения» мы уже говорили выше, и сейчас мы понимаем, что в случае санкций против КНДР сработали именно те факторы, которые с самого начала обуславливали провал такой стратегии: цель оказалась слишком амбициозной, а противник слишком упрямым. Также полагаю, что северокорейское правительство сделало вывод о том, что для государства предпочтительнее не идти на компромисс в данном конфликте, так как это в первую очередь подорвало бы положение КНДР на международной политической арене, но что не менее важно — упал бы авторитет власти в глазах народа.

Литература

1. Асмолов, К. К новым санкциям против КНДР // Новое восточное обозрение — 2016. — № 07.03.2016. — С. 1—2.

2. Бордачев, Т. Пушки апреля, или Возвращение стратегической frivolности. — URL : https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pushki-aprelya-strategicheskaya-frivolnost/#masha_0=2:1,2:79

³² Пресс-релиз с сайта МИД ФРГ. — URL : <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/raketentest-nordkorea/2282828>

3. Дарси, Д., Сталберг, А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 69—98.

4. Забровская, Л. Корейский полуостров: новый виток кризиса // Россия и АТР. — 2011. — №3. — С. 143—150.

5. Захарова, Л. Подходы к урегулированию ядерного кризиса на корейском полуострове: экономический аспект // Вестник МГИМО. — 2018. — № 5 (62). — С. 71—91.

6. Ильин, А., Курныкин, О. Северокорейский кризис через призму резолюций Совета Безопасности ООН // Сравнительная политика. — 2014. — № 1 (14). — С. 77—95.

7. Леженина, Т., Тригубенко, М. К проблеме отношений России с КНДР в современных условиях // Россия и современный мир. — 2016 — № 2 (91). — С. 64—70.

8. Най Джозеф. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. — Москва : Тренд, 2006 — 221 с.

9. Jentleson, B. Coercive Diplomacy: Scope and Limits in the Contemporary World // The Stanley Foundation. Policy Analysis Brief. — 2006. — December. — С. 1—12.

10. Lind, J., Lieber, K. A., Press, D. G. Pyongyang's Nuclear Logic. // Foreign Affairs. — URL : <http://www.foreignaffairs.com/articles/138933/jennifer-lind-keir-a-lieber-and-daryl-g-press/pyongyangs-nuclear-logic>

11. Sukjoon Yoon. Why Was North Korea In Such a Hurry with its Missile and Nuclear Tests? The Challenges for 2013 and Beyond // Pacific Forum CSIS. — 2013. — С. 1—2.

Coercive diplomacy: a challenge to traditional forms of political conflict resolution based on the example of North Korea

Shevchuk N.V., Orlova T.A.

The Russian presidential academy of national economy and public administration, North-Western Institute of management, 2nd year student, bachelor's degree in 'International relations'.

This article is devoted to one of the relatively recent forms of resolving political international conflicts, the phenomenon of coercive diplomacy. Due to the wide spread of sanctions measures on the political world stage in various situations occurring among international actors, coercive diplomacy is a very relevant topic for study. The article analyzes the phenomenon of coercive diplomacy in the context of theoretical concepts, as well as in relation to public international law. As an example, we have studied the UN Security Council sanctions imposed on North Korea that have been being in effect for a fairly long period of time until today. Since North Korea's violation of the nuclear non-proliferation regime is a significant problem of our time, this situation is perceived as a serious obstacle to collective security, ensured by the world community, and should be fully studied. So in the process of considering the section of

sanctions waves, the effectiveness and justification of the use of coercive diplomacy methods is questioned. The article also examines relations between Russia and North Korea as a result of UN Security Council and «allies» sanctions. The reaction of the international community to this problem, mainly represented by the United States, the European Union and neighboring countries for North Korea, is also considered. Thus, the effectiveness of methods within the framework of the concept of «coercive diplomacy» has been critically reviewed.

Keywords: coercive diplomacy; sanctions; conflict resolution; nuclear disarmament; North Korea.

References

1. Asmolov, K. Towards new sanctions against the DPRK // *New Eastern Review* - 2016. - No. 07.03.2016. - S. 1-2.
2. Bordachev, T. The Guns of April, or the Return of Strategic Frivolity. - URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pushki-aprelya-strategicheskaya-frivolnost/#masha_0=2:1,2:79
3. Darcy, D., Stahlberg, A. Deafness of the parties in the tangle of sanctions contradictions between the US, EU and Russia: opposing strategic discourses and mutual "spurring" // *Bulletin of international organizations*. - 2019. - T. 14. - No. 3. - P. 69-98.
4. Zabrovskaya, L. Korean Peninsula: a new round of crisis // *Russia and the APR*. - 2011. - No. 3. - S. 143-150.
5. Zakharova, L. Approaches to resolving the nuclear crisis on the Korean Peninsula: the economic aspect // *MGIMO Bulletin*. - 2018. - No. 5 (62). - S. 71-91.
6. Ilyin, A., Kurnykin, O. The North Korean crisis through the prism of UN Security Council resolutions // *Comparative politics*. - 2014. - No. 1 (14). - S. 77-95.
7. Lezhenina, T., Trigubenko, M. On the problem of relations between Russia and the DPRK in modern conditions // *Russia and the modern world*. - 2016 - No. 2 (91). - S. 64-70.
8. Nye Joseph. Flexible power. How to succeed in world politics. - Moscow: Trend, 2006 - 221 p.
9. Jentleson, B. Coercive Diplomacy: Scope and Limits in the Contemporary World // *The Stanley Foundation. Policy Analysis Brief*. - 2006. - December. - S. 1-12.
10. Lind, J., Lieber, K. A., Press, D. G. Pyongyang's Nuclear Logic. // *Foreign Affairs*. - URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138933/jennifer-lind-keir-a-lieber-and-daryl-g-press/pyongyangs-nuclear-logic>
11. Sukjoon Yoon. Why Was North Korea In Such a Hurry with its Missile and Nuclear Tests? The Challenges for 2013 and Beyond // *Pacific Forum CSIS*. - 2013. - S. 1-2.

Евразийская идея как стратегический курс в имиджевой политике России

Василенко Ирина Алексеевна,

доктор политических наук, профессор, факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Национальная идея как особая система ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа, призвана играть ключевую роль в формировании имиджа страны. Внешнеполитический имидж страны должен вдохновлять ее граждан и вызывать положительный резонанс в мировом общественном мнении. Другими словами, источником победы в современной информационной войне может быть только символический капитал русской культуры, многократно усиленный современными высокими технологиями. Вопрос о национальной идее в нашей стране всегда вызывал самые жаркие дискуссии. Сегодня поворот России на Восток делает особенно актуальной возрождение и развитие евразийской идеи в России. Именно евразийцы предложили множество ярких и глубоких гуманитарных символов российской политической культуры. И центральным среди них стало понятие «Россия-Евразия», которое приобретает смысл сжатой культурно-исторической и политической характеристики.

Ключевые слова: национальная идея, евразийская идея, Россия, самосознание, система ценностных установок, национальные ценности, геополитика

Национальная идея как особая система ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа, призвана играть ключевую роль в формировании имиджа страны. В определенном смысле национальная идея является ядром символического капитала культуры, объединяя важнейшие национальные цели и ценности в особый национальный проект. С этой точки зрения культурной гегемонией обладает та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне. При этом в глобальном контексте информационного пространства чрезвычайно важно, чтобы провозглашенные национальные цели и приоритеты были признаны остальным сообществом как гуманные. Внешнеполитический имидж страны должен вдохновлять ее граждан и вызывать положительный резонанс в мировом общественном мнении. Другими словами, источником победы в современной информационной войне может быть только символический капитал русской культуры, многократно усиленный современными высокими технологиями.

Известный бренд-менеджер Саймон Анхольт в своем интервью, посвященном имиджу современной России, справедливо отметил: перед Россией остро стоит вопрос культурной активности в сфере воссоздания национальной идентичности. Ведь это один из главных ключей к улучшению бренда страны: «Для меня самым большим преступлением коммунизма стало уничтожение культурной идентичности вашей страны в советское время и лишение нескольких поколений людей их культурной истории и памяти. Вы лишились этих мощных конкурентных преимуществ на мировом рынке городов и стран, и теперь самое время вернуть себе этот ресурс. Культура очень важна в национальном брендинге: люди уважают только те страны, которые уважают себя сами. И это самоуважение зиждется на национальной культуре. Поэтому в России кто-то должен подхватить и поднять это упавшее знамя, разжечь этот огонь русской культуры, когда-то бывшей одной из сильнейших в мире»³³.

Однако для реализации этой стратегии в России сегодня нет консенсуса по поводу «русской

³³ Саймон Анхольт: Проблема России в том, что ее считают обузой. [Электронный адрес]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/56182> (проверено 12.05.2015)

идеи» в нашей культуре, на которую можно было опираться как на общенациональный символ и транслировать ее в коммуникационное пространство. Вопрос о национальной идее в нашей стране всегда вызывал самые жаркие дискуссии. Со времен образования древнерусского государства и формирования российской нации сакраментальные вопросы: кто мы, откуда мы, куда мы идём? — разделяли российское общество на непримиримые политические стороны. Дискуссии «западников», «славянофилов» и «евразийцев» продолжаются в нашем обществе уже более двух столетий.

Сегодня поворот России на Восток делает особенно актуальным возрождение и развитие евразийской идеи в России. Согласно многочисленным опросам социологов, большинство россиян (около 74%) считают Россию особой евразийской цивилизацией. Россия как мост между Европой и Азией, как цивилизация на рубеже культур, обращенная в своем творческом политическом диалоге как к миру Востока, так и к миру Запада, дорога и понятна и самим россиянам, и зарубежной политической аудитории. В этом можно усмотреть и цивилизационную миссию нашей культуры, и позитивный политический имидж российского государства.

Именно евразийцы предложили множество ярких и глубоких гуманитарных символов российской политической культуры. И центральным среди них стало понятие «Россия-Евразия», которое приобретает смысл сжатой культурно-исторической и политической характеристики: существует особый тип евразийской культуры, евразийской идентичности, евразийской политики и геополитики. Оно указывает на то, что в социокультурное бытие России вошли в соизмеримых между собой долях, перемежаясь и сплавляясь воедино, элементы культур Востока, Запада и Юга, создав особое синтетическое, евразийское политическое видение мира. Важно отметить, что в лице русской культуры евразийцы видели объединительную и примирительную историческую силу. Они подчеркивали, что разрешить свою задачу Россия-Евразия сможет только во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока для нее так же важны, как и культуры Запада. Особенность русской идеи, русской миссии и русской политики — в обращенности одновременно к Востоку и к Западу.

В символическом плане эту идею хорошо выразил великий русский реформатор Петр Столыпин: «Наш орел — наследие Византии — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему орлу одну голову, обращенную на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью»¹.

¹ Столыпин П. Речь о сооружении Амурской железной дороги // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия. Ч.2. М.: Наука, 1995. С.42.

В кругу евразийцев было много видных национальных мыслителей: лингвист Н. С. Трубецкой, историк Г. В. Вернадский, богословы Г. В. Флоровский и А. В. Карташов, философ Л. П. Карсавин. Но подлинным идеологом евразийства и выдающимся русским мыслителем начала XX столетия по праву считают Петра Николаевича Савицкого. Евразийцы были представителями нового начала в мышлении, им удалось выработать новое отношение к коренным, определяющим жизнь вопросам. Рассмотрим более подробно их основополагающие идеи и принципы, символы и архетипы, чтобы понять, какое влияние они сегодня могут оказывать на современный евразийский имидж нашей страны.

Название «евразийцы» — «географического» происхождения. Дело в том, что в основном массиве земель Старого Света, где прежняя география различала два материка — Европу и Азию, они стали различать третий, «срединный» материк — Евразию, что и дало имя самому движению. По мнению евразийцев, в географическом смысле понятие Европы как совокупности западного и восточного европейских ареалов бессодержательно. Существует реальное географическое противоречие: на западе — богатейшее развитие побережий, истончение континента в полуострова, острова, климат приморский, с небольшими колебаниями между зимой и летом; на востоке — сплошной материковый массив, климат резко континентальный, суровая зима и жаркое лето.

Россия занимает основное пространство земель Евразии, и если предположить, что земли ее не распадаются между двумя материками, а составляют некий самостоятельный географический мир, то это детерминирует целый ряд принципиальных выводов. Главный из этих выводов состоит в том, что Россия имеет все основания претендовать на особый тип цивилизации и культуры. Название «Евразия» акцентирует культурно-историческую характеристику государства, объединяющего в евразийском синтезе элементы культур Востока, Запада и Юга, создавая особое синтетическое, евразийское политическое видение мира.

Юг в этих процессах явлен преимущественно в образе византийской культуры и политики, их влияние на Россию было длительным и основополагающим, особенно в X–XIII вв. Восток выступает у евразийцев в облике «степной» цивилизации, монголо-татарской государственности Чингисхана и его преемников, что сыграло ведущую роль в период с XIII по XV в., обозначив контуры особого «континентального» геополитического видения. Европейское влияние — Запад — началось с эпохи Петра I, прорубившего «окно в Европу», дав простор «океаническим влияниям» в русской геополитической картине мира, и постепенно шло на убыль в течение всего XX в. Именно так происходило «напластование» (в терминологии Савицкого) на русской почве культурных слоев и политических интуиций, что усилило «евразийское» качество русской культуры и политики.

Очевидно, что в своих социокультурных и цивилизационных интуициях евразийцы имеют еще больше предшественников, чем в своих географических определениях. Это, прежде всего, К. Н. Леонтьев, А. С. Хомяков и др. — мыслители славянофильского направления, а также Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский как философы-публицисты. В более широком смысле к этой традиции следует причислить ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV — началу XVI столетия (знаменитые послания старца Филофея, где получила начало обоснование концепция «Москва — Третий Рим»). В тот период падение Царьграда (1453) обострило в русских сознание их роли как защитников православия, продолжателей византийского культурного наследия, и в России родились идеи, которые могут рассматриваться как предшественницы евразийских. Однако, подчеркивая значение связей России с Византией, славянофильство не дало и не могло дать формулы, которая сколько-нибудь полно выразила бы характер русской идеи и запечатлела бы ее одноприродность с византийской культурной преемственностью.

Именно евразийство дало такую формулу: источником культурно-исторического и политического своеобразия является неразрывная слитность в русской культуре «европейских» и «азиатско-азиатских» элементов. Причем для евразийцев эта связь выступает как одна из сильных сторон русской культуры, особенно в политическом плане. «Евразия цельна» — вот политическое кредо евразийцев, символ единства и единения народов.

Но если «Евразия цельна», то нет России европейской и азиатской, ибо земли, обычно так именуемые, суть одинаково евразийские земли. Этой части света евразийцы дали еще одно имя — Ойкумена, что в переводе с греческого означает Вселенная. Русская Ойкумена — это тот материковый массив, на котором развертывалась и развертывается русская история; основной континентальный массив Старого Света, который в то же время есть и «монголосфера» — область, в свое время объединенная монгольской державой (по территориальному протяжению величайшей державой, известной истории). Политика России новых веков родилась в лоне державы и стала наследницей монгольской. Если, рассматривая идейные истоки русской государственности уместно говорить о византийском наследстве, то применительно к геополитике следует говорить о монгольском наследстве, подчеркивали евразийцы.

Действительно, к областям, составляющим политическую сферу Византии (Крым, соответствующие регионы Кавказа), русское государство приблизилось уже к концу XVIII столетия, но и тогда эти области являлись периферийными для России, как в свое время были периферийными для Евразии. Эта периферийность останется в силе и в том случае, если окажутся вовлеченными в государственную орбиту России-Евразии бывшие основные средоточия Византийской империи. Для политического бытия России-Евразии, отмечал

Савицкий, географическая сфера Византии есть сторонняя сфера. Напротив, в политическую сферу монгольской державы Россия-Евразия погружена в исключительной степени, и именно здесь необходимо искать истоки политического единства Евразии. По мнению Савицкого, политическая плоть России-Евразии в значительной мере есть географическая плоть монгольской державы: «Без “татарщины” не было бы России», не было бы великой единой Российской империи.¹

Одновременно Савицкий указывает на географические истоки евразийского единства: Евразия как географический мир как бы «предсоздана» для образования единого государства — государства России-Евразии. Чтобы еще убедительней подчеркнуть целостность евразийского мира он вводит в русскую школу геополитики понятие месторазвития, под которым понимает взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями, что создает особую гармонию и устойчивость среды.

Другими словами, социально-историческая среда и ее территория должны слиться в единое целое, в географический индивидуум, или ландшафт, чтобы можно было говорить об образовании месторазвития. Речь идет об особом синтезе, умении смотреть сразу на социально-историческую среду и занятую ею территорию. Евразийцы неизменно подчеркивали, что Россия-Евразия есть цельное месторазвитие, географический индивидуум — одновременно исторический, этнический, географический, хозяйственный ландшафт.

Для евразийцев единство Евразии — это единство материальных и духовных начал, географических и социокультурных сопряжений. География в этой концепции как бы создает материальные предпосылки для особого развития духовных синтезов. В этом состоит одно из важнейших открытий евразийцев, значение которого нам еще предстоит осознать в полной мере.

Евразийцы были уверены, что в современную эпоху объединительная миссия России должна осуществляться в новых формах: русский мир силой неустрашимых фактов призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполнит это свое призвание, вся совокупность разнообразных культур «старого материка» может превращаться и превращается в органическое целое, стирая различия между Востоком и Западом.

Таким образом, важнейшим символом русской культуры евразийцы считали объединительную и примирительную миссию в Евразии. Задача России-Евразии — в сплочении культур всех окружающих народов, восточных и западных. Следовательно, и цель русской политики — действовать одновременно в двух главных направлениях — в восточном и западном. Для России — это два равно-

¹ Савицкий П. Н. Утверждение евразийцев // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.

правных ее фронта, западный и юго-восточный: «Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу, полем зрения».

Так евразийцы развивают идею особой евразийской цивилизации и особой евразийской идеи. Эта идея основана на нескольких ведущих постулатах: утверждение особого пути развития России как Евразии, обоснование идеи культуры как симфонической личности, учение об идеократическом государстве. Главным «нервом» движения и предложенной им концепции была идея о том, что России и населяющим её народам предопределено особое место в человеческой истории, предначертан особый исторический путь и своя миссия.

Евразийцы отмечали, что Россия успешно развивалась только тогда, когда у власти и народа было единое мирозерцание. Сегодня у российской власти и народа такого единства в мирозерцании нет, но в основу такого единого мирозерцания может быть положена идея евразийства, евразийской идентичности России. Евразийский имидж России обладает яркой и глубокой социокультурной символикой, достойно представляет гуманитарную миссию русской культуры. Центральный евразийский символ - понятие «Россия-Евразия» - транслирует позитивную объединительную культурно-историческую и политическую миссию страны. Он указывает, что в культуру России вошли, сплавляясь воедино, элементы культур Востока и Запада, создав особое синтетическое, евразийское политическое видение мира, что позволяет России-Евразии стать символом объединения и примирения народов этого континента.

Политическая активность России в рамках таких международных организаций, как Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) может и должна сопровождаться эффективными информационными имиджевыми кампаниями, раскрывающими высокую гуманитарную евразийскую миссию России в политическом диалоге Востока и Запада. Одновременно евразийская идентичность несет огромный геополитический потенциал: Россия как сердце континентального мира, хартленд, призвана быть мировой державой, способной сплотить континентальные страны Евразии, пространство СНГ. Заметим, что в тех случаях, когда Россия объявляет о своей европейской идентичности, она сразу же теряет статус мировой державы и уходит на задворки западной цивилизации, как периферийная страна. Поэтому для России евразийская идентичность имеет принципиальное политическое и геополитическое значение.

В странах Востока, таких как Индия, Китай, Вьетнам, Япония, Иран, Сирия, в странах СНГ российская политическая культура и российская политическая миссия позитивно воспринимаются прежде всего в контексте евразийского диалога, именно поэтому общественно-политический резонанс в мировых каналах коммуникаций от имидже-

вых акций России в этом политическом ареале может быть огромным. Следует отметить, что в последние годы ориентация на активное участие России в евразийском сотрудничестве была определена первыми лицами государства.

Владимир Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» развивает концепцию Евразийского союза и обосновывает необходимость активного участия в ней России.¹ Он предложил модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств.

В мае 2014 года было подписано соглашение о создании Евразийского экономического союза, в который первоначально вошли Россия, Белоруссия и Казахстан, что получило значительный резонанс в мировых СМИ. Несколько позже к ЕАЭС присоединились Армения и Киргизия, начал работу по присоединению Таджикистан. Интерес к наращиванию сотрудничества с Евразийским союзом проявляют сегодня страны из других регионов: в финальную стадию вступила подготовка проекта соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, аналогичные договоренности прорабатываются с Турцией, Индией, Израилем. Весьма красноречивы заголовки западных комментаторов по созданию ЕАЭС: «Евразийский Союз – вызов Брюсселю».² Действительно, согласно подписанному в Астане соглашению о создании Евразийского экономического союза, в 2015 году Таможенный союз должен превратиться в мощное наднациональное объединение суверенных государств по типу Евросоюза, которое объединит экономики, правовые системы, таможенные службы и армии его членов, создав мост между Европой и Азией, а также конкуренцию ЕС, США и Китаю. ЕАЭС как мощное наднациональное объединение способно стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств.

¹ Владимир Путин. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный адрес]. URL:<http://izvestia.ru/news/502761> (проверено 12.05.2016)

² Евразийский союз — вызов Брюсселю ("Il Giornale", Италия) [Электронный адрес]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140602/220736469.html> (проверено 12.05.2016)

Многие американские эксперты, комментируя создание Евразийского экономического союза, поспешили объявить евразийскую идею «проигрышной», обрекающей Россию «на стагнацию». Однако гораздо более реалистически выглядят прогнозы некоторых европейских аналитиков. Например, итальянский политолог Андреа Марчильяно пишет: «Евразийский Союз может вскоре стать новой великой силой на международной арене, заменив собой наш Европейский Союз, чей политический и экономический провал уже виден всем. Ось мира все больше будет смещаться на восток, где возвышается китайский колосс, и это приведет к тому, что Старый Свет все больше будет терять влияние и окажется на обочине».¹

Таким образом, именно евразийское направление должно стать в ближайшее время стратегическим курсом в имиджевой политике России. На евразийском Востоке Россия сегодня нашла серьезную политическую, экономическую и имиджевую поддержку союзников. Динамичное развитие ЕАЭС показывает: имидж России-Евразии обладает огромным позитивным потенциалом на международной арене. Россия-Евразия - это мощный полюс влияния в современном мире, это arena политического диалога евразийских культур, это мост дружбы между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. Все это свидетельствует о том, что у евразийской идеи в имиджевой политике России – большое будущее.

Литература

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000
2. Савицкий П. Н. Утверждение евразийцев // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.
3. Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.
4. Столыпин П. Речь о сооружении Амурской железной дороги // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия. Ч.2. М.: Наука, 1995.
5. Владимир Путин. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный адрес]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (проверено 12.05.2016)
6. Евразийский союз — вызов Брюсселю ("Il Giornale", Италия) [Электронный адрес]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140602/220736469.html> (проверено 12.05.2016)
7. Саймон Анхольт: Проблема России в том, что ее считают обузой. [Электронный адрес]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/56182> (проверено 12.05.2016)

¹ Евразийский союз — вызов Брюсселю ("Il Giornale", Италия) [Электронный адрес]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140602/220736469.html> (проверено 12.05.2016)

The Eurasian idea as a strategic course in the image policy of Russia

Vasilenko I.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The national idea as a special system of value attitudes of society, in which the self-consciousness of the people is expressed, is called upon to play a key role in shaping the country's image. The country's foreign policy image should inspire its citizens and cause a positive resonance in world public opinion. In other words, the source of victory in a modern information war can only be the symbolic capital of Russian culture, multiplied by modern high technologies. The question of the national idea in our country has always caused the most heated discussions. Today, Russia's turn to the East makes the revival and development of the Eurasian idea in Russia especially urgent. It was the Eurasians who proposed many bright and deep humanitarian symbols of Russian political culture. And the central concept among them has become the concept of "Russia-Eurasia", which acquires the meaning of a concise cultural, historical and political characteristic.

Keywords: national idea, Eurasian idea, Russia, self-awareness, value system, national values, geopolitics

References

1. Vernadsky G.V. The outline of Russian history. SPb., 2000
2. Savitsky P. N. The approval of the Eurasians // Savitsky P. N. Continent of Eurasia. M., 1997.
3. Savitsky P. N. Geographical overview of Russia-Eurasia // Savitsky P.N. The continent of Eurasia. M., 1997.
4. Stolypin P. Speech on the construction of the Amur railway // In search of its own way: Russia between Europe and Asia. Reader. Part 2. Moscow: Nauka, 1995.
5. Vladimir Putin. A new integration project for Eurasia - the future that is being born today [Email]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (checked 12.05.2016)
6. Eurasian Union - Challenge to Brussels ("Il Giornale", Italy) [Email]. Url: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140602/220736469.html> (checked 12.05.2016)
7. Simon Anholt: The problem with Russia is that it is considered a burden. [Email address]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/56182> (checked 12.05.2016)

Влияние научно-технического прогресса в области ИКТ на развитие социального протестного движения в эпоху цифровизации

Шумаков Андрей Андреевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал, РЭУ им. Г. В. Плеханова, takamori@rambler.ru

В данной работе автор рассматривает влияние научно-технического прогресса в области ИКТ на развитие социального протестного движения в эпоху цифровизации. При этом основной акцент делается на причинах и прослеживании трансформации самой организационной структуры новых социальных движений.

Ключевые слова: цифровая революция, новые социальные движения, антиглобалистское движение, сетевые войны, «роение», Арабская весна, САНО, информационно-коммуникационные технологии.

Глобализационные процессы и т.н. научно-технический прогресс, особенно в области информационных технологий (т.н. четвертая информационная революция), в начале 1990-х гг. заметно изменили облик социального протеста. Как отмечает подавляющее большинство исследователей, особую роль в этой трансформации сыграло повсеместное распространение Интернета и развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данные изменения затронули не только конкретные движения и практики, обогатившееся большим количеством новых методов, тактик и стратегий ненасильственного сопротивления (например, знаменитые хакерские атаки и создание интернет-петиций) и новых возможностей (например, повышение скорости распространения информации, степени координации, возможности удаленного создания объединений, подготовки мобилизации и многого другого), но и саму форму организации и даже идеологию социального протеста.

В качестве отправной точки подобных изменений исследователи часто называют выступление сапатистов в мексиканском штате Чиapas в январе 1994 года. Именно после этих событий целый ряд экспертов заговорил о появлении такого феномена как сетевые войны (netwars). Данный термин был введен в оборот американскими исследователями, аналитиками корпорации RAND Джоном Аркиллой и Дэвидом Ронфельдом еще в 1993 году [Савин, 2011, с. 25], а в 1994 получил первое конкретное практическое воплощение как раз в виде знаменитого индейского восстания в Мексике. По мнению авторов, сетевая война - это формирующийся способ ведения боевых действий и социальных конфликтов, в которых главные участники используют сетевые формы организации и связанные с ними доктрины, стратегии и технологии [Arquilla, 1998, p. 9]. В качестве основных акторов данного противостояния выступают небольшие неправительственные некоммерческие объединения (NGO). Последние имеют возможность организовываться в расплывающиеся сети быстрее, чем традиционные государственные структуры. В качестве основного метода подобного объединения применяется т.н. «роение» (swarming), еще один термин, введенный в научный оборот Д. Аркиллой и Д. Ронфельдом [Arquilla, Ronfeldt, 1997] и активно используемый впоследствии многими социальными движениями, особенно антиглобалистской направленности. Роение, по мнению авторов, представляет собой внешне аморфный, но тщательно структурированный, скоординированный и стратегически выверенный способ нанесения уда-

ра из определенной точки или нескольких точек посредством жизнестойкой пульсирующей силы как с близкого, так и с дальнего расстояния [Arquilla, Ronfeldt, 2000]. Канадская журналистка Наоми Кляйн, являющаяся одним из ведущих идеологов антиглобалистского движения, назовет это «моделью осей и спиц», предполагающей организацию по принципу «координированной децентрализации». «Модель осей и спиц, – пишет канадская журналистка, – это больше чем тактика, используемая в акциях протеста. (...) Каждая антикорпоративная кампания – затея множества групп, по большей части неправительственных организаций (NGO), профсоюзов, студентов и анархистов. Они используют Интернет, наряду с более традиционными организационными средствами, для многих целей: от составления каталога новейших прегрешений Всемирного банка и бомбардировки Shell Oil факсами и электронными посланиями до распределения готовых к загрузке и распечатке «антипотогонных» листовок – для акций протеста в Nike Town (Найки-городе). Группы остаются анонимными, но их международная координация очень искусна и для их противников часто губительна» [Кляйн, 2005, с. 47-48]. Все это больше роднит антиглобализм с анархизмом, причем, как на практическом (организационном), так и на чисто теоретическом уровне [Шумаков, 2012, Антиглобализм и анархизм].

В своих работах аналитики RAND также называют возникновение сетевых форм организации результатом «компьютерной информационной революции». По их мнению, в процессе реализации своего потенциала любой вид сети восприимчив к получению непрерывной и полной информации и развитию коммуникации гораздо в большей степени, чем другие формы организации (например, иерархические). Это обеспечивается с помощью активного внедрения и использования новейших средств ИКТ, таких как сотовые телефоны, факсы, электронная почта и, конечно же, сайты Всемирной паутины (WWW) [Arquilla, 1998, p. 9].

Именно во время сапатистского восстания, по мнению ряда специалистов, возможности «глобальной информационной сети» и вызванные ими изменения были продемонстрированы в полной мере. Многочисленные сообщения, рассылаемые через интернет, оказались гораздо более действенными, чем привычная для латиноамериканского региона герилья. Можно сказать, что они изменили общественное мнение. А если учесть, что до момента восстания о такой военизированной структуре, как Сапатистская Армия Национального Освобождения и ее целях, практически ничего не было известно, а через несколько дней после начала выступления чиапасские партизаны вынуждают мексиканское правительство пойти на уступки, то подобный результат выглядит просто феноменальным. Его можно назвать самым настоящим переворотом в протестной практике. Парадоксальность сложившейся ситуации заключалась и в том, что решение об одностороннем прекращении огня и начале переговоров с восставшими было

принято властями на фоне успехов федеральной армии, оттеснившей плохо вооруженные и слабо организованные группы повстанцев в горы.

Кстати для самого Маркоса и его сподвижников подобный поворот событий, судя по всему, также стал большой неожиданностью. По крайней мере, такой вывод можно сделать из целого ряда заявлений представителей сапатистского движения, а также незначительного распространения ИКТ среди индейского населения Чиапаса. В пользу данной трактовки говорит также и то, что в дальнейшем риторика руководства повстанцев будет претерпевать постоянные изменения под воздействием новых факторов, полученного опыта сопротивления и, конечно же, в силу самой структурной организации. Последняя, как указывалось выше, предполагает чрезвычайную восприимчивость к информации, особенно получаемой в режиме т.н. «обратной связи», а следовательно – для подобной организации реагирование на малейшие изменения и общественные запросы является вопросом жизни и смерти. Причем, в случае в сапатистами, данное утверждение не стоит воспринимать как гиперболизацию. Лишившись местной общественной и международной поддержки, Маркос и его сподвижники оказались бы перед лицом неминуемого военного разгрома.

Под влиянием подобных обстоятельств САНО вскоре откажется от авангардистской (представительской) роли, любого централизма, а впоследствии и от самой вооруженной борьбы, провозгласив своей главной целью выстраивание диалога с гражданским обществом – от индейских общин до европейских интеллектуальных элит. С этой целью в августе 1996 года в местечке Ла-Реалидад Маркосом и его единомышленниками будет провозглашено создание Межконтинентальной сети сопротивления неолиберализму и Межконтинентальной сети альтернативного общения, которые станут прообразом таких структур, как Глобальное действие народов (ГДН или PGA) и Всемирный социальный форум (ВСФ или WSF) [Шумаков, 2014]. Именно с этого момента, по мнению автора, и ведется история такого феномена, как антиглобалистское движение [Шумаков, 2019, Проблема периодизации антиглобалистского движения].

Данное явление, как отмечают почти все специалисты, в своем привычном виде появилось во многом благодаря развитию ИКТ и тесно связано с их развитием. Одной из главных особенностей антиглобалистского движения является горизонтально-сетевая форма организации, которая, по мнению выше упомянутой Наоми Кляйн, напоминает сплетение «горячих ссылок» на различных веб-сайтах. «Это не случайная аналогия, а скорее ключ к пониманию изменяющейся природы политической организации. Хотя многие отмечают, что недавние массовые акции протеста были бы невозможны без Интернета, осталось незамеченным то, как коммуникационная технология, делающая возможными эти компании, придает движению свой собственный «интернетоподобный» образ», – писала канадская журналистка в 2000 году, анали-

зируя акции антиглобалистов в Сиэтле и Вашингтоне [Кляйн, 2005, с. 45].

Подобная интерпретация и соответствующие аналогии с устройством «мировой информационной сети» впоследствии станут общепринятыми и будут воспроизводиться в подавляющем большинстве академических работ, посвященных антиглобализму (альтерглобализму) и новым социальным движениям. К примеру, известный российский экономист, директор Института социэкономии Московского финансово-юридического университета, профессор МГУ Александр Владимирович Бузгалин отмечал непосредственную взаимосвязь уровня развития современных ИКТ и социальных движений. «Важнейшие фундаментальные черты информационных, сетевых технологий, таковы, что они делают возможными и необходимыми, более того, оптимальными, именно те формы и принципы социальной организации, которые воплощены на практике новыми социальными движениями и прежде всего – альтерглобалистами», – писал он в 2003 [Бузгалин, 2003, с. 35].

Любопытно, что некоторые из исследователей пошли еще дальше, увидев в этом структурное сходство с террористическими организациями и даже усматривая непосредственную связь между антиглобалистским движением и таким явлением как международный терроризм. Однако данная точка зрения не выдерживает критики, т. к. вызвана некорректной постановкой проблемы, а зачастую и вовсе продиктована подменой понятий, согласно которой объяснение феномена подается как его оправдание. [Шумаков, 2012, Антиглобализм и международный терроризм, с. 66-67].

Как нетрудно представить, пример антиглобалистских выступлений и соответствующей структурной организации, не предполагающей наличия больших ресурсов и продемонстрировавший свою эффективность, оказался весьма заразителен. В 2000-х возможности глобальной сети и принцип «координированной децентрализации» уже использовались почти всеми движениями социального протеста. Даже стихийно возникшие из-за гибели двух подростков массовые беспорядки во Франции в ноябре 2005 года обошлись без какого-либо центрального руководства и координировались участниками и сочувствующими посредством социальных сетей и мобильной связи [Шумаков, 2012, Ноябрьские беспорядки во Франции: фокус интерпретации]. Собственно, это и позволило протестующим на первых этапах добиться определенных успехов в противостоянии с силами правопорядка и, что еще более важно, огромного медийного резонанса, продемонстрировав высокий уровень координации.

Указанный тренд развития социального протеста несколько меняется с началом Всемирного экономического кризиса в 2008, когда во многих странах разворачиваются массовые манифестации против мер жесткой экономии. В это время инициатива в организации протестных выступлений вновь переходит к профсоюзам, многие из которых относились к т.н. старым социальным дви-

жениям и имели вполне централизованную структурную организацию [Шумаков, 2019, Мировой экономический кризис и рождение антикризисного движения, с. 183].

Однако уже в конце 2012 года происходит возвращение к активным децентрализованным формам протеста, эффективно использующим возможности современных ИКТ. Данный процесс можно видеть на примере успеха таких движений как «Красные колпаки» [Шумаков, 2019, «Красные колпаки»: история движения] и «Желтые жилеты» [Шумаков, 2019, «Желтые жилеты»: генезис движения], возникших в интернет-пространстве и только потом в виде конкретных акций прямого действия. При этом в обоих случаях роль руководства была сведена к минимуму, что на определенном этапе даже приведет к фактическому расколу указанных движений. Любые попытки институционализации и делегирования полномочий будут восприниматься большей частью протестующих как узурпация и неизменно вызывать резкую критику.

Последней на данный момент относительно успешной попыткой создания масштабного международного социального движения протестной направленности, построенного по принципу сетевой организации, можно назвать знаменитую акцию «Оккупируй Уолл-Стрит». Показательно, что первые семь месяцев с момента обнародования идеи захвата финансового квартала в феврале 2011 на сайте антипотребительского журнала Adbusters подготовка к акции велась исключительно в виртуальном пространстве и только в августе в Нью-Йорке состоялись первые малочисленные ассамблеи. Что спустя полтора месяца не помешало инициативным группам вывести на улицы несколько сотен человек и получить поддержку десятков миллионов по всему миру. В сентябре 2011 года акция приняла форму общенационального, а в октябре уже и международного движения. Таким образом, мы можем видеть, что данное выступление изначально готовилось в глобальной информационной сети и только потом обрело форму масштабного социального протеста. Для сравнения, в случае с мексиканскими сапатистами все происходило в обратном порядке: широкий медийный резонанс стал скорее «побочным» и незапланированным эффектом их выступления. Особо стоит отметить, что даже на пике активности движения степень координации между его акторами (организаторами различных акций по захвату общественного пространства) была крайне низкой и сводилась, как правило, к выражению солидарности. Через год «Оккупируй...» как международное движение социального протеста практически сошло на нет, что можно отчасти связать с выбранной формой организации и тактикой (бессрочное занятие центральных площадей, улиц и кварталов), не рассчитанной на длительный период времени.

Попытки возродить его весной 2016 года во Франции под новым названием «Ночное стояние» окажутся не вполне удачными. Об этом можно су-

доть хотя бы потому, что, несмотря на все усилия, движение так и не смогло выйти на подлинно международный уровень [Шумаков, 2019, История и периодизация протестного движения «Ночное стояние», с 13], а период активности продлится шесть недель месяцев [Шумаков, 2019, История и периодизация протестного движения «Ночное стояние», с. 9]. Особенностью французского «Ночного стояния» являлось и то, что указанное движение появилось и развивалось в условиях общего подъема протестной активности, вызванной принятием непопулярного законопроекта министра труда Мириам Эль-Хомри. Главную роль в этой протестной мобилизации играли рабочие, студенческие и школьные профсоюзы, большинство из которых относилось к старым социальным движениям с соответствующей структурой [15, с. 42-43].

Отдельно стоит упомянуть о т.н. Арабской весне - серии протестов и вооруженных столкновений, проходивших в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2011-2012 гг. и существенно повлиявших на изменение обстановки в регионе. Тогда многие эксперты и комментаторы отмечали, что влияние ИКТ сыграло основополагающую роль в развитии протестного движения в регионе [Васильев, 2017]. Некоторые даже отрицали возможность достижения подобных масштабов выступлений без использования социальных сетей [Желтов, Интернет, протестные движения и Арабская весна, 2014, с. 189-190]. Именно поэтому в научной литературе можно встретить такие обозначения, как Революция 2.0, твиттер- и фейсбук-революция. Многие исследователи даже отдельно подчеркивали огромную роль интернет-активистов, работников IT-сферы, таких как Ваэль Гоним, и отделений местных интернет-компаний, таких как Google. В качестве подтверждения данной трактовки некоторые исследователи также отмечали тот факт, что в качестве одной из основных мер воздействия на манифестантов власти арабских стран использовали полное отключение интернета.

Тем не менее, отвечая на вопрос о связи ИКТ с событиями 2011-2012 гг. нужно отметить, что, несмотря на несомненное влияние цифровой революции и активнейшее применение современных технологий, протесты «Арабской весны» нельзя ставить в один ряд с выступлениями новых социальных движений. Причины возникновения, социально-политическая природа конфликтов и структурные особенности организации были несколько иными. В отличие от антиглобалистских выступлений, протесты «Арабской весны» изначально были политизированы и зафиксированы на внутренней повестке, а также в известной степени организованы. Так многие отмечают большую роль в египетских протестах такой жестко структурированной, иерархизированной и авторитарной организации как ассоциация «Братья-мусульмане». Не стоит забывать и про официальное выражение поддержки со стороны ряда правительств и даже открытое военное вмешательство, как например, это было в Ливии. Главным отличием же Арабской весны от

антикризисных протестов, являлось то, что накануне событий 2011-2012 макроэкономические показатели в большинстве стран, охваченных протестами, росли [9], а недовольство населения было вызвано в основном причинами политического и этно-конфессионального характера. То же самое, в принципе, можно сказать и об украинских протестах 2013-2014 гг. Хотя это не отменяет наличия самой социальной составляющей в риторике этих участников выступлений.

На основе приведенных примеров мы можем отчетливо видеть, что развитие общественных движений после выступления сапатистов проходило уже в новых реалиях. Информационно-цифровая революция не просто изменила облик социального протеста, но и продолжает оставаться главным определяющим фактором его эволюции.

Таким образом, по мере развития ИКТ мы можем прогнозировать и дальнейшее развитие сетевых форм организации социальных движений, а также постепенное вытеснение ими жестких иерархических структур. Однако процесс этот не линеен и протекает неравномерно. Как показали антикризисные протесты 2008-2012 и события Арабской весны 2011-2012 по мере политизации и институционализации движений возможны возвращение к «традиционным» централизованным формам и жестким идеологическим доктринам старых социальных движений как более эффективным на коротких исторических этапах и в условиях дестабилизации. В перспективе же горизонтально-сетевые структуры, несомненно, выглядят более жизнеспособными, эффективными и адекватными реалиям текущей обстановки.

Литература

1. Arquilla J., Fuller G., Fuller M. Ronfield D. The Zapatista Social Netwar in Mexico. Calif.: RAND, 1998. 181 p.
2. Arquilla, J. Ronfield D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa Monica, Calif.: RAND, 1997. 557 p.
3. Arquilla, J. Ronfield D. Swarming and the Future of Conflict, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, DB-311-OSD, 2000. 103 p.
4. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А. В. Бузгина. - М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
5. Васильев М. В. Информационно-коммуникативные технологии как фактор «арабской весны» // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: Сборник материалов II Международного научного семинара, состоявшегося в Псковском государственном университете. 2017 г. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 79 – 83.
6. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет, протестные движения и арабская весна // Территория новых возможностей. 2014. № 1 (24). С. 189-204.
7. Кляйн Н. Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения. Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. – 304 с.

8. Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011. 130 с.

9. Трофимова О. Е. Экономические вызовы «арабской весны» // Новое Восточное Обозрение, 03.04.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/04/03/e-konomiccheskie-vy-zovy-arabskoj-vesny/>.

10. Шумаков, А. А. Анархизм и антиглобализм // Мир и политика. 2012. № 7 (70). С.127-136.

11. Шумаков А. А. Антиглобализм и международный терроризм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 8 (151). С. 61-67.

12. Шумаков А. А. История и периодизация протестного движения «Ночное стояние» // Приднепровский научный вестник. 2019. Т. 2. № 12. С. 6-18.

13. Шумаков А. А. «Желтые жилеты»: генезис движения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С.19-32.

14. Шумаков А. А. «Красные колпаки»: история движения // Приднепровский научный вестник. 2019. Т. 2. № 11. С.6-15.

15. Шумаков А. А. Мировой экономический кризис и рождение антикризисного движения // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию учебного заведения (Пермь, октябрь 2019 г.) / Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». - Пермь: Изд-во «Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 188-196.

16. Шумаков А. А. Ноябрьские беспорядки 2005 года во Франции: фокус восприятия и интерпретации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. С. 410-420.

17. Шумаков А. А. Проблема периодизации антиглобалистского движения // Уральский научный вестник. 2019. Т. 1. № 11. С.58-64.

18. Шумаков А. А. Протестное движение «Ночное стояние»: проблема появления и генезиса // Проблемы научной мысли. 2019. Т.1. № 12. С. 38–45.

The impact of scientific and technological progress in the field of ICT on the development of social protest movement in the era of digitalization

Shumakov A.A.

PRUE G. V. Plekhanova

In this paper, the author examines the impact of scientific and technological progress in the field of ICT on the development of the social protest movement in the era of digitalization. At the same time, the main emphasis is on the causes and tracing of the transformation of the very organizational structure of new social movements.

Keywords: digital revolution, new social movements, anti-globalization movement, network wars, swarming, Arab Spring, SANO, information and communication technologies.

References

1. Arquilla J., Fuller G., Fuller M. Ronfield D. The Zapatista Social Netwar in Mexico. Calif.: RAND, 1998.181 p.
2. Arquilla, J. Ronfield D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa Monica, Calif.: RAND, 1997.557 p.
3. Arquilla, J. Ronfield D. Swarming and the Future of Conflict, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, DB-311-OSD, 2000. 103 p.
4. Alterglobalism: theory and practice of the "antiglobalist" movement / Ed. A. V. Buzgalina. - M.: Editorial URSS, 2003.256 p.
5. Vasiliev MV Information and communication technologies as a factor of the "Arab spring" // Actual problems of the study of communication aspects of PR-activity and journalism: Collection of materials of the II International scientific seminar, held at Pskov State University. 2017 Pskov: Pskov State University, 2017.S. 79 - 83.
6. Zheltov VV, Zheltov MV Internet, protest movements and the Arab spring // Territory of new opportunities. 2014. No. 1 (24). S. 189-204.
7. Klein N. Fences and windows: Chronicles of the anti-globalization movement. Per. from English. - M.: OOO Dobraya Kniga Publishing House, 2005. - 304 p.
8. Savin LV Network-centric and network war. Introduction to the concept. - M.: Eurasian movement, 2011.130 p.
9. Trofimova OE Economic challenges of the "Arab spring" // New Eastern Outlook, 03.04.2013. [Electronic resource] URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/04/03/e-konomiccheskie-vy-zovy-arabskoj-vesny/>.
10. Shumakov, A. A. Anarchism and anti-globalism // Peace and politics. 2012. No. 7 (70). Pp. 127-136.
11. Shumakov AA Antiglobalism and international terrorism // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. 2013. No. 8 (151). S. 61-67.
12. Shumakov A. A. History and periodization of the protest movement "Night standing" // Pridneprovsky scientific bulletin. 2019.Vol. 2.No. 12.P. 6-18.
13. Shumakov A. A. "Yellow vests": the genesis of movement // Izvestia TulGU. Humanitarian sciences. 2019. No. 1. P.19-32.
14. Shumakov A. A. "Red caps": the history of movement // Pridneprovsky scientific bulletin. 2019.Vol. 2.No. 11.P 6-15.
15. Shumakov A. A. The world economic crisis and the birth of the anti-crisis movement // Trends in the development of world trade in the XXI century: Materials of the VIII International scientific-practical conference dedicated to the 55th anniversary of the educational institution (Perm, October 2019) / Perm Institute (branch) FSBEI HE "Russian University of Economics. G. V. Plekhanov". - Perm: Publishing house "Perm Institute (branch) of the PRUE im. G.V. Plekhanova, 2019.S. 188-196.
16. Shumakov A. A. November riots of 2005 in France: the focus of perception and interpretation // Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences. 2012. No. 1-1. S. 410-420.
17. Shumakov AA The problem of periodization of the anti-globalization movement // Ural Scientific Bulletin. 2019.Vol. 1.No. 11.P.58-64.
18. Shumakov AA Protest movement "Night standing": the problem of emergence and genesis // Problems of scientific thought. 2019.Vol. 1. No. 12. P. 38–45.

Отношения Русской Православной Церкви и Советского государства в период с 1917-1945 гг.

Северилов П.В.

к.философ.н., доцент кафедры истории и философии, ДонНАСА

В статье рассматриваются отношения РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ и Советского государства в период с 1917 по 1945 год. Приводятся данные о нескольких этапах гонений и репрессиях Советского государства по отношению к Православной церкви в довоенный период. Рассматриваются кардинальные перемены в церковно–государственных отношениях периода Великой Отечественной войны, которые позволили проявить Русской православной церкви свою патриотическую и гражданскую позицию.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Советское государство, государственно-церковные отношения, репрессии, Великая отечественная война, патриотизм

В преддверии празднования 75–летия Великой Победы перед наукой с необходимостью возникает проблема всестороннего исследования исторических событий данного периода и восстановления исторической правды, какой бы неудобной она не была. В данном контексте, представляет интерес реконструкция трагических страниц советской истории, связанных с Русской православной церковью и ее положением в СССР, как накануне войны, так и в сам военный период.

Исследованию данной проблемы посвящены многочисленные работы светских и церковных ученых–историков, таких как: Л.Н. Аруева, О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова, В.Н. Никольский, Д.В. Поспеловский, В. Цыпин и других.

Цель настоящей статьи – исследование взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства в период с 1917 по 1945 год.

Начиная с Декретов Ленина 1917 – 1920-х годов, направленных на отделение Церкви от государства, лишения ее юридического статуса и национализации всего движимого и недвижимого имущества, Советское государство развернуло курс на ликвидацию церкви. Так начался первый этап гонений на Православие в СССР.

В течение 20х – 30-х годов правительством создавались различные структуры, целью деятельности которых было уничтожение Православной церкви как таковой. Это были специальные отделы ОГПУ, а затем НКВД, антирелигиозные комиссии Политбюро ЦК РКП(б), Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, действия которых активизировались после переписи населения 1937 года, согласно данным которой более 50% советских граждан по-прежнему называли себя верующими. Результатом деятельности всей этой репрессивной машины явилось то, что, по подсчету историков, к 1939 году на территории СССР оставались действующими менее 100 храмов из 60 тысяч дореволюционного времени [1].

Одной из наиболее трагических страниц истории отношений государства и церкви довоенного периода стал голод 1921 – 1922 годов. Тогда, под предлогом изъятия церковных ценностей для ликвидации голода, в соответствии с Декретом Правительств 1922 г., фактически началась кровавая расправа над Церковью. В известном письме Ленина от 19 марта 1922 года дается прямое указание на развязывание террора: «... изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей ре-

акционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [2]. Так, в ходе кампании по изъятию ценностей, начались массовые репрессии духовенства. Всего в 1922 году были расстреляны 2, 5 тысячи священнослужителей [2].

Но самыми кровавыми в истории довоенного периода стали для Православной церкви 30-е годы. Третья волна гонений связана была с периодом коллективизации 1929-1933 годов. Всего за эти годы было арестовано около 190 тысяч человек, 16 тыс. были расстреляны или умерли в заключении. Максимальное количество репрессий в этот период приходится на 1930 г., когда число арестованных достигло 60 тыс. человек, а число расстрелов и смертей – 7 тыс. [3].

Четвертая волна гонений пришла на 1937–1938 гг. По подсчетам историков, всего, в период с 1917 по 1950-е годы, были репрессированы 564 тысячи человек, из 630 тысяч представителей духовенства и их семей дореволюционного времени (по данным рубежа XIX и XX вв.) [3]. При этом наибольшее число репрессий пришлось на 1937 г.: около 150 тыс. арестов и наибольшее число расстрелов и смертей – 90 тыс. человек [3]. Кроме того, по свидетельствам очевидцев, в этот период резко ужесточились пытки подследственных в тюрьмах и лагерях, а сам этот период гонений был назван впоследствии Святейшим Патриархом Алексием II «Русской Голгофой» [3].

Перелом в отношениях Церкви и Советского государства произошел в 1943 году. По инициативе правительства, 4 сентября 1943 года, состоялась историческая встреча Местоблюстителя Патриаршего престола, митрополита Сергия (Страгородского), митрополитов Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и К.К. Карповым (начальником 4 отдела III управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией) [4]. По инициативе И.В. Сталина, через четыре дня был созван Архиерейский поместный собор, на котором митрополит Сергий был канонически избран Патриархом «Московским и всея Руси», Церкви разрешили открывать храмы и возобновлять работу приходов, открывать духовные учебные заведения и издавать журнал. Митрополит Алексий лично обратился к И.В. Сталину с просьбой об освобождении священнослужителей, находящихся в лагерях и тюрьмах, и о разрешении им вернуться к своему священническому служению. И.В. Сталин предложил Церкви всестороннюю поддержку государства [4].

Тем самым была восстановлена историческая справедливость и признана Советским государством высокая патриотическая миссия Церкви, в том числе, ее заслуги по практической помощи армии и государству, которую Церковь осуществляла в ходе войны. С разрешения советских властей, был объявлен сбор средств на нужды фронта и тыла, и к лету 1945 г. было собрано более 300 млн. рублей, не считая переданных добровольно драгоценностей, вещей и продуктов [5].

В 1943 году, по инициативе патриарха Сергия, церковь начала сбор средств на строительство танковой колонны. Всего было собрано свыше 8 млн. рублей. На эти деньги в сжатые сроки, на ведущих советских танковых заводах, было построено 40 танков, с надписями на башнях машин «Димитрий Донской». Из них была составлена танковая колонна и в марте 1943 года ее передали Красной Армии [6, с. 21].

Патриотические послания патриарха Сергия печатались в государственных типографиях и разбрасывались с самолетов на оккупированных немцами территориях, Церковь привлекли к участию в международном антифашистском движении и к расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в составе Чрезвычайной государственной комиссии [7].

Таким образом, в период Великой отечественной войны происходят кардинальные изменения в отношениях Церкви и государства. По мнению историков, они могли быть обусловлены различными факторами: возрождением русских духовных и национальных патриотических традиций, религиозным подъемом на оккупированной территории, стремлением противостоять фашистской пропаганде и повлиять на отношения с союзниками и международным сообществом, в целом. Однако какими бы ни были истинные причины, совершенно очевидно, что эти перемены дали возможность Русской православной церкви, находящейся в сложнейшей ситуации, объединить усилия священноначалия и мирян, внести свой вклад в общее дело Великой Победы. Так Церковь, осуществляя свою историческую миссию, проявила свою гражданскую и патриотическую позицию в период тяжелых испытаний, выпавших на долю русского народа.

Литература

1. Пospelовский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/21735> - Православная-Церковь-в-истории-Руси-России-и-СССР.pdf (дата обращения – 22.04. 2020)

2. Аруева Л. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – СПб.: Министерство транспорта РФ, Федеральное агентство воздушного транспорта, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, 2010. –248 с. – Режим доступа:

http://yakov.works/history/20/1940/arueva_01.htm (дата обращения – 23.04. 2020)

3. Емельянов Н.Е., Хайлова О.И. Гонения на русскую православную церковь (1917–1950-е годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/goneniya-na-russkuyu-pravoslavnuyu-tserkov-1917-1950-e-gody> (дата обращения – 23.04. 2020)

4. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий. – М.:

ИД Хроника, 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/7 (дата обращения – 23.04.2020)

5. Одинцов М.И. Патриотическое служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.rusoir.ru/president/works/185/> (дата обращения – 23.04.2020)

6. Русская Православная Церковь в годы ВОВ (1941 – 1945 гг.). Сборник документов. Составители: Васильева О.Ю. Кудрявцев И.И. Лыкова Л.А. [Электронный ресурс]. – М.: Изд – во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – 779 с. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/0/pdf/sb_prz-v-gody-vov.pdf (дата обращения – 25.04.2020)

7. Зеленова О.В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1> (дата обращения – 23.04.2020)

Relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet state in the period from 1917-1945

Severilov P.V.

DonNASA

The article discusses the relations of the Russian Orthodox Church and the Soviet state in the period from 1917 to 1945. The data on several stages of persecution and repression of the Soviet state against the Orthodox Church in the pre-war period are given. The cardinal changes in church-state relations of the period of the Great Patriotic War are considered, which made it possible to show the Russian Orthodox Church its patriotic and civic position.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet State, church-state relations, persecution, repression, the Great Patriotic War, patriotism

References

1. Pospelovsky D.V. The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR [Electronic resource] - Access mode: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/21735-Orthodox-Church-in-history-Russia-Russia-and-USSR.pdf> (date of access - 22.04.2020)
2. Arueva LN Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War [Electronic resource]. - SPb.: Ministry of Transport of the Russian Federation, Federal Air Transport Agency, Saint Petersburg State University of Civil Aviation, 2010. –248 p. - Access mode: http://yakov.works/history/20/1940/arueva_01.htm (date of access - 23.04.2020)
3. Emelyanov N.E., Khailova O.I. Persecution of the Russian Orthodox Church (1917-1950s) [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/goneniya-na-russkuyu-pravoslavnuyu-tserkov-1917-1950-e-gody> (date of access - 23.04.2020)
4. Tsy-pin Vladislav, archpriest. History of the Russian Orthodox Church, 1917 - 1990. Textbook for Orthodox theological seminaries. - M.: ID Chronicle, 1994. [Electronic resource]. - Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/7 (date of access - 23.04.2020)
5. Odintsov M.I. Patriotic ministry of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.rusoir.ru/president/works/185/> (date of access - 23.04.2020)
6. Russian Orthodox Church during the Second World War (1941-1945). Collection of documents. Compiled by O.Yu. Vasilieva Kudryavtsev I.I. Lykova L.A. [Electronic resource]. - M.: Publishing house - in the Krutitsky courtyard. Society of Church History Lovers, 2009. - 779 p. - Access mode: http://militera.lib.ru/docs/0/pdf/sb_prz-v-gody-vov.pdf (date of access - 25.04.2020)
7. Zelenova O.V. Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1> (date of access - 23.04.2020)

Особенности сохранения исторического наследия в контексте современного глобализационного процесса и условиях информационного общества

Никулин Ю.А.

преподаватель кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В данной статье рассматриваются особенности сохранения исторического наследия в контексте современного глобализационного процесса и условиях информационного общества. Акцентируется внимание на необходимости актуализации использования работы с историческими источниками в рамках современного народного образования и патриотического воспитания. На примере фальсификации вопросов Великой Отечественной войны рассмотрены особенности работы политики постправды и возможные варианты борьбы с ней.

Ключевые слова: постправда, глобализация, исторический факт, фальсификация, Великая Отечественная война.

Существует достаточно распространенная цитата, приписываемая «железному канцлеру» Бисмарку: «Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники». Поиск источника данного высказывания приводит нас не к Отто фон Бисмарку, а к Оскару Пешелю, который в газете «Заграница» в июле 1866 году, описывая Битву при Садове, писал: «Народное образование играет решающую роль в войне. Когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем». Данная цитата подходит нам в первую очередь как лаконичный эпиграф, указывающий на высокую значимость образования в процессе нравственного и патриотического воспитания молодежи, а также как лаконичный пример того, насколько просто некорректная информация заполняет информационное пространство. Что касается внутреннего посыла, – он является аксиоматичным и за полтора века ничуть не устарел, а вот ошибочное авторство и корректность самой цитаты, хотя и были характерны уже для конца XIX века, в современном информационном обществе достигли такого широкого распространения, что сегодня встречаются и в серьезных научных публикациях.

Если описание сегодняшней действительности термином «постмодерн» может вызвать определенное неприятие со стороны консервативно настроенной части общества, то с характеристикой сегодняшней информационной реальности термином «постправда», на мой взгляд, согласятся все. Ввиду того, что в современном мире человек, имея перманентный доступ к информационному пространству, сама информация максимально обесценивается, а ее поиск и обработка сводятся к восприятию в готовом виде, а конечный получатель теряет необходимость, а главное – возможность ее обработки. Именно постистинное информационное пространство становится той самой чешской деревней, близ которой современные учителя не только терпят поражение, но и довольно часто становятся «коллораборационистами».

Значимую роль максимальная информатизация общества играет и в процессе глобализации, который, с одной стороны, является абсолютно объективным в сложившейся ситуации, а с другой, все же не реализуется в ключе утопического космополитизма – путем консолидации национальных культур в мировую, но путем ассимиляции. Так, Бодрийяр, размышляя о глобализации пишет: «Между понятиями «универсальный» и «глобальный» есть обманчивое сходство. Универсализация связана с правами человека, разнообразными

свободами, культурой, демократией. Глобализация – с технологиями, рынком, туризмом, информацией» [1, с. 154].

При этом формирование информационного общества объективно ведет к размытию и даже стиранию этнических и культурных границ, молодежь втягивается в позитивный интеграционный процесс, в котором общечеловеческие ценности доминируют над характерными этническими и культурными. Однако глобализация ведет к обратному – к попытке смещения этнической и культурной идентичности одной доминантной. «Фактически, универсальное погибает в процессе глобализации. Глобализация обкладывает конец универсальности ценностей. Это триумф единомыслия над универсальным мышлением. То, что глобализируется в первую очередь, это рынок, все разнообразие обменов и товаров, непрерывный денежный оборот. В культурном плане это промискуитет всех знаков и всех ценностей...» [1, с. 155].

Сегодня наши культурные ценности оказываются на грани вытеснения единой унифицированной системой ценностей, а точнее ее отсутствием. «...Брежнев: «Когда что-то (есть) в ненужном месте – это беспорядок. Когда в нужном месте ничего нет – это порядок». Новый Мировой Порядок полностью состоит из такого рода компенсаций, и скорее ничего нет, чем что-то есть, как на поле боя и экранах, так и в наших головах – это консенсус на основе апотропии. В Восточной Европе мировой порядок был наведен согласно той же парадоксальной диалектике: там, где что-то было (коммунизм, но с глобальной точки зрения это как раз беспорядок), сегодня нет ничего, но это – порядок. Там все в демократическом порядке, даже если там творится полный бардак» [1, С. 88-89].

Сложившиеся условия требуют не только максимальной активизации народного образования и патриотического воспитания, но и их переформатирования. Исход сегодняшней «Битвы при Садове» зависит, в первую очередь, от возможности осознания современными «учителями» стратегии и тактики ведения «боя» в виртуальном пространстве. Нынешняя концепция народного образования и патриотического воспитания должна основываться именно на обучении молодежи пользованию информацией, рациональному навыку, который редуцируется в условиях перманентного информационного потока.

Наиболее уязвимой частью современной национальной и культурной идентичности на постсоветском пространстве является историческое прошлое, особенно вопросы оценки и значения Великой Отечественной войны, – фундаментальной части отечественного патриотического воспитания. На примере части постсоветских стран, а также стран бывшего социалистического блока мы можем наблюдать, насколько быстро значимый и трагический пласт исторической памяти деконструируется посредством банальной фальсификации исторических фактов и спекуляции ими. К сожалению, этот процесс характерен не только для

вышеуказанной территории, где он детерминирован политическим курсом, в него вовлечено все постсоветское пространство. Поэтому крайне важно обучать молодежь, наиболее подверженную принятию ложной информации, пользоваться историческими источниками и фактами, вместо обучения путем передачи готовой исторической парадигмы, достаточного вне условий информационного общества. Понимание того, что исторический факт априори проигрывает в напускном драматизме историческому фальсификату и спекуляции, устроенным по принципам маркетинга, должно стать основным критерием, которым подрастающее поколение должно пользоваться в рационализации информационного потока для построения мировоззренческой парадигмы. Так как политика постправды реализуется именно путем обращения к эмоциям, в чем, безусловно, проигрывают исторические факты.

Спекуляция в вопросе исторической роли, мотивов и в целом участия Советского Союза во Второй мировой войне характерна для мировой политики со времен начала холодной войны, однако ввиду вышеуказанных особенностей современности и нового витка эскалации биполярного мира, достигла небывалых масштабов.

Так, активно продвигается достаточно распространенная на Западе идея о том, что СССР вступил во Вторую мировую войну с захватническими целями по преступному сговору с Германией, естественно, с апелляцией к Секретному дополнительному протоколу к Договору о ненападении между СССР и Германией и Польскому походу Красной армии. При этом, за громкими заявлениями и точечными соприкосновениями с историческими фактами остается фундаментальный пласт фактического материала, начиная с характеристики особенностей внешней политики периода, заканчивая этнической и культурной принадлежностью «оккупированных» Советским Союзом регионов.

Исключение факта подписания пакта Молотова-Риббентропа из контекста политики умиротворения с пиком в виде Мюнхенского сговора – действительно выставляет СССР в невыгодном свете, равно как и исключение из контекста польской оккупации Тешинской области в ходе Судетского кризиса – превращает Польшу в невинную жертву.

Второй пункт Секретного дополнительного протокола подкрепляет данную тенденцию с исключением из контекста его начальной фразы «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства» [2].

Тот же эффект наблюдается при исключении из контекста исторического дискурса факта того, что «граница сфер интересов Германии и СССР... по линии рек Нарва, Висла и Сана» [2] в случае сферы советских интересов не затрагивает этнические регионы Польши, а включает Западную Беларусь и Украину.

Интересен и тот факт, что в современной событию оценке сэра Уинстон Черчилль, чья Фултонская

речь положила позже начало холодной войне, был более благосклонен к факту Польского похода РККА, нежели в свое время факту Мюнхенского сговора.

Так, по вопросу первого Черчилль напишет: «Мы могли бы желать, чтобы русские армии стояли на своей нынешней линии как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но то, что русские армии должны были стоять на этой линии, было явно необходимо для обеспечения безопасности России от нацистской угрозы ... Когда Риббентроп был вызван в Москву на прошлой неделе, он должен был узнать и принять тот факт, что нацистские замыслы в Прибалтике и Украине должны зайти в тупик» [3, с. 188].

Касательно второго – есть распространенный миф о том, что Черчилль произнесет свою знаменитую фразу о «войне и бесчестии» Чемберлену в Палате общин по возвращению из Мюнхена, однако, на самом деле, он напишет ее в письме Ллойд Джорджу уже преддверии Мюнхена, 13 августа: «Я думаю, мы вынуждены будем в ближайшие недели выбирать между войной и бесчестием, и я не очень-то сомневаюсь в том, каков будет выбор» [4, с. 256]. Позже, 11 сентября, Черчилль напишет Уолтеру Гиннессу «... мы, кажется, очень близки к безрадостному выбору между войной и позором. Я чувствую, что мы выберем позор, а значит, получим войну пусть немного позже, но в еще более неблагоприятных условиях, чем настоящее время» [4, с. 257].

На единственном примере, прямо не касающемся событий Великой Отечественной, становится очевидно, что многие громкие и противоречивые трактовки тех или иных событий практически полностью теряют свою громкость и противоречивость, в случае рассмотрения их в контексте эпохи и фактического материала, как того и требует адекватное историческое исследование. Политика постправды сегодня реализуется практически на каждом отдельном этапе участия Советского Союза в войне, однако строится не на фактическом материале, а на спекуляции на существующих фактах или и вовсе их фальсификации.

Таким образом, современное общество – это информационное общество, максимально зависимое от потока информации, вследствие чего формирование общественного мнения довольно часто реализуется путем манипуляции ложной или вырванной из контекста информацией, ввиду снижения возможности человека к ее рациональной обработке. В сложившихся условиях, когда, с одной стороны, этнические и культурные границы объективно размываются, а глобализация, в другой, берет под прицел устоявшуюся систему ценностей, сохранение исторического наследия, особенно наследия советского народа в Великой Отечественной войне, является одной из основных задач в народном образовании и патриотическом воспитании. Однако в условиях информационного общества для сохранения исторического наследия недостаточно лишь акта его передачи в готовом виде, необходимо научить подрастающее поколе-

ние умению обработки и использования информации, чтобы на основе использованного фактического материала оно самостоятельно смогло сконструировать свое историческое наследие.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Ж. Бодрийяр [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 224с.

2. Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом // Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23.08.1939. [Электронный ресурс] – 100 главных документов российской истории – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniei-i-sovetskim-soyuzom/>

3. Churchill W. Blood, Sweat, and Tears / Winston S. Churchill. – New York: G. P. Putnam's Sons, 1941. – 462 p.

4. Churchill W. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations / Winston S. Churchill, Richard M. Langworth. – New York: PublicAffairs, 2008. – 627 p.

Features of the preservation of historical heritage in the context of the modern globalization process and the conditions of the information society

Nikulin Yu.A.

Gorlovka Institute of Foreign Languages

The article highlights the main features of preservation of historical legacy in conditions of globalization and information society. The main attention is focus on the need to actualize the usage of original sources in the framework of modern public and patriotic education. On the example of falsification of the events of the Great Patriotic War are considered the main features of post-truth policy and possible options for dealing with it.

Keywords: post-truth, globalization, historical fact, falsification, Great Patriotic War.

References

1. Baudrillard J. The spirit of terrorism. There was no war in the Gulf / J. Baudrillard [trans. with fr. A. Kachalova]. - M.: RIPOL classic, 2016 .- 224p.

2. Secret Additional Protocol to the Non-Aggression Pact between Germany and the Soviet Union // Non-Aggression Pact between Germany and the Soviet Union. 08/23/1939. [Electronic resource] - 100 main documents of Russian history - Access mode: <http://doc.histrf.ru/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniei-i-sovetskim-soyuzom/>

3. Churchill W. Blood, Sweat, and Tears / Winston S. Churchill. - New York: G. P. Putnam's Sons, 1941. - 462 p.

4. Churchill W. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations / Winston S. Churchill, Richard M. Langworth. - New York: PublicAffairs, 2008 .-- 627 p.

Фальсификация итогов Второй мировой войны как инструмент идеологической борьбы стран Запада против России

Мармазова Т.И.

д.полит.н., профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

В статье рассматриваются методичные попытки западных политиков исказить правду о Второй мировой войне, о роли в победе над нацизмом Красной армии, советского народа. Автор приходит к выводу о необходимости противодействовать фальсификации истории, не допускать искажения фактов и умаления значения подвига народа при защите Отечества и закрепить данный пункт в Конституции РФ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Великая Победа, фальсификация истории, историческая память, Красная армия, Конституция РФ.

История Второй мировой войны в современном геополитическом и историческом пространстве остается фронтом острейшей идеологической и информационной борьбы. В год празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне продолжают попытки фальсификаторов умалить роль СССР в разгроме нацизма, очернить освободительную миссию Красной армии, поставить под сомнение итоги войны.

В январе 2020 г. накануне празднования 75-летия освобождения Освенцима (Освенцим был освобожден в ходе Висло-Одерской наступательной операции, проведенной 12 января – 3 февраля 1945 г. – Прим. авт.) известный немецкий журнал *Der Spiegel* приписал это важное событие из истории Второй мировой войны армии США. [1] И только после того, как на эту ошибку указали представители общественности Германии, редакция журнала извинилась, написав, что лагерь смерти был освобожден Красной армией.

Не успел отгреметь скандал с «чрезвычайно неловкой ошибкой» в журнале *Der Spiegel*, как в Посольство США в Дании на следующий же день публикует в своем Twitter аналогичный пост о том, что нацистский концлагерь Аушвиц (Освенцим) «был освобожден» американской армией. [2] Сразу же после заявления Посольства России в Соединенных Штатах, в котором данный пост был назван бесстыдным переписыванием истории, Вашингтон принес официальные извинения.

Вот так формируется иная информационная реальность, в которой переписываемая история Второй Мировой войны, а вместе с ней и история Великой Отечественной, и история Великой Победы, становятся в руках западных политиков инструментом манипуляции. К подобным инструментам можно отнести и тот факт, что из англоязычной версии Википедии к 75-летию освобождения Освенцима убрали все фотографии советских бойцов, освобождавших лагерь смерти, с узниками концлагеря.

Процесс «ревизии» и фальсификации истории Второй мировой войны, её событий и уроков политическими и военными руководителями Запада был начат давно. Он стартовал сразу после разгрома нацизма в Европе и был взят на вооружение многими сторонниками и идеологами «холодной войны». Ярким примером попытки умалить в исторической науке роль Красной армии в победе над гитлеровской Германией является работа американского историка Х. Болдуина, который еще в 60-е годы XX века написал о том, что исход Второй

мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»), отнеся к таковым операцию «Маркет Гарден» в Голландии, высадку англо-американских войск в Нормандии и битву за атолл Мидуэй на Тихоокеанском театре военных действий. В перечень, предложенный Х.Болдуином вошла лишь одна Сталинградская битва. Все остальные великие битвы, выигранные Красной армией, и переломившие ход войны – Битва за Москву, Курская битва, Белорусская операция «Багратион», Битва за Берлин – совершенно не упоминаются этим автором. [3]

Анализируя геополитические итоги Второй мировой войны, академик Н.А.Нарочницкая пишет о том, что «и дух Ялты, и дух «контр-Ялты» родились одновременно». [4, с.20] Началось методичное искажение истории Второй мировой войны, фальсификация реальных фактов о борьбе с фашизмом и роли советского народа в победе над ним.

Распад Советского Союза в 1991 г. ускорил процесс создания нового мирового порядка при гегемонии США, формировавшегося, по словам Збигнева Бжезинского, «против России, за счет России и на обломках России». Тема войны стала особенно часто подвергаться пересмотрам, – об этом в своей статье «Великая ложь о Великой войне. Разоблачение фальсификации истории Великой Отечественной» пишет С.Аксененко. Исследователь приводит интересные факты о том, как в исторической литературе в начале 90-х годов начали звучать оправдания и обоснования существования в Великой Отечественной войне якобы третьей силы, боровшейся и против Гитлера, и против Сталина. Такая трактовка истории Великой Отечественной войны фактически героизирует предателей и пособников фашизма, воевавших в составе эсесовской дивизии «Галичина», ОУН-УПА, Русского корпуса генерала Краснова. Подобным примером служит и тот факт, что в «Энциклопедии для детей», изданной в середине 90-годов, в разделе о Великой Отечественной войне в один ряд с именем великого маршала Победы Георгия Константиновича Жукова было поставлено имя генерала-предателя А.Власова, в заслугу которому ставится борьба с большевизмом. [5] О какой третьей силе может идти речь, если в опознавательной системе «свой-чужой», как и системе самоидентификации, лежит двоичный код, и ты выбираешь – или ты по одну сторону фронта, или по другую.

Особенно преуспели в распространении идеи о «третьей силе» в бывших республиках Советского Союза. Не случайно, что именно в этот период начал искусственно внедряться в украинское общественное сознание концепт «Украина – не Россия», а в украинских учебниках по истории перестал использоваться термин «Великая Отечественная война», он был заменен исключительно на термин «Вторая мировая война». И эта подмена понятия в сознании части русского народа привнесла масштабные мировоззренческие изменения, прежде всего, в умы молодежи Украины. По-

литтехнология «против России за счет России» сработала.

Однако, западные политики не останавливаются и продолжают переписывать историю. За последние 15 лет произошел еще ряд событий, имеющих прямое отношение к фальсификации истории.

В январе 2006 г. ПАСЕ приняла Резолюцию о «необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов». [6] 3 июня 2008 г. была принята Пражская декларация о европейской совести и коммунизме. [7] А 2 апреля 2009 г. Европарламент утвердил Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма.

Европейский парламент продолжил процесс создания альтернативной псевдо-истории самой страшной войны, которую пережило человечество, с новыми псевдо-победителями. 19 сентября 2019 г. им была принята резолюция, в которой члены Европарламента высказали осуждение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, которые, как сказано в резолюции, «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложил дорогу к началу Второй мировой войны». [8] Инициаторами принятия данного документа в Европе выступили польские евродепутаты, что совершенно неудивительно, так как данная резолюция является очередной попыткой изменить историческую память о Второй мировой войне, принизить и даже очернить роль Советского Союза в победе над нацизмом.

МИД Российской Федерации сделал официальное заявление, назвав принятую резолюцию грубой фальсификацией истории и попыткой поставить знак равенства между нацистской Германией и СССР. [9] Президент России В.В.Путин охарактеризовал резолюцию как «беспардонную ложь», принятую людьми, которые «не знают историю» [10].

Изменение памяти о войне у европейцев ярко иллюстрирует международный опрос «Sputnik. Мнения», проведенный новостным мультимедийным агентством Sputnik в 2015 г. совместно с авторитетной британской исследовательской компанией ICM Research. Опрос показал, что европейцы считают своими освободителями американскую армию. Об истинном победителе гитлеризма в Европе, об эпохальной роли СССР, больше всех в Европе осведомлены жители Германии (17%). Однако, только 13% остальных европейцев согласны с этим мнением. Меньше всех, ответивших правильно, оказались жители Франции (8%). [11]

История нашего Отечества оказалась в центре ожесточенной идеологической и информационной борьбы, ведь именно история является важным и весомым фактором национальной безопасности. «В общественном сознании и в политике СМИ очевидна тенденция к демонизации СССР для развенчания его Великой Победы во Второй мировой войне и к изобавлению Запада от вины за по-

рожденный им нацизм... Извращение, а порой и прямая фальсификация истории, продиктованы политической задачей – подменить значение и смысл Второй мировой войны». [12, с.20]

Мы никогда не забудем, что именно советский народ остановил и обратил вспять страшного врага, перед которым отступила вся Западная Европа. Добытая в кровопролитных боях Победа в Великой Отечественной войне – это победа не только советского оружия и военного искусства командиров, это победа силы русского духа, силы Правды, правого дела. Это Победа Света над Тьмой.

Великая Победа стала символом уникального единения народа вокруг общей цели и общих ценностей. Наши отцы, деды и прадеды, наши матери, бабушки и прабабушки совершили великий жертвенный подвиг во имя жизни, вышли победителями и спасли Отечество, спасли весь Мир!

Великая Победа определила мироустроительную роль нашей Родины в эпохальных событиях современности. Именно поэтому в Конституции РФ будет звучать: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». [13]

Литература

1. Der Spiegel приписал освобождение Освенцима армии США [Электронный ресурс] // РИА новости, 28 января 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200128/1563949501.html> (дата обращения: 11.05.2020 г.).

2. Посольство США приписало освобождение Освенцима американской армии [Электронный ресурс] // РИА новости, 29 января 2020 года. URL: <https://ria.ru/20200129/1563993255.html> (дата обращения 11.05.2020 г.).

3. Baldwin H. Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.

4. Нарочницкая Н.А. Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика // Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. ред. Н.А.Нарочницкая. М.: Вече, 2010 г. С. 18 - 33.

5. Аксененко С. Великая ложь о Великой войне. Разоблачение фальсификации истории Великой Отечественной [Электронный курс] / URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/aks_vov.php / (дата обращения 12.05.2020 г.).

6. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Резолюция_ПАСЕ_№_1_481 (дата обращения: 11.05.2020 г.).

7. Пражская декларация о европейской совести и коммунизме [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пражская_декларация_о_европейской_совести_и_коммунизме (дата обращения: 11.05.2020 г.).

8. Итоги Европарламента // Сегодня.Ру. 23 сентября 2019. <http://www.segodnia.ru/content/219358>.

9. Захарова назвала резолюцию Европарламента исторической фальсификацией [Электронный ресурс] // Российская газета, 20 сентября 2019 г. URL: <https://rg.ru/2019/09/20/zaharova-nazvala-rezoliuciiu-evroparlamenta-istoricheskoi-falsifikaciej.html> (дата обращения 12.05.2020 г.).

10. Путин назвал бредом резолюцию Европарламента о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Интерфакс, 24 декабря 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe> (дата обращения: 12.05.2020 г.).

11. Европейцы об освобождении Европы от фашизма [Электронный ресурс] // Sputnik, 28 апреля 2015. URL: <https://tj.sputniknews.ru/infographics/20150428/1015294406.html> (дата обращения: 12.05.2020 г.).

12. Нарочницкая Н.А. Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика // Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. ред. Н.А.Нарочницкая. М.: Вече, 2010 г. С. 18 - 33.

13. Президент предложил в Конституцию поправку о защите исторической правды [Электронный ресурс] // Российская газета, 2 марта 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/03/02/prezident-predlozhit-v-konstituciiu-popravku-o-zashchite-istoricheskoi-pravdy.html> (дата обращения: 12.05.2020 г.).

Falsification of the results of World War II as an instrument of the ideological struggle of Western countries against Russia

Marmazova T.I.,

Russian University of Economics. G.V. Plekhanova

The article examines the methodical attempts of Western politicians to distort the truth about the Second World war, about the role of the red army and the Soviet people in the victory over Nazism. The author comes to the conclusion about the need to counter the falsification of history, to prevent the distortion of facts and belittling the value of the feat of the people in defending the Fatherland and fix this item in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic war, World War II, Great Victory, falsification of history, historical memory, Red army, Constitution of the Russian Federation.

References

1. Der Spiegel attributed the liberation of Auschwitz to the US Army [Electronic resource] // RIA Novosti, January 28, 2020 URL: <https://ria.ru/20200128/1563949501.html> (date accessed: 05/11/2020).
2. The US Embassy attributed the liberation of Auschwitz to the American army [Electronic resource] // RIA Novosti, January 29, 2020. URL: <https://ria.ru/20200129/1563993255.html> (date of treatment 05/11/2020)
3. Baldwin H. Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.
4. Narochnitskaya N.A. Yalta conference of 1945 and modern geopolitics // Yalta-45. Inscriptions of the new world / Otv. ed. N.A. Narochnitskaya. M.: Veche, 2010, pp. 18 - 33.
5. Aksenenko S. Great lie about the Great War. Exposing the falsification of the history of the Great Patriotic War [Electronic course] / URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/aks_vov.php / (date of treatment 05/12/2020)
6. Resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe No. 1481 [Electronic resource] // Wikipedia.

URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Resolution_PACE_No_1481
(date of access: 05/11/2020).

7. Prague Declaration on European Conscience and Communism [Electronic resource] // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Prague_Declaration_On_European_conscience_and_Communism (date accessed: 05/11/2020)
8. Results of the European Parliament // Segodnya.Ru. September 23, 2019. <http://www.segodnia.ru/content/219358>.
9. Zakharova called the resolution of the European Parliament a historical falsification [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta, September 20, 2019 URL: <https://rg.ru/2019/09/20/zaharova-nazvala-rezoliuciiu-evroparlamenta-istoricheskoy-falsifikaciej.html> (date of circulation 05/12/2020)
10. Putin called the European Parliament resolution on World War II nonsense [Electronic resource] // Interfax, December 24, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe> (date accessed: 05/12/2020).
11. Europeans about the liberation of Europe from fascism [Electronic resource] // Sputnik, April 28, 2015. URL: <https://tj.sputniknews.ru/infographics/20150428/1015294406.html> (date of access: 12.05.2020).
12. Narohnitskaya N.A. Yalta conference of 1945 and modern geopolitics // Yalta-45. Inscriptions of the new world / Otv. ed. N.A. Narohnitskaya. M.: Veche, 2010 S. 18 - 33.
13. The President proposed an amendment to the Constitution on the protection of historical truth [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta, March 2, 2020 URL: <https://rg.ru/2020/03/02/prezident-predlozhil-v-konstituciiu-popravku-o-zashchite-istoricheskoy-pravdy.html> (date accessed: 05/12/2020)

Основные проблемы защиты прав на товарный знак

Крысанов Алексей Михайлович

студент Института экономики и права, РТУ МИРЭА

Из-за того, что общество постоянно развивается, то вопросы интеллектуальной собственности со стороны законодателя и правоприменителя становятся всё более острее и более актуальнее. В данной статье рассматриваются основные проблемы защиты прав на товарный знак, также приводятся и анализируются примеры из судебной практики.

Ключевые слова: товарный знак, интеллектуальная собственность, правообладатель, Роспатент, проблема защиты прав.

На сегодняшний день, огромное влияние как на развитие, так и на деятельность отдельных правообладателей, а также целых отраслей промышленности влияет непосредственный наиболее правильный выбор защиты прав на товарный знак. Ведь значение товарных знаков в интеллектуальной собственности каждый день возрастает¹. Это можно попробовать объяснить тем, что товарный знак имеет неограниченный срок жизни, также можно отметить, что обеспечение правовой охраны товарного знака, а также само его получение намного дешевле по сравнению с патентом.

Если исходить из статьи 1477 Части четвёртой ГК РФ, то под товарным знаком понимается – зарегистрированные в установленном порядке обозначения, служащие для индивидуализации товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг юридическими лицами либо индивидуальными предпринимателями.

В соответствии со статьей 1482 ГК Российской Федерации, в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объёмные и другие обозначения или их комбинации².

Таким образом, товарный знак может быть образован одним или несколькими словами, буквами, цифрами или изображениями, комбинациями цветов. Товарный знак может также состоять из комбинации вышеизложенного.

Если опираться на статью 1484 Гражданского Кодекса Российской Федерации, то можно выявить, что правообладателю принадлежит исключительное право использования товарного знака любым не противоречащим закону способом на имя которого зарегистрирован товарный знак.

Вследствие всего вышесказанного, можно утверждать, что закон прямо предусматривает, что в отношении товаров никто не вправе использовать однотипные или схожие с его товарным знаком обозначения, для индивидуализации которого и был зарегистрирован товарный знак.

В соответствии с законом, правообладатель товарного знака обладает правами: распоряжаться, пользоваться и запрещать пользоваться своим знаком другим лицам³. При этом прямо оговаривается, что отсутствие запрета не считается «молчаливым» согласием и другие лица не вправе использовать средство индивидуализации без со-

¹ См.: Никольский С. В. Гражданско-правовая защита имущественных прав. Саратов. 2013. С. 54.

² См.: Андреев Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты Москва. 2016. С. 64.

³ См.: Зыков Е. В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности. Москва. 2008. С. 22.

гласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством⁴.

На вопрос почему товарный знак нужно рассматривают как объект интеллектуальной собственности можно ответить тем, что придумать, разработать и составить уникальное обозначение товарного знака можно только в процессе творческой деятельности.

В связи с этим, можно выделить следующие признаки товарного знака, которые он должен обладать, чтобы пройти регистрацию в Роспатенте:

1. Обладать различительной способностью;
2. Не использовать сочетания букв, не имеющие словесного характера (например, РВП, ТВГ) и характерного графического исполнения;
3. Не использовать официальную символику, официальные названия и изображения объектов культурного наследия;
4. Не вводит потребителя в заблуждение, не является ложным или общеизвестным;
5. Не содержать обозначение, идентифицирующее иностранные алкогольные напитки;
6. Не противоречить общественным интересам, принципам гуманности и морали⁵.

Выходит, что товарный знак – это не просто случайное слово или красивое изображение. Так товарным знаком может быть: звук (Apple которая зарегистрировала **звук** включения Macintos), цвет (Gucci), вывески, этикетки, формы бутылок и т.д.

Для обеспечения охраны прав на товарный знак проводится процедура регистрации в Роспатенте. В этом процессе рассмотрения заявления производится экспертиза, в конце которой автору даётся свидетельство – охранный документ⁶. Только это свидетельство подтверждает, что информация о товарном знаке включена в федеральный реестр объектов интеллектуальной собственности. Благодаря этому свидетельству, появляется возможность не только использовать товарный знак в целях популяризации продукта, но и передавать или отчуждать права на него третьим лицам.

В данном случае вызывает интерес принцип – исчерпание исключительного права на товарный знак, или же – отсутствие возможности у правообладателя препятствовать использовать товарный знак к товарам, которые были правомерно введены самим правообладателем в гражданский оборот или же с его согласия, который, в некоторой степени лишает возможности правообладателя защищать свои законные интересы и свою интеллектуальную собственность. Если мы обратимся к судебной практике, а именно – Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2017 года № 19АП-3826/2016 по делу N А35–8325/2015, то мы можем рассмотреть принцип

исчерпание исключительного права на товарный знак **публичного акционерно общества (далее ПАО) «КАМАЗ»**, которые является правообладателем товарного знака КАМАЗ (далее правообладатель). В ходе разбирательства, было выявлено, что правообладатель обнаружил, что некое юридическое лицо (далее ответчик) без какого-либо разрешения использует обозначение КАМАЗ в своём каталоге и реестре. Так же выяснилось, что ответчик производил продажу технику марки КАМАЗ, а также предлагал продажу запчастей к этой технике.

Если попытаться проанализировать действия ответчика, то можно предположить, что его действия в вышеприведённой ситуации действительно задевают законные интересы правообладателя, ведь действия ответчика могут привести к тому, что потребитель будет считать ответчика официальным представителем автомобильного завода, а по сервису и работе у потребителя будет складываться впечатление непосредственно об правообладателе как о плохом и не качественном дилере. Что в случае негативного опыта, может негативно сказаться на репутации правообладателя. В ходе разбирательства судом было установлено, что ответчик добросовестно приобретал реализуемую технику и запасные части к ней у официального дилера правообладателя, а указанные товары были введены в гражданский оборот правомерно и с согласия правообладателя. Следовательно, указание товарного знака в каталоге и на страницах сайта с предложением к продаже и ремонту в данном случае не свидетельствуют о незаконности использования товарного знака.

Законодательство Российской Федерации предоставляет правообладателям широкие возможности в части охраны их исключительных прав на товарные знаки, в том числе возможность выбора между определенными способами охраны.

Но на сегодняшний день, как показывает статистика, в поисках защиты своих прав до вышестоящих инстанций доходит только каждое третье дело.

Если бы в законе давалось более точное и чёткое формулировка границ дозволенного при использовании чужой интеллектуальной собственности, скорее всего, не было бы такого огромного количество споров по данным вопросам⁷. Так как мы живём в 21 веке и общество постоянно развивается, то вопросы интеллектуальной собственности со стороны законодателя и правоприменителя становятся всё более острее и более актуальнее, а эти вопросы и проблемы требуют постоянного внимания к себе.

Так же необходимо проработать вопросы о способах размещения средств индивидуализации в сети Интернет, осуществляемых не только путем включения словесных обозначений в доменные имена, но и в ссылки (в том числе глубинные

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Москва. 1981. С. 17.

⁵ См.: Цветков И. В. Гражданско-правовая защита интеллектуальной собственности. Ульяновск. 2014. С. 21.

⁶ См.: Кархалев Д. Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения. Екатеринбург. 2015. С. 12-14.

⁷ См.: Орлова В. В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности. Москва. 2015. С. 52-53.

ссылки), метатеги. Как показывает практика, включение вербальной нотации возможно даже в HTML-код веб-страницы. Эти методы требуют детального рассмотрения и правовой оценки.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что товарный знак, является охраняемым объектом гражданских прав и средством индивидуализации товара, выполняющий важную функцию-выделения определенного товара из общего количества однородных товаров и позволяющий потребителю сделать выбор в пользу проверенного качества товара, и что под товарный знак нужно совершенствовать законодательное регулирование исключительного права на товарный знак, а также сделать более четкое и точное определение использования чужой интеллектуальной собственности в виде товарного знака.

Литература

1. Зыков Е. В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности. Москва. 2008. С. 22.
2. Кархалев Д. Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения. Екатеринбург. 2015. С. 12-14.
3. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России. Москва. 2014. С. 16.
4. Никольский С. В. Гражданско-правовая защита имущественных прав. Саратов. 2013. С. 54.
5. Орлова В. В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности. Москва. 2015. С. 52-53.
6. Погребинская Т. Ю. Соответствие общественным интересам, принципам гуманности и морали как условие охраноспособности товарного знака в Российской Федерации. Москва. 2003. С. 4-5.
7. Рубин О. Ф. Государственно-правовая охрана интеллектуальной собственности в России: XIX начало XXI вв. Москва. 2017. С. 92.
8. Цветков И. В. Гражданско-правовая защита интеллектуальной собственности. Ульяновск. 2014. С. 21.
9. Алексеев С. С. Общая теория права. Москва. 1981. С. 17.
10. Андреев Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты Москва. 2016. С. 64.

Main problems of protection of trademark rights

Krysanov A.M.

RTU MIREA.

This article discusses the main problems of protection of trademark rights, as well as provides and analyzes examples from judicial practice. Due to the fact that society is constantly evolving, the issues of intellectual property on the part of the legislator and law enforcement are becoming more acute and more relevant.

Keywords: trademark, intellectual property, right holder, Rospatent, problem of rights protection.

References

1. Zykov EV Civil protection of intellectual property rights. Moscow. 2008.S. 22.
2. Karkhalev DN Concept of protective civil legal relationship. Ekaterinburg. 2015.S. 12-14.
3. Karkhalev DN Correlation between protection measures and measures of responsibility in civil law of Russia. Moscow. 2014.S. 16.
4. Nikolsky SV Civil law protection of property rights. Saratov. 2013.S. 54.
5. Orlova VV Theory and practice of individualization in the field of intellectual property. Moscow. 2015.S. 52-53.
6. Pogrebinskaya T. Yu. Compliance with public interests, principles of humanity and morality as a condition for the protection of a trademark in the Russian Federation. Moscow. 2003.S. 4-5.
7. Rubin O. F. State legal protection of intellectual property in Russia: XIX early XXI centuries. Moscow. 2017.C 92.
8. Tsvetkov IV Civil legal protection of intellectual property. Ulyanovsk. 2014.S. 21.
9. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow. 1981.S. 17
10. Andreev Yu. N. Judicial protection of exclusive rights: civil aspects Moscow. 2016.S. 64.

Интеллектуальная собственность в Российской Федерации: сущность, проблемы реализации и перспективы развития

Курков Даниил Алексеевич

студент Института экономики и права, РТУ МИРЭА

Целью данной статьи является выявление понятия интеллектуальной собственности, обзор основных проблем в области прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации, а также выдвигается ряд предложений для развития и усовершенствования системы охраны прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторское право; результаты интеллектуальной деятельности.

Термин “прогресс” очень часто относится к категории философских споров, в которых размышляют о том, есть ли он, или его нет, но в любом случае наш мир меняется, на смену одному приходит другое- новое, или просто хорошо забытое старое. Во всяком случае, в настоящее время многие страны, как правило, считаются странами так называемого “постиндустриального” периода, в котором индустрия знаний играет важную роль. Развитие данной отрасли привело к тому, что роль интеллектуальной собственности, а также её учет и защита, резко возросла. Учитывая также условия активного расширения международной торговли, в купе с которой прилагается и глобализация, интеллектуальная собственность вышла на передний план среди тем для дискуссий и обсуждений. Возникла острая необходимость бухгалтерского, налогового учета данной сферы, а также обеспечения защиты объектов интеллектуальной собственности.

Исходя из положений “Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности”, понятие “интеллектуальная собственность” характеризуется как совокупность прав, которые применяются к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам и знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, к защите от недобросовестной конкуренции, результатам деятельности в производственных, научных, литературных и художественных сферах⁸.

Итак, с забугорными всеми этими их определениями понятно, а что у нас? Отечественный Гражданский кодекс вводит понятие “интеллектуальная собственность”, но при этом забывает дать ему фактическое раскрытие содержания. Также, например, статья 44 Конституции Российской Федерации⁹, а именно часть 1, гарантирует каждому свободу во всех областях творческой деятельности, которая в свою очередь опирается на такие положения Конституции – о защите интеллектуальной собственности, о защите от недобросо-

⁸ См.: Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14 б.кз 1967 г.) (в ред. От 02.10.1979). (URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059)). (дата обращения: 16.12.2019).

⁹ См.: Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

вестной конкуренции, о свободе информации, мысли и слова, - так и на общепризнанные принципы и нормы международного права. Если говорить коротко и по делу, то интеллектуальная собственность - это все, что связано с результатами умственной и творческой деятельностью человека, что охраняется законом.

Результаты интеллектуальной деятельности четко определены в отечественном ГК, а именно в статье 1225 "Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации"¹⁰.

Сразу стоит отметить первое замечания, а именно закрытость перечня, который не предусматривает иных объектов интеллектуальной деятельности, что противоречит общему и открытому понятию "интеллектуальная собственность", которое было сформировано Всемирной декларацией по интеллектуальной собственности (от 26.06.2000 г.). Согласно которому интеллектуальная собственность понимается как "любая собственность, признаваемая по общему согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающей охраны, включая, но не ограничиваясь, научными и техническими изобретениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями", примерно то, о чем мы говорили выше.

Что же, с общими определениями понятий, я думаю, мы разобрались, что там по проблемам реализации? Пожалуй, одними из самых неприятных проблем для интеллектуальной собственности являются:

1. Защита авторских прав в интернете (пиратство). Проблема в том, что с помощью интернет-хакеров, например, любители музыки скачивают из Интернета около 95% музыкального контента. То есть почти все, что можно найти в Интернете, не приносит денег авторам. И подавляющее большинство потребителей - около 70% - не видят в этом ничего плохого. Особое внимание следует уделить программному обеспечению (программному обеспечению), потому что, скачивая нелегальные приложения, пользователи также получают ряд проблем. Microsoft провела отдельное исследование о том, какие люди скачивают нелегальное программное обеспечение Microsoft из сети "Интернет". По полученным данным, 30% вместе с программным обеспечением получают вредоносные вирусы, 40% - образ системы с ограниченной функциональностью, в 5% случаев загрузка операционной системы заняла более 14 часов.

2. Проблема с патентным "рейдерством". Включается она в том, что недобропорядочный гражданин регистрирует товарный знак, который крайне похож на уже существующий и имеющий

отличную репутацию товарный знак добропорядочного предпринимателя, с целью либо получения дохода от продажи фактически контрафактных товаров, либо даже захвата данного товарного знака.

3. Проблема инновации бизнеса. В нашей стране около 60% научных расходов составляют бюджетные расходы, но количество реализованных результатов от государственных заказов минимально. Есть две основные причины - незаинтересованность компаний в инновациях и незнание (или неспособность) продавца контролировать участие разработок в экономическом обороте¹¹.

И вот читаешь, смотришь на это все и задаёшься вопросом: "Как же так, братцы? Ведь за нарушение авторских и смежных прав наступает гражданская, уголовная и административная ответственность, зачем так делать? И как же быть?". Что же, хочется подчеркнуть, что в настоящий момент времени не все так плохо, как могло быть, шаги по улучшению системы охраны интеллектуальной собственности пусть и не летят снежным комом по горе, но идут и идут достаточно уверенно. Подходя к завершению моей работы, хотелось бы выделить, так какие же принципы, а также задачи необходимо выполнять и соблюдать, чтобы достичь желаемых результатов:

1. Соблюдать общеправовые принципы, такие как: справедливость, законность, юридическое равенство граждан перед законом и судом и т.д.;

2. Совершенствовать нормативно - правовую базу охраны интеллектуальной собственности путем анализа действующего законодательства;

3. Реализация всеобъемлющей политики в области охраны интеллектуальной собственности, чтобы найти баланс между интересами пользователей и создателей интеллектуальной собственности;

4. Повышение правовой культуры граждан с учетом их менталитета;

5. Обеспечить безоговорочное выполнение решений судов по спорам в области интеллектуальных прав.

Несомненно, что указанные меры направлены на то, чтобы быть позитивными и прогрессивными для правильного функционирования, а также на минимизацию нарушений законодательства в сфере интеллектуальной собственности, но практические результаты и преимущества нововведений будут видны только через некоторое время в процессе их реализации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от

¹⁰ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230 -ФЗ (ред. От 01.07.2017) (с изм. и доп. вступ. в силу с 18.07.2019)

¹¹ См.: Проблемы интеллектуальной собственности в России [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20070426/64423505> (дата обращения: 16.12.2019).

30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230 –ФЗ (ред. От 01.07.2017) (с изм. и доп. вступ. в силу с 18.07.2019)

3. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14 б.кз 1967 г.) (в ред. От 02.10.1979). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059)).

4. Карпов Е.С. Статистическое исследование патентной активности России в 2000–2011 годах // Вопросы статистики. – 2011. – №12. – С. 38–40.

5. Проблемы интеллектуальной собственности в России [Электрон. ресурс]. (Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20070426/64423505.html>). (дата обращения: 16.12.2019).

Intellectual property in the Russian Federation: essence, problems of realization and prospects of development

Kurkov D.A.

RTU MIREA.

The purpose of this article is to identify in a brief form the main problems in the field of intellectual property rights in the Russian Federation, as well as put forward a number of proposals for the development and improvement of the system of protection of intellectual property rights.

Keywords: intellectual property; copyright; results of intellectual activity.

References

1. The Constitution of the Russian Federation "(adopted by popular vote 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ, of 30.12.2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 21.07.2014 N 11-FKZ)
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on July 1, 2017) (with amendments and additions entered into force on July 18, 2019)
3. Convention establishing the World Intellectual Property Organization (Stockholm, 14 b.kz 1967) (as amended on 02.10.1979). URL: [http / www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_5059](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059))).
4. Karpov E.S. Statistical study of patent activity in Russia in 2000–2011 // Questions of statistics. - 2011. - No. 12. - S. 38-40.
5. Problems of intellectual property in Russia [Electron. resource]. (Access mode: <http://ria.ru/interview/20070426/64423505.html>). (date of access: 16.12.2019).

Основные подходы к охране программных продуктов в Израиле

Тарасов Артем Владимирович
студент Института экономики и права, РТУ МИРЭА.

В статье проанализированы основные подходы к охране программных продуктов в Государстве Израиль. В настоящее время наблюдается активное развитие информационных технологий во всем мире, в том числе и в Израиле, где размещены производственные мощности различных высокотехнологичных и IT-компаний и работает более пяти тысяч стартапов в области IT. В работе проведен краткий анализ изменения ситуации на рынке информационных технологий, изучены предпосылки к развитию высокотехнологичной сферы, отмечена положительная динамика развития IT-рынка в Израиле. Проанализированы также возможные подходы к правовой охране программных продуктов и выявлена основная нормативная основа для ее осуществления.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, Государство Израиль, программный продукт, стартап.

Авторское право в Израиле – совокупность правовых норм в Государстве Израиль, устанавливающих правовые отношения между авторами, издателями и обществом. В настоящее время законодательно авторское право в Израиле регулируется Законом «Об авторском праве» от 2007 года (с изменениями от 28 июля 2011 года). Израиль является страной, подписавшей все основные международные документы, регламентирующие правоотношения в рамках авторского права.

Авторское право в Израиле по статусу приравнивается к конституционному праву, в пределах свобод слова. В отличие от многих других государств, имеющих регистрационные органы авторского права (например, Бюро авторского права США), Израиль не предоставляет регистрацию авторским произведениям. Авторское право на произведение появляется автоматически по факту создания уникальной работы.

Рассматривая высокую степень развитости законодательной базы, можно с уверенностью сказать, что интеллектуальная собственность в Израиле отлично защищена необходимыми на сегодняшний день мероприятиями (законами, национальными либо международными, приказами, а так же специально разработанными инструкциями). Охрана интеллектуальной собственности распространена на такие понятия, как охрана патентов, товарных знаков, промышленных образцов и охрану авторского права. Охранные мероприятия этих объектов интеллектуальных разработок имеют схожие черты, но и различия, например, законодательная основа у каждого из них разная.

Возможности охраны патентов, к примеру, излагаются в имеющемся Законе о патентах. Главным является то, что патенты предоставляются лишь на объекты, отвечающие определенным требованиям и на ограниченный период – максимум на 20 лет.¹² Этими определенными требованиями могут быть новизна разработки, причем в мировом формате, степень полезности предмета, возможная промышленная либо сельскохозяйственная область применения. В данном случае охраняются устройства, способы, пищевые и лекарственные вещества. Возможность выдачи патентов поручена патентному ведомству.

Законодательно права владельцев товарных знаков определены в Декрете о товарных знаках и Инструкции. Для законного использования товарный знак проходит регистрацию. Для этого его

¹² См.: Дашян, М. С. Авторское право. Абсурд и гениальность: монография. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — С. 90-91.

разработчиком в патентное ведомство подается письменное заявление, где перечисляется весь список товаров или услуг, обязательно уточняется класс принадлежности объектов по образцу Ниццской Классификации и сообщается об уплате госпошлины. После прохождения процедуры одобрения, регистрация знака будет действовать 10 лет, с возможностью возобновления на такой же период. Важно знать, что полученное в ведомстве одобрение может быть опротестовано в течение 3 месяцев, начиная со дня публикации.¹³

В области защиты промышленных образцов применяются Декрет о патентах и промышленных образцах и специальная Инструкция. Предмет охраны - уникальные внешний вид и интересная форма изделий, а так же их украшение, орнамент или разработанная оригинальная композиция.

Промышленный образец может быть зарегистрирован Ведомством патентов на 5 лет, повторно возобновить регистрацию возможно на такой же срок и только 2 раза.

При защите своих прав авторы могут опираться на Закон об авторском праве, а так же на Декрет и специальную Инструкцию. Охране прав авторов подлежат: литературные произведения, произведения искусства и науки (книги, лекции, научные статьи, фотографии, архитектурные изделия, скульптуры, кинофильмы, живопись и т.д.).¹⁴ Смысл Авторского права в том, что только автору предоставляется исключительная возможность воспроизведения своих творений либо их частей перед аудиторией любым законным способом (это может быть, например, экранизация фильма, публичное выступление на сцене, публикация написанной книги, перевод на другой язык и т.д.). Авторское право в Израиле имеет существенную разницу от других объектов интеллектуальной собственности в том, что не требует ни регистрации, ни проведения каких-либо других действий, оно возникает у автора сразу же после авторского показа, и оно будет действовать после этого всю его жизнь, а так же 70 лет после его смерти.¹⁵

Основной формой охраны компьютерной программы в Израиле является авторское право, которое начинает действовать с момента ее создания. Авторское право Государства Израиль опирается на британскую систему права интеллектуальной собственности и международные договоры (в т.ч. и Бернскую конвенцию по охране литературных и художественных произведений 1886 г.). В соответствии с Бернской конвенцией, которая была подписана и впоследствии ратифицирована Государством Израиль в 1949 г., а также прилагающимися к ней актам, в Израиле исключительное

право на произведение действует в течение жизни автора и спустя семьдесят лет после его смерти. Как правило, автором признают создателя компьютерной программы, но при условии, что его вклад в разработку должен быть весомым, а качество этого вклада - высоким. Программный продукт в Израиле, в соответствии с нормами действующего на его территории авторского права, не подлежит регистрации. За различные нарушения закона, связанные с преднамеренным нарушением авторского права в коммерческом контексте в Государстве Израиль предусмотрена уголовная ответственность.

Также имеется возможность патентования программного продукта. Поскольку сейчас очень велика вероятность создания программных продуктов с одинаковыми или сходными названиями, это безусловно может создать существенные проблемы, связанные с охраной права. Поэтому разрешено регистрировать логотип и отличительное имя компьютерной программы в качестве товарного знака. Регистрация товарного знака не является формой охраны программного продукта, однако может стать существенным дополнением к его правовой охране.

Развитие информационных технологий оказывает большое влияние на экономику Израиля и его экономическое развитие. Прикладное программное обеспечение обычно определяется как основной блок в информационных технологиях. Поэтому правовая защита программного обеспечения становится одним из важнейших вопросов в сфере IT.

Подводя итоги, стоит сказать, что закон об интеллектуальной собственности в Израиле в основном основан на британском законе об интеллектуальной собственности. Международное законодательство, касающееся интеллектуальной собственности, также влияет на израильское законодательство в области ИС. Как и в большинстве стран, в Израиле программное обеспечение считается объектом авторского права и защищено в соответствии с его положениями. В соответствии с основным принципом закона об авторском праве программное обеспечение защищено с момента его создания. Это означает, что программное обеспечение в Израиле не подлежит регистрации или какой-либо другой процедуре в своем роде. Также возможно зарегистрировать логотип и уникальное название программного обеспечения в качестве товарного знака, и это может стать существенным дополнением к защите закона.

Литература

1. Дашян, М. С. Авторское право. Абсурд и гениальность: монография.—М.: Волтерс Клувер, 2011. — С. 90-91. — 632 с.

2. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. — 216 с.

3. Рогожин С.П., Сазанова С.Л. Интеллектуальные права собственности: институциональный подход // Управление — 2016. — С. 45.

¹³ См.: Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. — 216 с.

¹⁴ См.: Виноградова О.М. Проблемы охраны интеллектуальной собственности: глобальный уровень // Вопросы теории и практики журналистики — 2015. — 96 с.

¹⁵ См.: Рогожин С.П., Сазанова С.Л. Интеллектуальные права собственности: институциональный подход // Управление — 2016. — 45 с.

4. Виноградова О.М. Проблемы охраны интеллектуальной собственности: глобальный уровень // Вопросы теории и практики журналистики

The main approaches to the protection of software products in Israel

Tarasov A.V.

RTU MIREA

The article analyzes the main approaches to the protection of software products in the State of Israel. Currently, there is an active development of information technologies around the world, including in Israel, where the production capacities of various high-tech and IT companies are located and more than five thousand startups in the field of IT are operating. The paper provides a brief analysis of the changes in the situation on the information technology market, studies the prerequisites for the development of the high-tech sphere, and notes the positive dynamics of the development of the IT market in Israel. Possible approaches to the legal protection of software products are also analyzed and the main regulatory framework for its implementation is identified.

Keywords: intellectual property, copyright, state of Israel, software product, startup.

References

1. Dashyan, M. S. Copyright. Absurdity and genius: monograph.-M.: Walters Kluver, 2011. - S. 90-91. - 632 p.
2. Intellectual property rights. T. 1. General provisions: Textbook / Under total. ed. Doctor of Law, prof. L.A. Novoselova. - M.: Statut, 2017. -- 216 p.
3. Rogozhin S.P., Sazanova S.L. Intellectual property rights: an institutional approach // Management - 2016. -- P. 45.
4. Vinogradova OM Problems of intellectual property protection: global level // Questions of theory and practice of journalism

Вопросы регулирования института промышленной собственности в законодательстве Испании

Коновалов Николай Николаевич,
к.ю.н., доцент кафедры прикладного права РТУ МИРЭА

Кондратюк Александр Юрьевич,
студент Института экономики и права, РТУ МИРЭА.

Статья посвящена вопросам регулирования института промышленной собственности (патентного права, а также прав на средства индивидуализации) в законодательстве Испании. В статье ставится проблема рассмотрения обобщения и систематизации знаний в сфере интеллектуального права Испании в целом и промышленных прав в частности, а также сравнение испанского регулирования института промышленной собственности с российским. В статье рассматривается проблема изучения законодательной базы Испании в сфере интеллектуальной собственности, включая международно-правовое регулирование, не обойдется и проблема видов объектов права промышленной собственности в Испании, исходя из испанского законодательства и доктрины. Считаю целесообразным ввести общие нормы дефиниции для лучшего понимания правовой природы явлений в сфере интеллектуального права и упрощения толкования законов, так как большинство терминов, регламентированных законодательством Испании, полными и достаточными для использования в практической деятельности.

Ключевые слова: промышленные права, интеллектуальная собственность, патентное право, патенты, изобретения, товарные знаки, знаки обслуживания, средства индивидуализации, право Испании.

На сегодняшний день право промышленной собственности, наряду с авторским правом и правами, смежными с ним, является элементом ведения бизнеса и в то же время играет значительную роль в экономической деятельности не только крупных компаний, но и отдельных индивидов (как, например, в случае с патентами). Актуальной проблемой статьи является то, что промышленная собственность приобретает все большее значение во всем мире в связи с развитием уровня технического оснащения и усложнением производства, появления новых научных открытий в сфере медицины, энергетики, прикладной физики и т.д.

Изучение зарубежного опыта регулирования института интеллектуальной собственности в целом и промышленных прав в частности представляет особый интерес для правоведов, стремящихся совершенствовать отечественное регулирование в данной сфере. Об аналогичных институтах в российском праве пишут В. С. Савина, И. А. Близнец, Ю. А. Омарова и др. В последнее время в России проводятся многочисленные исследования законодательства европейских стран, однако именно испанский опыт на сегодняшний день мало изучен, русскоязычных источников по этой теме практически нет.

В Испании же изучением данной темы занимались многие правоведы, такие как Патрисия Гарсия-Эскудеро (Patricia GarcíaEscudero), Альберто Касадо Сэрвиньо (Alberto Casado Cerviño), Х. Патрисо Саис Гонсалес (J. Particio Sáis Gonzáles), Антонио Абриль Абадин (Antonio Abil Abadín), М. Фелипе Руис Морено (M. Felipe Ruiz Moreno) и др.

Испания входит в группу стран континентальной правовой семьи, где основным источником права является закон. Конституция Испании предоставляет государству исключительную компетенцию в сфере гражданского права, но в то же время устанавливает необходимость уважать специальные гражданско-правовые нормы автономных сообществ, где действует свой свод гражданского законодательства, именуемый «Кодексом» (исп. Código). Примечательно, что в Гражданском кодексе Испании праву интеллектуальной собственности посвящены лишь две статьи, но в них право промышленной собственности прямо не упомянуто. Однако, согласно ст. 428 Гражданского кодекса Испании, «автор произведения литературы, науки и искусства имеет право использовать его и распоряжаться им по своему усмотрению». Анализ испанского права в этой сфере даёт основание предполагать, что именно под термином «произведение науки» понимаются такие объекты промышленной собственности, как,

например, изобретения, а товарные знаки можно причислить к «произведениям искусства», так как они являются результатом творческой деятельности.

Столь лаконичное регулирование вопросов интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе Испании подразумевает наличие целого ряда специальных законов: Закона «Об интеллектуальной собственности» и группы законов, регулирующих каждый из видов объектов промышленной собственности: Закон 24/2015 от 24 июля 2015 г. «О патентах», Закон 17/2001 от 7 декабря 2001 г. «О товарных знаках», Закон 20/2003 от 7 июля 2003 г. «О юридической защите права на промышленный образец», Закон 11/1988 от 3 мая 1988 г. «О юридической защите права на топологии интегральных микросхем». В них подробно описано содержание прав на соответствующий объект интеллектуальной собственности, а также процедура регистрации и защиты прав. По сути, именно эти законы и являются основными актами, которые регламентируют права на объекты промышленной собственности.

Регулирование в этой сфере также дополняют подзаконные акты – королевские указы (например, Королевский указ 687/2002 от 12 июля 2002 г., которым принят Регламент исполнения Закона «О товарных знаках»).

Являясь членом ЕС, Испания подчиняется в том числе нормам права ЕС. Е. Б. Леанович пишет, что в историческом аспекте интеллектуальное право ЕС сформировалось настолько качественно, что сегодня практически все вопросы урегулированы коммунитарными нормами. Примечательно также, что Суд ЕС распространяет положения о промышленной собственности на всю интеллектуальную собственность (е.g. дело 62/79 Coditel v Cine Vog). Среди источников как таковых следует упомянуть Мюнхенскую конвенцию о выдаче Европейского патента 1973 г., ряд регламентов, которые регулируют каждый из видов объектов промышленной собственности (например, Регламент о товарном знаке Сообщества 1993 г., Европейскую патентную конвенцию (или Конвенцию о выдаче европейских патентов) 1973 г. и др.

На примере законодательства ЕС по товарным знакам можно проследить, что основными тенденциями регулирования данной отрасли являются унификация и гармонизация. Именно на это была направлена и Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2008/95/ЕС от 22 октября 2008 г. о сближении законодательств государств-членов о товарных знаках. Многие вопросы права промышленной собственности регулируются международными договорами, стороной которых является Испания. К многосторонним международным договорам в этой области относятся, например, Конвенция Организации Объединённых Наций о договорах международной купли-продажи товаров, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, Соглашение, учреждающее Всемирную торговую организацию, Парижская

конвенция по охране промышленной собственности, Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации, Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков и др. Среди двусторонних соглашений следует упомянуть Соглашение между Аргентинской Республикой и Испанией о взаимном привлечении и защите инвестиций, а также аналогичные соглашения с другими латиноамериканскими странами. В то же время нельзя не отметить значительную роль региональных и международных актов, стороной которых является Испания, поскольку ими закреплены нормы, способствующие гармонизации права промышленной собственности во всех странах-участниках. Тенденции унификации и гармонизации законодательства в сфере промышленных прав способствуют упрощению процедурных аспектов и наиболее эффективной защите прав на объекты промышленной собственности.

Культурная и научная индустрии в Испании являются одними из наиболее значимых сфер не только из-за исключительной природы отношений и продуктов, которые их формируют, но и вследствие их важности для экономики государства: сфера интеллектуальной собственности составляет 4 % от всего ВВП Испании.

В испанской доктрине под интеллектуальной собственностью часто понимаются «произведения (результаты работы) человеческого интеллекта. Институт права промышленной собственности обособляется, наряду с авторским правом, в системе прав интеллектуальной собственности. В общемировой доктрине, в том числе в Испании (как, впрочем, и в России), право промышленной собственности принято определять через его объекты.

В публикации Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) «Понимание промышленной собственности» даётся наиболее узкое определение объектов промышленной собственности: «обозначения, при помощи которых происходит информирование покупателей о товарах и услугах, представленных на рынке». Строго говоря, такое понимание относится к средствам индивидуализации, а не ко всем объектам промышленной собственности. Профессор Отеро Ластерс (Otero Lastres) разделяет объекты, защищаемые правом промышленной собственности, на две группы: средства индивидуализации и результаты технического творчества – объекты патентования.

Испанский законодатель не закрепил чёткого перечня объектов интеллектуальной собственности, однако из анализа совокупности законодательных актов в рассматриваемой области можно сделать вывод, что в Испании предоставляется охрана следующим объектам промышленной собственности: товарные знаки и коммерческие обозначения: графические и/или словесные обозначения, которые помогают отличить один продукт, представленный на рынке, от других, похожих на него: патенты и полезные модели: изобретения,

которые представляют собой продукты или процессы производства и перепроизводства, создаваемые в промышленных целях; промышленные образцы: внешний вид продукта; топологии интегральных микросхем: схема различных слоёв и элементов, которые составляют интегральную микросхему, её трёхмерное изображение и взаимосвязи внутри микросхемы.

Однако наряду с так называемыми основными объектами, каждый из которых регулируется отдельным законом, выделяют ещё три: разнообразие сортов растений (селекционные достижения), секрет производства (*ноу-хау*) и географические указания. Последние хоть и не являются, по сути, результатом интеллектуальной деятельности, получают правовую защиту наравне с остальными объектами промышленной собственности. Важно упомянуть, что законодательство Испании относит географические указания к товарным знакам.

Закон 17/2001 от 7 декабря 2001 г. «О товарных знаках» регулирует правовой статус товарных знаков (исп. *marcas*) и коммерческих обозначений (исп. *nombres comerciales*). Причём в законе 9 титулов посвящено товарным знакам и лишь один – коммерческим обозначениям.

В Испании также охраняется коллективный товарный знак – это обозначение, понимаемое в смысле ст. 4 Закона «О товарных знаках», которое отличает товары и услуги компаний – членов определённой ассоциации от товаров и услуг других компаний на рынке. При этом получить регистрацию такого товарного знака могут лишь такие ассоциации, которые являются юридическими лицами.

К коллективным товарным знакам Закон «О товарных знаках» относит географическое указание – средство индивидуализации, существующее для идентификации географического района, на территории которого продукт производится, если свойства данного продукта зависят от природных и (или) людских факторов региона. Этому средству индивидуализации посвящён п. 3 ст. 62 Закона «О товарных знаках».

В Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) сказано, что данное средство индивидуализации «идентифицирует товар как происходящий с территории, региона или местности, где определённное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением».

Важно, что правообладатель коллективного товарного знака в виде географического указания не имеет абсолютного права на такой товарный знак. Это означает, что он не вправе запретить третьим лицам законно использовать то или иное географическое указание. Ещё одним видом товарного знака по испанскому праву является знак качества. Это обозначение, понимаемое в смысле ст. 4 Закона «О товарных знаках», используемое множеством компаний под контролем и с разрешения владельца обозначения, которое удостоверяет, что товар или услуга соответствует требованиям

относительно качества, состава (содержания), географического происхождения, технических условий производства товара или оказания услуги.

В соответствии с комментарием к Закону «О товарных знаках» главной функцией знака качества является гарантийная функция, т. е. функция защиты потребителя от некачественных товаров и услуг посредством проверки на соответствие предъявляемым требованиям.

Коммерческое обозначение стало новеллой испанского законодательства с принятием в 2001 г. нового Закона «О товарных знаках». Вообще, данный термин впервые возник в Парижской конвенции, ст. 8 которой устанавливает обязательную охрану коммерческих обозначений, несмотря на то, зарегистрированы ли они и являются ли частью товарного знака.

Коммерческое обозначение определено Законом как любое обозначение, выполненное графически, которое индивидуализирует компанию на рынке среди других компаний, ведущих аналогичную или похожую деятельность. Оно может состоять:

- 1) из фамилии, названия или фирменного наименования юридического лица;
- 2) из вымышленного названия;
- 3) из названия, связанного с деятельностью компании;
- 4) из анаграммы или логотипа;
- 5) из изображения, фигуры, рисунка;
- 6) из комбинации вышеперечисленных обозначений.

В целом к коммерческим обозначениям применяются те же правила, что и к товарным знакам, за некоторыми исключениями, перечисленными в титуле 10.

Закон 24/2015 от 24 июля 2015 г. «О патентах» содержит положения о патентах и полезных моделях. В отдельную главу вынесены нормы, касающиеся дополнительных сертификатов на медикаменты и фитосанитарные продукты.

Патент в испанской правовой доктрине определяют как исключительное право пользования изобретением, предоставленное правообладателю государством на временной основе. Однако из этого определения не следует, что патентообладатель не может использовать своё изобретения без патента, – патент лишь помогает защитить изобретение от неправомерного использования третьими лицами.

Учёные выделяют три вида патентов в Испании: патент на продукт – защита продукта в целом и его компонентов; патент на технологию – защита метода, механизма, формулы создания продукта; патент на использование – защита способа использования продукта.

Законодатель определяет патент через критерии патентоспособности, приведённые в ст. 4 Закона «О патентах». Критериями патентоспособности называются характеристики, которыми должен обладать продукт, процесс или идея, чтобы получить защиту посредством патента.

Итак, для получения патента объект патентования должен:

а) обладать новизной на мировом уровне (т. е. впервые найденным решением определённой проблемы);

б) быть результатом изобретательской деятельности (т. е. «неочевидным для любого эксперта в данной области»);

в) быть применимым в производстве (т. е. «производимым или используемым в любой отрасли промышленности, включая сельское хозяйство»).

Ни при каких обстоятельствах не обладают патентоспособностью:

- изобретения, использование которых противоречит общественному порядку, нормам морали и/или права (например, связанные с клонированием);

- разнообразие сортов растений (селекционные достижения);

- естественные биологические процессы воспроизведения животных и растений;

- методы хирургического вмешательства и диагностики;

- человеческое тело, его части, включая гены.

Закон «О товарных знаках» также перечисляет объекты, которые не могут быть признаны изобретением в смысле ст. 4, а именно:

1) открытия, научные теории, математические методы вычисления;

2) литературные, художественные и другие произведения искусства и науки;

3) стратегии, правила и методы интеллектуальной деятельности, которые используются в играх, а также для торгово-экономических целей;

4) компьютерные программы;

5) формы презентации информации.

Полезная модель – это применимое в промышленности изобретение, соответствующее критериям патентоспособности, которое заключается в придании продукту конфигурации, структуры или строения, позволяющего улучшить его практическое использование или производство.

Полезной моделью не может быть изобретение, касающееся биологической материи и фармацевтических препаратов. К полезным моделям применимы положения о патентах, за исключением установленных в титуле 13. Закон 20/2003 от 7 июля 2003 г. «О юридической защите права на промышленный образец» гласит, что промышленным образцом (дизайном – исп. *diseño*) признаётся внешний вид продукта или его части, который составляют, в частности, линии, контуры, цвета, форма, текстура или материалы самого продукта или его отделки.

Регистрации подлежат такие промышленные образцы, которые являются новыми и уникальными. Это значит, что не должны быть зарегистрированы идентичные (отличающиеся лишь незначительными деталями) промышленные образцы.

Внешний вид объекта, продиктованный лишь его техническими характеристиками и функциями,

не является промышленным образцом по смыслу ст. 11 Закона «О патентах».

В Законе 11/1988 от 3 мая 1988 г. «О юридической защите права на топологии интегральных микросхем» дано определение ещё одному объекту промышленных прав в Испании. Топология интегральной микросхемы – это схема различных слоёв и элементов, которые составляют интегральную микросхему, её трёхмерное изображение (расположение) и взаимосвязи внутри микросхемы, а именно то, что окончательно является её «топологией». Интегральная микросхема – это объект, состоящий из слоя полупроводникового материала, одного или более слоёв проводникового, полупроводникового или изоляционного материала, выполняющий электронную функцию.

Топология интегральной микросхемы представляет собой серию взаимосвязанных изображений, независимо от способа их получения, которые воспроизводят трёхмерную структуру слоёв микросхемы.

Рассмотрев все основные объекты промышленной собственности, можно сделать вывод о том, что испанское законодательство довольно подробно регулирует правовое положение всех объектов, раскрывая их сущность при помощи норм-дефиниций и условий предоставления правовой защиты.

Литература

1. Савина В. С. Перспективные направления развития права интеллектуальной собственности // Копирайт. – 2018. – № 2. – С. 23–36.

2. Близнец И. А. Вопросы интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. – Электрон. текстовые дан. – М. : Мож. полиграф. комбинат, 2004. – 495 с.

3. Омарова Ю. А. Средства индивидуализации граждан // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 (91). – С. 75–81. – DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.075-081.

4. Abil Abadín A. La moda como referente // La huella internacional de las marcas españolas de moda. – 2017. – P. 10–11.

5. Ruiz Moreno M.F. El triángulo del éxito empresarial: Innovación, marca y exportaciones // Alicante. – Oficina Española de Patentes y Marcas, Asociación para la Defensa de la Marca. – 2016. – 97 p.

Regulatory issues of the institution of industrial property in Spanish legislation

Konovalov N.N., Kondratyuk A.Yu.

RTU MIREA

The article is devoted to the regulation of the Institute of industrial property (patent law, as well as rights to means of individualization) in the Spanish legislation. The article raises the problem of considering the generalization and systematization of knowledge in the field of intellectual property in Spain in General and industrial rights in particular, as well as comparing the Spanish regulation of the Institute of industrial property with the Russian one. The article deals with the problem of studying the legal framework of Spain in the field of intellectual property, including international legal regulation, and the

problem of types of objects of industrial property rights in Spain, based on the Spanish legislation and doctrine. I consider it appropriate to introduce General rules of definition for a better understanding of the legal nature of phenomena in the field of intellectual property law, simplification and interpretation of laws, since most of the terms regulated by Spanish law are complete and sufficient for use in practice.

Keywords: industrial rights, intellectual property, patent law, patents, inventions, trademarks, service marks, means of individualization, Spanish law.

References

1. Savina VS Prospective directions of development of intellectual property law // Copyright. - 2018. - No. 2. - P. 23–36.
2. Gemini IA Issues of intellectual property [Electronic resource]: collection of articles. scientific. tr. - Electron. text data. - M.: We can. polygraph. plant, 2004. -- 495 p.
3. Omarova Yu. A. Means of individualization of citizens // Actual problems of Russian law. - 2018. - No. 6 (91). - S. 75–81. - DOI: 10.17803 / 1994-1471.2018.91.6.075-081.
4. Abil Abadín A. La moda como referente // La huella internacional de las marcas españoles de moda. - 2017. - P. 10-11.
5. Ruiz Moreno M.F. El triángulo del éxito empresarial: Innovación, marca y exportaciones // Alicante. - Oficina Española de Patentes y Marcas, Asociación para la Defensa de la Marca. - 2016. -- 97 p.

Правовые проблемы семей, имеющих детей с ограниченными возможностями

Евсеева Ирина Георгиевна

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики УНК ПСД, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Семенова Валентина Романовна

слушатель Института психологии служебной деятельности ОВД, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье анализируются актуальные правовые вопросы, с которыми сталкиваются семьи, имеющие детей с ограниченными возможностями. Целесообразным представляется целенаправленная политика государства в области проблематики детской инвалидности, т.е. комплекса мер, направленных на ее снижение за счет повышения качества оказания медицинской помощи беременным женщинам, новорожденным, расширение сети медико-генетических учреждений.

Ключевые слова: семья, дети с ОВ, проблемы, методы, технологии, право.

Основополагающим законом, который определяет и регламентирует все льготы и социальные гарантии семьям с детьми инвалидами является Федеральный закон от 24 ноября 1995 г №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Мы кратко остановимся на перечне льгот и социальных гарантий, которые данный закон оговаривает. Нужно сказать, что в некоторых регионах РФ существуют дополнительные нормы законодательства, расширяющие этот перечень.

Прежде всего – как определяется собственно понятие «ребенок-инвалид» согласно действующему законодательству России.

В зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам до 18 лет – категория «ребенок-инвалид».

Основные льготы и преимущества семей с детьми с ОВЗ:

- бесплатное обеспечение лекарственными препаратами, отпускаемыми по рецептам врачей;
- бесплатное санаторно-курортное лечение (вторая путевка предоставляется сопровождающему лицу);

- дети-инвалиды, их родители, опекуны, попечители и социальные работники, осуществляющие уход за ними, пользуются правом бесплатного проезда на всех видах транспорта общего пользования, городского и пригородного сообщения;

- 50% скидка на стоимость проезда на междугородних линиях воздушного, железнодорожного, речного и автомобильного транспорта;

- согласно ст. 17 настоящего Закона инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями. Семьям, имеющим детей-инвалидов, предоставляется скидка не ниже 50% на квартирную плату и оплату коммунальных услуг, а в жилых домах, не имеющих центрального отопления, на стоимость топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению. В первую очередь жилые помещения предоставляются нуждающимся в улучшении жилищных условий лицам, страдающим тяжелыми формами некоторых хронических заболеваний, перечисленных в списке заболеваний, утвержденном приказом Минздрава СССР №330 от 28 марта 1983 года.

- согласно ст. 18 настоящего Закона образовательные учреждения совместно с органами социальной защиты населения и органами здравоохранения обеспечивают дошкольное, школьное,

внешкольное воспитание и образование детей-инвалидов, получение среднего и высшего профессионального образования в соответствии с программой реабилитации инвалида.

Согласно разъяснению Министерства труда РФ и Фонда социального страхования РФ от 19 июля 1995 г. №2/48 «О порядке предоставления и оплаты 4 дополнительных выходных дней в месяц одному из работающих родителей (опекуну, попечителю) для ухода за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет», 4 дополнительных оплачиваемых выходных дня для ухода за детьми-инвалидами предоставляются в календарном месяце одному из работающих родителей (опекуну, попечителю) по его заявлению и оформляются приказом (распоряжением) администрации организации на основании справки органов социальной защиты населения об установлении инвалидности ребенку с указанием, что ребенок не содержится в специальном детском учреждении, принадлежащем любому ведомству на полном государственном обеспечении.

Ребенку-инвалиду, а впоследствии – инвалиду детства устанавливается социальная пенсия и надбавки к ней (ст. 18 Федерального закона от 15 декабря 2001 года №166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»).

Кроме того, неработающим трудоспособным лицам установлены ежемесячные пособия (компенсационные выплаты) по уходу за ребенком-инвалидом в размере 60% от минимального размера оплаты труда (Указ Президента РФ от 17 марта 1994 года №551).

В отношении лиц, на содержании которых находятся дети-инвалиды, устанавливаются следующие пенсионные льготы:

- время ухода за ребенком-инвалидом засчитывается в общий страховой (трудовой) стаж.
- матери ребенка с ОВЗ, воспитавшей его до 8-летнего возраста, страховая (трудовая) пенсия устанавливает право на досрочный выход на пенсию с 50 лет (вместо 55) при страховом стаже 15 лет.

В целях усиления социальной защищенности граждан, воспитывающих детей-инвалидов, 26 февраля 2013 года Президентом России подписан Указ №175 «О ежемесячных денежных выплатах неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы», предусматривающий установление соответствующих выплат с 1 января 2013 года.

Размер выплат дифференцирован исходя из родственных отношений:

- родителю (усыновителю) или опекуну (попечителю) ребенка с ОВЗ в возрасте до 18 лет или инвалида с детства I группы – в размере 5 500 рублей;
- другим лицам – в размере 1 200 рублей.

Льготы по трудовому законодательству:

- Женщина, имеющая ребенка с ОВЗ в возрасте до 16 лет, имеет право на неполную рабо-

чую неделю или неполный рабочий день с оплатой пропорционально отработанному времени (КЗоТ РФ, ст. 49).

- Запрещается привлекать женщин, имеющих детей-инвалидов, к сверхурочным работам или направлять в командировки без их согласия.

- Запрещается отказывать женщинам в приеме на работу или снижать им заработную плату по мотивам, связанным с наличием ребенка с ОВЗ.

- Запрещается увольнение одиноких матерей, имеющих ребенка с ОВЗ по инициативе администрации, кроме случаев полной ликвидации предприятия, учреждения, организации, когда допускается увольнение с обязательным трудоустройством (КЗоТ РФ, ст. 54, 170).

- Одному из работающих родителей (опекунов, попечителей) ребенка с ОВЗ и инвалида до 18 лет предоставляется 4 дополнительных выходных дня в месяц, которые могут быть использованы одним из родителей (опекунов, попечителей) или разделены ими между собой по своему усмотрению (КЗоТ РФ, ст. 1631; Разъяснение Минтруда и соц. страх. РФ от 16 июля 95 года №48/40).

Льготы и права, связанные с воспитанием и обучением детей-инвалидов:

Все дети-инвалиды пользуются правом первоочередного поступления в дошкольное учреждение (в соответствии с Указом президента РФ от 02.10.1992 г.). Также имеются некоторые другие льготы для родителей детей-инвалидов. В частности, родители ребенка с ОВЗ имеют право на освобождение от оплаты детского дошкольного учреждения. Эта норма прописана в Постановлении Верховного Совета РФ от 6.03.1992 г. №2464-1.

В случае, если ребенок-инвалид не способен обучаться в коллективе, имеется возможность организовать его обучение на дому и в негосударственных образовательных учреждениях (Постановлении Правительства РФ от 18.07.1996 г. №861).

Согласно ФЗ РФ «Об образовании» от 13.01.1996 г. №12, для обучения детей с ОВЗ создаются специальные коррекционные группы, классы или целые образовательные учреждения. Таким образом, как мы видим, перечень льгот для семей, воспитывающих детей в ОВЗ достаточно объемный.

Опыт работы различных учреждений по социальной и медицинской реабилитации детей с ОВЗ помогает сделать вывод о том, что решение данной проблемы должно синхронно проводиться по нескольким линиям. Целесообразным представляется целенаправленная политика государства в области проблематики детской инвалидности, т.е. комплекса мер, направленных на ее снижение за счет повышения качества оказания медицинской помощи беременным женщинам, новорожденным, расширение сети медико-генетических учреждений.

Литература

1. Алёшина А.В., Поворознюк О.А. Педагогическая поддержка социализации детей с ограничен-

ными возможностями здоровья [Текст] / А.В. Алёшина, О.А. Поворознюк // Молодой ученый. – 2016. – №9. – С. 1063-1066.

2. Гребёнкина Л.А. Особенности работы с семьями, имеющими детей с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] / Л.А. Гребёнкина // <http://festival.1september.ru/articles/580001/>.

3. Дорошенко О.М. Роль личности в обеспечении правового регулирования профессиональной компетенции сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. М.: Административное и муниципальное право. 2009. №7. С. 51-53.

4. Естемесова Ж. Т. Социально-педагогическая работа с семьями детей с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Ж. Т. Естемесова // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). – Пермь: Меркурий, 2013. – С. 147-149. <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/66/3322/>

5. Захарова А.В. Социально-правовые аспекты сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях интегрированного школьного обучения [Текст] / А.В. Захарова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – №2. – С.117-120.

6. Орлова Л.С. Формы и методы работы с родителями обучающихся с ОВЗ [Электронный ресурс] / Л.С. Орлова // <https://kopilkaurokov.ru/vsemuchitelam/prochee/formy-i-mietody-raboty-s-roditeliami-obuchaiushchikhsia-s-ovz>

7. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Технологии социальной работы с различными группами населения: Учебное пособие / Под ред. проф. П.Д. Павленка. — М.: ИНФРА-М, 2009. – 272 с.

8. Поворознюк О.А. Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования [Текст] / О.А. Поворознюк // Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова. – 2013. – №5 (11). – С.97–101.

9. Социально-медицинская реабилитация детей с ОВЗ// Медико-социальная экспертиза и реабилитация. Пузин С. Н., Дементьева Н. Ф. – М., 2012. – 235 с.

10. Фоменко Л.Д. Основы коррекционной помощи детям и подросткам с ОВЗ, обучающимся на дому [Электронный ресурс] / Л.Д. Фоменко // <http://nsportal.ru/shkola/korreksionnaya-pedagogika/library/2016/05/16/statya-osnovy-korreksionnoy-pomoshchi-detyam-i>

11. Явбатырова Б.Г., Махмудова Н. Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы. Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, 2011. – 124 с.

Legal problems of families with children with disabilities

Evseeva I.G., Semenova V.R.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

The article analyzes the current legal issues faced by families with children with disabilities. The purposeful policy of the state in the field of problems of child disability seems to be expedient, i.e. a set of measures aimed at reducing it by improving the quality of medical care for pregnant women, newborns, expanding the network of medical and genetic institutions.

Keywords: family, children with disabilities, problems, methods, technologies, law.

References

1. Alyoshina A.V., Povoroznyuk O.A. Pedagogical support of socialization of children with disabilities [Text] / A.V. Alyoshina, O. A. Povoroznyuk // Young Scientist. - 2016. - No. 9. - S. 1063-1066.
2. Grebenkina L.A. Features of work with families having children with disabilities [Electronic resource] / L.A. Grebyonkin // <http://festival.1september.ru/articles/580001/>.
3. Doroshenko OM The role of the individual in ensuring the legal regulation of the professional competence of employees of units for minors. M.: Administrative and municipal law. 2009. No. 7. S. 51-53.
4. Estemesova Zh. T. Social and pedagogical work with families of children with disabilities [Text] / Zh. T. Estemesova // Problems and prospects for the development of education: materials of the III international. scientific. conf. (Perm, January 2013). - Perm: Mercury, 2013. -- S. 147-149. <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/66/3322/>
5. Zakharova A.V. Social and legal aspects of accompanying children with disabilities in the context of integrated school education [Text] / A.V. Zakharova // Historical and socio-educational thought. - 2013. - No. 2. - S.117-120.
6. Orlova L.S. Forms and methods of work with parents of students with disabilities [Electronic resource] / L.S. Orlova // <https://kopilkaurokov.ru/vsemuchitelam/prochee/formy-i-mietody-raboty-s-roditeliami-obuchaiushchikhsia-s-ovz>
7. Pavlenok P.D., Rudneva M.Ya. Technologies of social work with different groups of the population: Textbook / Ed. prof. P.D. Pavlenka. - M.: INFRA-M, 2009. - 272 p.
8. Povoroznyuk O.A. Socialization of children with disabilities in inclusive education [Text] / O.A. Povoroznyuk // Bulletin of IGPI im. P.P. Ershova. - 2013. - No. 5 (11). - P.97-101.
9. Social and medical rehabilitation of children with disabilities // Medical and social examination and rehabilitation. Puzin S.N., Dementyeva N.F. - M., 2012. - 235 p.
10. Fomenko L. D. Fundamentals of correctional assistance to children and adolescents with disabilities studying at home [Electronic resource] / L.D. Fomenko // <http://nsportal.ru/shkola/korreksionnaya-pedagogika/library/2016/05/16/statya-osnovy-korreksionnoy-pomoshchi-detyam-i>
11. Yavbatyrova BG, Makhmudova N. Disabled children as an object of social and pedagogical work. Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, 2011. -- 124 p.

Вопросы правового регулирования права граждан на обжалование неправомερных решений должностных лиц органов публичной власти

Калинина Светлана Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Бобылева Марина Николаевна

курсант факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Наиболее распространенная в правоприменительной деятельности категория административных дел – об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления – регулируется главой 22 КАС РФ. Предметом судебного рассмотрения дел данной категории являются решения, действия (бездействие) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования права граждан на обжалование неправомερных решений должностных лиц органов публичной власти.

Ключевые слова: право граждан, жалоба, должностные лица, неправомερные действия, возмещение вреда, ответственность.

Принятый в 2015 году Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [1] (далее – КАС РФ) значительно расширил возможность граждан на судебную защиту своих законных прав, свобод и интересов от неправомερных решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или публичными полномочиями должностных лиц, государственных и иных служащих.

Наиболее распространенная в правоприменительной деятельности категория административных дел – об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления – регулируется главой 22 КАС РФ. Предметом судебного рассмотрения дел данной категории являются решения, действия (бездействие) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего, в результате которых:

- 1) нарушены права и свободы гражданина;
- 2) созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод;
- 3) на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или незаконно привлечен к ответственности.

Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации установлен общий срок для обращения с жалобой на решение публичного органа власти или должностного лица, который составляет три месяца со дня, когда гражданину стало известно о нарушении его прав. Но помимо общего трехмесячного срока имеется также и специальный. Специальный срок обращения граждан или организаций об оспаривании неправомερных решений устанавливается для отдельной категории решений, например, решение об удалении в отставку главы местной администрации, специальный срок обжалования по такой категории дел составляет 10 дней со дня принятия соответствующего решения. В случае пропуска срока подачи искового заявления по уважительной причине может быть восстановлен, если это предусмотрено законом. Срок обращения с административным иском заявлением в суд начинается с даты, следующей за днем, когда лицу, по-

давшему административное исковое заявление, стало известно о нарушении его прав и свобод, о создании препятствий к осуществлению его прав и свобод. Обязанность доказывания данного обстоятельства лежит на лице, подавшем административное исковое заявление на неправомерное решение. Пропуск установленного срока обращения в суд не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления к производству суда. Причины пропуска срока выясняются на предварительном судебном заседании или судебном заседании[3].

По своей форме административное исковое заявление о признании незаконными действий или решений должно соответствовать общим требованиям (ч. 1; п. п. 1, 2, 8, 9 ч. 2 и ч. 6 ст. 125 КАС РФ). В то же время с учетом специфики данных дел в заявлении необходимо указывать ряд дополнительных сведений, например: наименование, номер, дата принятия оспариваемого решения, дата и место совершения оспариваемого действия (бездействия); в чем заключается оспариваемое бездействие (от принятия каких решений либо от совершения каких действий в соответствии с обязанностями, возложенными в установленном законом порядке, уклоняются орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями). Исковое заявление должно содержать требование о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями (п. 10 ч. 2 ст. 220 КАС РФ). Наряду с документами, прилагаемыми к административному исковому заявлению в соответствии с общими требованиями ст. 126 КАС РФ, к нему прилагаются и дополнительные документы: копия ответа из вышестоящего в порядке подчиненности органа или от вышестоящего в порядке подчиненности лица, если таким органом или лицом была рассмотрена жалоба по тому же предмету, который указан в подаваемом административном исковом заявлении.

Одной из новелл, утвержденных КАС РФ, является применение в административном судопроизводстве мер предварительной защиты по административному иску о признании незаконными решений, действий органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями.

По общему правилу, установленному административным законодательством суд не правомочен приостановить действие оспариваемого решения в отношении административного истца без ходатайства по его собственной инициативе. Вопрос о приостановлении действия оспариваемого решения может быть решен на любой стадии судебного разбирательства, но до момента вступления в силу решения суда, если только это приостановление может предотвратить возможные неблагоприятные последствия для административного истца.

К вопросу о перечне лиц, которые имеют право выступать в качестве заявителей является широ-

ким. В него входят граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства и организации. Также специальным субъектом, который имеет право обратиться с заявлением является прокурор, который может выступать в качестве представителя лица, который не может самостоятельно защищать свои права в судебном порядке.

В гл. 22 КАС РФ урегулирован институт обращения в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной или муниципальной власти, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

В установленных законом случаях Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте РФ, иные органы, организации и лица, а также прокурор в пределах своей компетенции могут обратиться в суд с административными исковыми заявлениями соответствующего содержания в защиту прав, свобод и законных интересов широкого круга лиц[3].

Так, Казанский межрайонный природоохранный прокурор обратился в суд с административным иском в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц к исполнительному комитету Октябрьского сельского поселения Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан о возложении обязанности обратиться в орган государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним с заявлением о постановке на учет бесхозяйного недвижимого имущества, а именно канализационной сети водоотведения и канализационной насосной станции, которые используются для водоотведения жилых многоквартирных домов; о возложении обязанности до обнаружения собственника либо принятия указанного имущества в муниципальную собственность осуществлять содержание и надлежащую эксплуатацию системы водоотведения жилых многоквартирных домов.

Заявленные требования мотивированы следующим.

Прокурорской проверкой установлено, что канализационные (хозяйственно-бытовые) стоки, образующиеся от многоквартирных домов через канализационную насосную станцию, поступают в канализационную сеть, находящуюся на территории птицеводческого хозяйства производственной базы крестьянско-фермерского хозяйства.

После переполнения нефункционирующих отстойников организации канализационные стоки самостоятельно вытекают на территорию указанной производственной базы и далее, растекаясь по рельефу местности на территории Октябрьского сельского поселения, частично образуют места скопления и частично попадают в залив Куйбышевского водохранилища. При этом производственная база крестьянско-фермерского хозяйства с сентября 2013 года деятельность не осуществляет, договоры на прием канализационных сточ-

ных вод в собственные сети крестьянско-фермерским хозяйством не заключались. Канализационная насосная станция является бесхозной, а канализационные стоки сбрасываются на рельеф местности и в водный объект без очистки. Указанные факты нашли свое подтверждение в ходе выездных обследований территории прокуратурой. Кроме этого, по результатам анализа отобранных проб выявлено существенное превышение в канализационных сточных водах, разлитых на рельефе местности, концентраций загрязняющих веществ. Отсутствие собственника и эксплуатирующей организации приводит к невозможности осуществления контроля за состоянием работоспособности сети водоотведения, а отсутствие обязанности по ее содержанию и ремонту приводит к аварийным ситуациям и загрязнению окружающей среды. Исполнительный комитет Октябрьского сельского поселения является единственным органом, обладающим правом подачи заявления о постановке имущества на учет в качестве бесхозной, следовательно, обязан это делать.

Требование удовлетворено в связи с недоказанностью отсутствия негативного воздействия отведения неочищенных канализационных сточных вод на рельеф местности[4].

Как видно из представленного примера – по окончании судебного разбирательства вынесено решение: об удовлетворении полностью. Также возможны решения – о частичном удовлетворении требований или об отказе в удовлетворении требований.

В случае если административный иск будет признан обоснованным, то ответчик должен выплатить судебные расходы. Здесь кроется определенная проблема организационного характера. Срок возмещения судебных расходов занимает продолжительное время от трех месяцев и более, а если административный ответчик предоставляет достоверные сведения о том, что он не в состоянии выплатить, то ему предоставляется отсрочка, то есть административный истец может очень долго ждать возмещения понесенных им расходов. Например, при составлении административного иска предъявляются серьезные требования, которые, к сожалению, гражданин не может выполнить самостоятельно и для этого ему необходимо обращаться к специалистам, обладающими определенными знаниями в этой сфере, соответственно гражданин несет расходы, которые ему еще очень не скоро возместят.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. №21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. №10. Ст. 1391

2. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция. Джафаров Н.К., Калинина С.В., Кардашевский В.В., Низаметдинов А.М., Потапенкова И.В., Суслова Г.Н., Эриашвили

Н.Д. Издательство: Юнити-Дана: Закон и право. Москва, 2016.

3. Административное судопроизводство. Часть II. Особенности рассмотрения, обжалование, пересмотр и исполнение судебных актов / Л.Ф. Бадиков, Т.В. Богданова, В.А. Гуреев и др.; под ред. В.А. Гуреева. М.: Редакция "Российской газеты", 2016. Вып. 12. С. 33

4. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 19 февраля 2016 г. №33а-1585/2016. // СПС «Консультант Плюс».

5. Морукова А.А., Калинина С.В. Производство по предложениям, заявлениям и жалобам в органах внутренних дел. // В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина: в 3-х частях. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2014.

Issues of legal regulation of the right of citizens to appeal against unlawful decisions of officials of public authorities

Bobyleva M.N., Kalinina S.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The most common category of administrative cases in law enforcement - on challenging decisions and actions (inaction) of public authorities and local governments - is regulated by Chapter 22 of the CAS RF. The subject of judicial consideration of cases of this category are decisions, actions (inaction) of a public authority, local self-government body, other body, organization, endowed with certain state or other public powers (including decisions, actions (inaction) of the qualification collegium of judges, examination commission), official a person, a state or municipal employee. The article examines the issues of legal regulation of the right of citizens to appeal against unlawful decisions of officials of public authorities.

Keywords: right of citizens, complaint, officials, illegal actions, indemnification, responsibility.

References

1. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08 March 2015 No. 21-FZ // SZ RF. 2015. No. 10. Art. 1391
2. Administrative and jurisdictional activities of the internal affairs bodies. Textbook for university students enrolled in the direction of training Jurisprudence. Jafarov N.K., Kalinina S.V., Kardashevsky V.V., Nizametdinov A.M., Potapenkova I.V., Suslova G.N., Eriashvili N.D. Publisher: Unity-Dana: Law and Law. Moscow, 2016.
3. Administrative proceedings. Part II. Features of consideration, appeal, revision and execution of judicial acts / L.F. Badykov, T.V. Bogdanov, V.A. Gureev and others; ed. V.A. Gureeva. M.: Editorial office of "Rossiyskaya Gazeta", 2016. Issue. 12, p. 33
4. The appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated February 19, 2016 No. 33a-1585/2016. // SPS "Consultant Plus".
5. Morukova A.A., Kalinina S.V. Proceedings on proposals, statements and complaints in the internal affairs bodies. // In the collection: Actual problems of administrative and administrative procedural law. Materials of the annual All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.D. Sorokin: in 3 parts. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014.

Проблема разрешения корпоративных конфликтов: досудебное урегулирование в контексте основных тенденций взаимодействия бизнеса и права

Гребенкина Ирина Александровна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель, Московский Государственный Юридический Университет имени О.Е. Кутафина

Тимофеева Алла Александровна

студент Института адвокатуры, Московский Государственный Юридический Университет имени О.Е. Кутафина

В последнее время в правоприменительной практике все большую актуальность приобретает проблема разрешения корпоративных конфликтов. При этом в качестве возможного варианта снятия загруженности с судов выступает автономное регулирование вопросов субъектами экономических отношений во внесудебном порядке. В статье рассмотрены механизмы разрешения корпоративных конфликтов, которые можно указать в корпоративном договоре, а также перспективы развития данного института.

Ключевые слова. Корпоративный конфликт, дедлок, корпоративный договор, русская рулетка, техасская перестрелка, голландский аукцион.

В соответствии со ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ участники хозяйственного общества вправе заключить корпоративный договор, в соответствии с которым они обязуются осуществлять свои права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Анализируя природу корпоративного договора, следует отметить, что его эффективность и привлекательность обусловлены отсутствием обязательной государственной регистрации, что позволяет оперативно регулировать взаимоотношения внутри организации.

Помимо этого, корпоративный договор может дополнять устав общества, не противореча ему, регулировать более гибко вопросы структуры и компетенции общества, традиционно регулируемые исключительно уставом.

Однако в научной литературе нередко высказывалось мнение о злоупотреблении своими правами со стороны третьих лиц, что на практике приводит к скрытому управлению обществом в своих интересах. По мнению Е.А. Суханова, "возможное участие в корпоративном договоре третьих лиц, не намеревающихся стать участниками обществ", фактически означает "возможность тайного приобретения различных (а практически – любых) корпоративных прав лицами, не являющимися членами корпорации".

По нашему мнению, основное назначение корпоративного договора как важнейшего инструментария в построении бизнеса – соблюдение интересов не только участников общества, но и самого общества в целом. Ведь именно "степень обеспеченности правовыми средствами баланса соответствующих интересов, наряду с иными критериями, можно рассматривать в качестве критерия эффективности правового регулирования".

В этом контексте считаем целесообразным перейти к рассмотрению возможных вариантов разрешения корпоративных конфликтов между участниками хозяйственных обществ, которые можно предусмотреть в корпоративном договоре.

Стоит отметить, что в странах англо-саксонской правовой семьи корпоративные договоры на прак-

тике заключаются довольно часто. При этом в таких соглашениях участникам предоставляются дополнительные голоса или устанавливается право решающего голоса председателя совета директоров, назначенного одной из сторон договора. Документ также может предусматривать создание сторонами специального выборного органа для урегулирования разногласий, использование процедуры медиации и привлечение независимого эксперта.

Кроме того, в договоре также могут быть предусмотрены и иные последствия в случае, если сделка не удастся урегулировать. К примеру, стороны вправе требовать ликвидации общества, либо продажи акций другой стороны или принудительного выкупа этих акций, используя специальные механизмы, указанные в корпоративном договоре.

В международной практике существуют так называемые *shotgun*-условия или способы разрешения тупиковых ситуаций, которые можно предусмотреть корпоративным договором:

– «Русская рулетка» (*russian roulette*). Данный механизм позволяет любому из участников корпоративного договора направить другому участнику предложение о выкупе его акций с указанием цены, при этом другой участник вправе либо продать свою долю, либо требовать покупки доли другого участника по аналогичной цене.

– «Техасская перестрелка» (*texas shoot-out*). При возникновении дела каждая из сторон в конвертах направляет независимому медиатору свое предложение цены, по которой она готова приобрести долю другой стороны. Далее медиатор одновременно вскрывает конверты, и выигрывает заявка с наибольшей покупной ценой. При этом стороны обязаны соответственно продать и купить долю по указанной цене.

– «Голландский аукцион» (*dutch auction*). Стороны также направляют медиатору конверты, но с минимальной ценой, за которую они готовы продать свою долю. При этом сторона, указавшая наибольшую цену, получает право выкупить долю другой стороны по цене, которая была указана в ее предложении.

В этом же контексте, полагаем, важно упомянуть, что в феврале текущего года владелец 27,8% акций ГК «Норникель» Олег Дерипаска обратился в Высокий суд Лондона с просьбой о запуске механизма русской рулетки, который был предусмотрен корпоративным договором, заключенным между Дерипаской и другим совладельцем компании Владимиром Потаниным в 2012 году.

Затяжной корпоративный конфликт начался в 2008 году, вызванный разными взглядами на дальнейшее развитие «Норникеля» и на его дивидендную политику. В 2012 году конфликт был разрешен при содействии Романа Абрамовича, который выкупил небольшой пакет акций у Потанина и Дерипаски и стал своеобразным арбитром между ними. В 2012 году был заключен корпоративный договор, который позволял сторонам запустить механизм «русской рулетки» через 5 лет, т.е. в 2017 году. Один из акционеров мог предложить

другому выкупить его долю по средневзвешенной цене за полгода с премией 20%. Отказ от «русской рулетки» мог трактоваться как нарушение акционерного соглашения, и пакет «нарушителя» выкупается второй стороной на цене в \$1 за акцию.

В начале 2018 года конфликт обострился в связи с тем, что структура группы «Интеррос» Владимира Потанина, Bonico Holdings, предложила Crispian Романа Абрамовича и Александра Абрамова продать 4% «Норникеля» за \$1,48 млрд.

Crispian уведомила UC Rusal и Whiteleave Holdings Владимира Потанина о предложении, предоставив им право выкупить бумаги на тех условиях, которые предложила Bonico. Whiteleave Потанина ответила согласием. Приняла предложение и UC Rusal, однако компания Олега Дерипаски сочла, что любая продажа акций «Норникеля» компанией Crispian не будет соответствовать акционерному соглашению. Механизм «русской рулетки» будет запущен в том случае, если Высокий суд Лондона примет сторону Олега Дерипаски и решит, что продажа компанией Crispian Романа Абрамовича акций «Норникеля» Владимиру Потанину нарушает акционерное соглашение.

Подводя итог нашему исследованию, полагаем, что использование подобных механизмов в российском правовом порядке значительно бы ускорило процесс разрешения корпоративных конфликтов, позволило бы сторонам акционерного соглашения самостоятельно предусматривать возможные варианты выхода из тупиковых ситуаций в договоре. К тому же, как показывает практика, подобные механизмы уже используются субъектами российского гражданского права в их соглашениях, однако ввиду отсутствия законодательно закрепленной возможности запуска таких механизмов посредством российских судов, стороны вынуждены заключать соглашения по английскому праву и обращаться в зарубежные суды для разрешения споров.

Литература

1. Ситдикова Р.И., Бакулина Л.Т. Регулятивная роль корпоративного договора. // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. N 11
2. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 134
3. Ситдикова Р.И. Справедливый баланс частных и общественных интересов как критерий эффективности правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. N 11
4. Божко М.П., Галанцев Д.А. Семь уроков корпоративных конфликтов: Проспект, 2018.
5. Дорошенко О.М. Государственный аудит в регулировании вопросов охраны общественного порядка. В сборнике: ЛОМОНОСОВ-2017. Электронный ресурс. Министерство образования и науки РФ. 2017.
6. <https://www.rbc.ru/business/20/02/2018/5a8c57169a79472a24e84a09>

The problem of resolving corporate conflicts: pre-trial settlement in the context of the main trends in the interaction of business and law

Grebenkina I.A., Timofeeva A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

Recently, in the law practice, the problem of resolving corporate conflicts is becoming increasingly important. In this case, as an option to remove the congestion from the courts, autonomous regulation of issues by subjects of economic relations in extrajudicial order. The article considers the mechanisms for resolving corporate conflicts, which can be specified in the corporate contract, as well as the prospects for the development of this institution.

Keywords: Corporate conflict, deadlock, shareholders agreement, russian roulette, texas shoot-out, dutch auction.

References

1. Sitdikova R.I., Bakulina L.T. The regulatory role of the corporate agreement. // Property relations in the Russian Federation. 2017. N 11
2. Sukhanov E.A. Comparative corporate law. M.: Statut, 2014. S. 134
3. Sitdikova R.I. A fair balance of private and public interests as a criterion for the effectiveness of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2014. N 11
4. Bozhko M.P., Galantsev D.A. Seven Lessons from Corporate Conflict: Prospect, 2018.
5. Doroshenko O.M. State audit in the regulation of issues of public order protection. In the collection: LOMONOSOV-2017. Electronic resource. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. 2017.
6. <https://www.rbc.ru/business/20/02/2018/5a8c57169a79472a24e84a09>

Коренные изменения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов

Минасян Гоар Микаеловна

кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Петухов Сергей Владимирович

студент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Развитие судебной системы Российской Федерации является одним из самых обсуждаемых вопросов, касающихся функционирования государственного аппарата Российской Федерации. В данной статье анализируются преобразования, которые уже произошли в данной ветви власти, а также будущие процессы, продиктованные Верховным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова. Компетенция, судебная система, подведомственность, подсудность, Верховный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции, арбитражные суды.

Компетенция является одним из ключевых институтов в гражданском и арбитражном процессе. Необходимо отметить, что легальное определение понятия компетенции отсутствует как в гражданском, так и арбитражном процессе. Такая ситуация, прежде всего, связана с отсутствием необходимости в данном термине, так как компетенция включает в себя такие институты как подведомственность и подсудность.

Буквальное значение слова *competentia* (латинское *competentio* от *competo* – добиваюсь, соответствую, подхожу) позволяет согласиться с определением, данным Ю.К. Осиповым: компетенция понимается как круг установленных законом властных полномочий органов государства, должностных лиц, общественных организаций, которые в то же время являются и их обязанностями [3].

Если рассматривать понятие компетенция суда, то оно основывается на правовом статусе суда, раскрывая его функциональную деятельность по реализации судебной власти целиком, а также осуществление правосудия на определенном уровне судебной системы. Таким образом, компетенция служит своего рода классификатором, позволяющим разграничить одно звено рассматриваемой ветви власти от другого. Кроме того, компетенция содержит весь массив общей организационной и функциональной составляющей суда.

Начиная с 2014 года происходит модернизация судебной системы Российской Федерации. Одной из ключевых целей данных преобразований является улучшение работы всей судебной власти. А именно: ускорение делопроизводства, улучшение доступности судопроизводства, открытость и беспристрастность судебного процесса. Важность таких преобразований подчеркнул на Петербургском экономическом форуме 2017 года Владимир Владимирович Путин. В своем выступлении он отметил, что сущность данной модернизации заключается в «укреплении независимости судей и улучшении подготовки судейских кадров, об оптимизации судебного процесса и снижении необоснованной нагрузки на судей»[1]. В результате Верховный суд принял целый ряд Постановлений «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных и федеральных конституционных законов»[2], которые предусматривают помимо масштабного реформирования апелляционных и кассационных судов в системе общей юрисдикции, изменения в существующих институтах подведомственности и подсудности.

Подведомственность выступает в качестве межотраслевого института права, который выпол-

няет функции распределительного механизма юридических дел между различными юрисдикционными органами [3]. Помимо этого, профессор Ю. К. Осипов говорит о том, что ключевым является потребность разграничения компетенции между широкой системой государственных органов и именно данную функцию выполняет институт подведомственности.

Правила подведомственности позволяют, прежде всего, определить круг дел, рассматриваемых тем или иным органом. Необходимо отметить, что определение подведомственности является исключительно важным элементом, который гарантирует осуществление гражданских и иных прав. Нельзя не согласиться с В. М. Жуйковым, который подчеркивает, что подведомственность на современном этапе является не только механизмом распределения юридических дел, но и выступает как средство защиты нарушенных прав и интересов [4].

В статье 46 Конституции Российской Федерации [5] установлено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Именно судебная защита занимает особое место среди средств государственной защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Конституционный суд раскрывает данное право как одно из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно как гарантию и средство обеспечения всех других прав и свобод [6]. Вместе с тем, заинтересованное лицо не вправе по своему усмотрению выбирать конкретный суд для обращения за судебной защитой, поскольку порядок судопроизводства, включая правила определения подведомственности и подсудности судебных дел, определяется законом.

Помимо этого, статья 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [7] закрепляет приоритет судебной защиты гражданских прав. Это объясняется тем, что суды наиболее приспособлены для охраны индивидуального, частного интереса. В свою очередь, институт судебной подведомственности представляет собой совокупность процессуальных норм, устанавливающих правила и условия, с помощью которых определяется возможность судебного рассмотрения и разрешения гражданских дел [8]. Существуют следующие критерии при определении судебной подведомственности: 1) круг дел, отнесенных законом к ведению суда; 2) компетенция суда, выражающаяся в полномочиях суда на разрешение гражданских дел, отнесенных к ведению суда; 3) Судебная юрисдикция в отношении дел, отнесенных к ведению суда.

Непосредственно статья 22 Гражданского процессуального кодекса [9] устанавливает какие права, свободы и законные интересы можно защищать в суде. Данная норма устанавливает правила в соответствии с отдельными видами производств. Соответственно субъектами спорных отношений могут быть граждане, а также иностранцы и лица без гражданства, органы государствен-

ной власти, органы местного самоуправления, организации.

Согласно принятому Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации №30 рассматриваемый институт может прекратить свое существование. Верховный суд обосновывает ликвидацию подведомственности следующими причинами:

Во-первых, институт подведомственности был введен в систему правового регулирования в 60-х годах с XX века, прежде всего, с целью правильного разграничения компетенции между судами и государственными органами, которые правомочны разрешать споры и иные юридические дела. Впоследствии судебная система России восприняла данный институт со всеми присущими ему характеристиками, но в результате этого возникло огромное количество споров о подведомственности.

Во-вторых, в 2014 произошло слияние Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, что, по мнению государства, привело к единой судебной системе, задачей которой является достижения единообразия в судебной практике. Помимо этого, Кабанов Р. С. подчеркивает, что аргументируя ликвидацию подведомственности и упразднению ВАС РФ, Верховный Суд полагает, что прекратилось деление судов на систему арбитражных судов и систему судов общей юрисдикции [10]. Но это в корне неправильно, так как основу деятельности рассматриваемых судов составляют различные законы: Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Таким образом, Верховный Суд планирует уменьшить количество судебных тяжб, а также добиться единства судебной системы и единообразия судебной практики. В то же время необходимо отметить, что на сегодняшний день существуют следующие способы устранения диаметральных правовых позиций: принятие Президиумом Верховного Суда решения по конкретному делу; создание правовой позиции путем разъяснения нормы права в постановлении Пленума Верховного Суда; упоминание в обзоре судебной практики конкретного дела как образца разрешения спора; принятие итогового судебного акта Верховного Суда по конкретному делу.

Помимо этого, в ходе проведения реформы Верховный Суд планирует изменить функционирование института подсудности. Подсудность представляет собой относимость подведомственных судам дел к ведению определенного суда [8].

Разработанные поправки в процессуальные кодексы предполагают, что разграничение предметов ведения будет проводиться с помощью института подсудности: если суд общей юрисдикции или арбитражный суд ошибочно возбудили производство по делу не в своей компетенции, то направляют дело в нужный суд [11]. В свою очередь, если отсутствие компетенции выявлено на стадии при-

нения иска, то иск возвращается в связи с неподсудностью.

На наш взгляд, Верховный Суд Российской Федерации с помощью таких преобразований действительно сможет качество повлиять на выстраивание логичной, стройной и целостной системы судебной власти Российской Федерации. С другой стороны, неправильное внедрение рассматриваемых преобразований может негативно сказаться на сроках принятия и рассмотрения дела. Вполне вероятно ситуация, когда исковое заявление от одного судебного органа до другого будет доставляться длительное время, если оно было подано в письменной форме без использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Литература

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения: 05.02.2018);

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №28 от 13 июля 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11504 (дата обращения: 05.02.2018); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №30 от 3 октября 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11612 (дата обращения: 05.02.2018).

3. Дорошенко О.М. Государственный аудит в регулировании вопросов охраны общественного порядка. В сборнике: ЛОМОНОСОВ-2017. Электронный ресурс. Министерство образования и науки РФ. 2017.

4. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. – Свердловск, 1973. – С. 83;

5. Сакун О. В. К вопросу о сущности института подведомственности // Сибирский юридический вестник. №4. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-osuschnosti-instituta-podvedomstvennosti> (дата обращения: 25.10.2017).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014 №31. Ст. 4398.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005. №5-П // Собрание законодательства РФ. 30.05.2005. №22. Ст. 2194.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. №34. Ст. 3301.

9. Мохов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник – М.: ООО «Юридическая фирма контракт». 2017. С. 54.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002. №138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. №46. Ст. 4532.

11. Кабанов Р. С. О ликвидации процессуального института подведомственности и юридической силе обзора судебной практики ВС РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/17/o_likvidacii_processualnogo_instituta_podvedomstvennosti_i_yuridicheskogo_sile_obzora_sudebnoj_praktiki (дата обращения: 25.10.2017).

12. Без подведомственности и мотивировочной части // Верховный суд готовит масштабную реформу процесса [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2017/9/26/bez_podvedomstvennosti_i_motivirovochnoj_chasti_verhovnyj_sud_gotovit_masshtabnuyu_reformu_processa (дата обращения: 05.02.2018).

Radical changes the competence of general jurisdiction courts and arbitration courts

Minasyan G.M., Petukhov S.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The development of the judicial system of the Russian Federation is one of the most discussed issues concerning the functioning of the state apparatus of the Russian Federation. This article analyzes the transformations that have already occurred in this branch of government, as well as the future processes dictated by the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: Competence, judicial system, subordination, jurisdiction, the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, arbitration courts.

References

1. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum 2017 [Electronic resource]. Access mode: <http://kremlin.ru/events/president/news/54667> (date of access: 05.02.2018);
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of July 13, 2017 [Electronic resource]. Access mode: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11504 (date of access: 05.02.2018); Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 30 of October 3, 2017 [Electronic resource]. Access mode: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11612 (date of access: 05.02.2018).
3. Doroshenko OM State audit in the regulation of issues of public order protection. In the collection: LOMONOSOV-2017. Electronic resource. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. 2017.
4. Osipov Yu. K. Subordination of legal affairs. - Sverdlovsk, 1973. -- P. 83;
5. Sakun OV To the question of the essence of the institution of jurisdiction // Siberian legal bulletin. No. 4. 2008. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-osuschnosti-instituta-podvedomstvennosti> (date of access: 10/25/2017).
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // Collection of legislation of the Russian Federation. 08/04/2014 No. 31. Art. 4398.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from 11.05.2005. No. 5-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 05/30/2005. No. 22. Art. 2194.

8. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 29.07.2017) // Collected Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 34. Art. 3301.
9. Mokhov A. A., Vorontsova I. V., Semenova S. Yu. Civil procedure (civil procedural law) of Russia: textbook - M.: LLC "Legal firm contract". 2017. S. 54.
10. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002. No. 138-FZ (as revised on July 29, 2017) // Collected Legislation of the Russian Federation. November 18, 2002. No. 46. Art. 4532.
11. Kabanov RS On the elimination of the procedural institution of jurisdiction and the legal force of the review of judicial practice of the RF Armed Forces [Electronic resource]. Access mode: https://zakon.ru/blog/2017/10/17/o_likvidacii_processualnogo_instituta_podvedomstvennosti_i_yuridicheskoi_sile_obzora_sudebnoj_prakti (date of access: 10/25/2017).
12. Without jurisdiction and motivation // The Supreme Court is preparing a large-scale reform of the process [Electronic resource]. Access mode: https://zakon.ru/discussion/2017/9/26/bez_podvedomstvennosti_i_motivirovochnoj_chasti_verhovnyj_sud_gotovit_masshtabnuyu_reformu_processa (date of access: 05.02.2018).